

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-02-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-02-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович — доктор философских наук, профессор, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович — доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович — доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович — доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович — доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович — доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства Обороны Российской Федерации, профессор кафедры социологии, 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич – доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) – доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич – доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) – доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) — доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сценди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чиковачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна — доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanova@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shorty@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jylarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрация ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова УрО РАН, заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музеиных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, yavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, p.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42 zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich — Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov — Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Sociology, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of

Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstraße 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstätt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharkaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO

University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, eiarinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod

State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-

in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq. 243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov
Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian
Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture
and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab.
Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the
Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str.,
66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management
(branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President
of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035,
Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031,
Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor
of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza,
99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher,
Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance,
53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].

<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

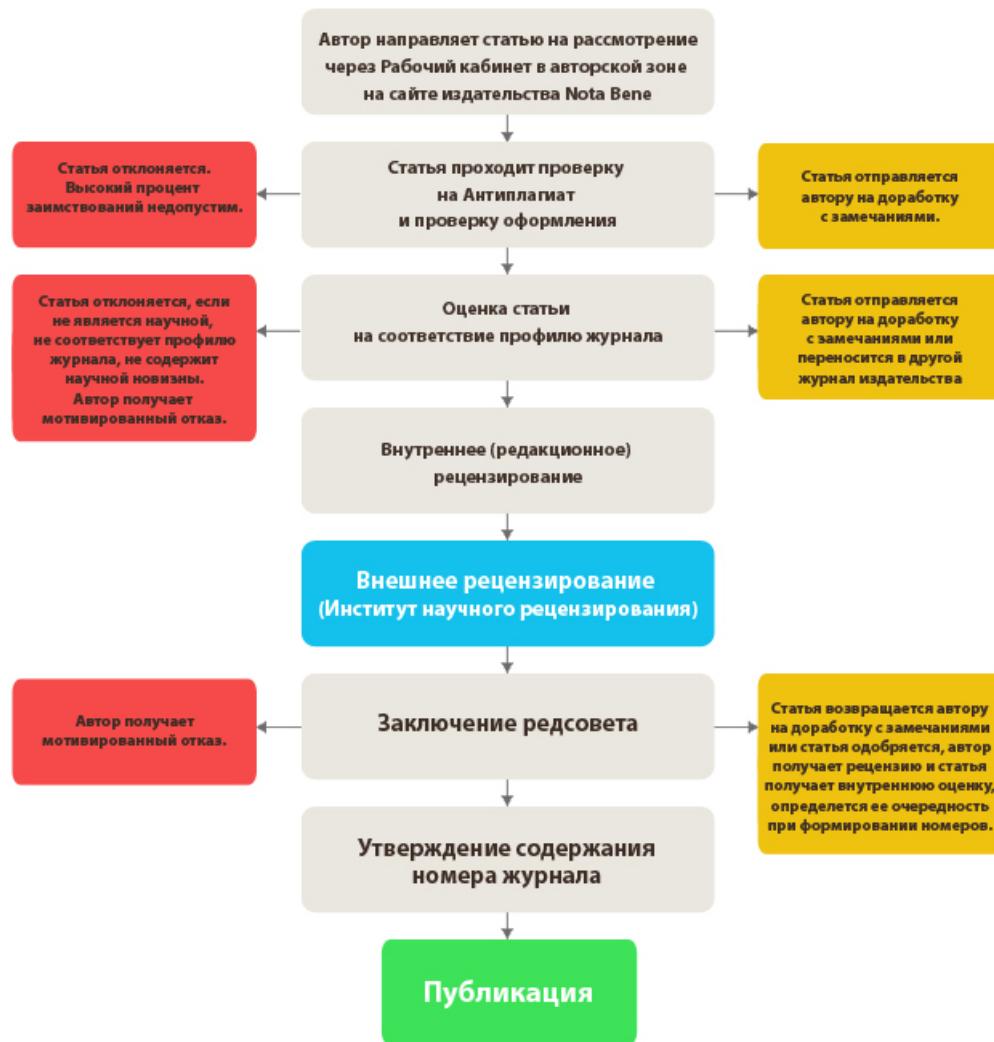
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Зеленский А.А., Грибков А.А. Акторное моделирование когнитивных систем реального времени: онтологическое обоснование и программно-математическая реализация	1
Целыковский А.А. Политический мессианизм как основа российского имперского мифа	13
Недорезов В.Г., Писарчик Л.Ю. Развитие аналитической философии языка от проблемы значения к теории речевых актов	26
Ганин А.В. Георг Зиммель о проявлении и сдерживании эмоций	42
Нижников С.А., Лагунов А.А. Типология философских мировоззрений. Проблемы натуралистического мировоззрения	56
Звонова Е.Е. Детерминистические представления о человеке в философских работах А.Л. Чижевского: научный и религиозный аспекты	69
Англоязычные метаданные	82

Contents

Zelenskii A.A., Gribkov A.A. Actor modeling of real-time cognitive systems: ontological basis and software-mathematical implementation	1
Tselykovskiy A.A. Political Messianism as the Basis of the Russian Imperial Myth	13
Nedorezov V.G., Pisarchik L.Y. The development of the analytical philosophy of language from the problem of meaning to the theory of speech acts	26
Ganin A.V. Georg Simmel on the manifestation and restraint of emotions	42
Nizhnikov S.A., Lagunov A.A. Typology of philosophical worldviews. Problems of the naturalistic worldview	56
Zvonova E.E. Deterministic ideas about man in the philosophical works of A.L. Chizhevsky: scientific and religious aspects	69
Metadata in english	82

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Зеленский А.А., Грибков А.А. — Акторное моделирование когнитивных систем реального времени: онтологическое обоснование и программно-математическая реализация // Философская мысль. — 2024. — № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.1.69254 EDN: LVEGUM URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=69254

Акторное моделирование когнитивных систем реального времени: онтологическое обоснование и программно-математическая реализация**Зеленский Александр Александрович**

ORCID: 0000-0002-3464-538X

кандидат технических наук

ведущий научный сотрудник, НПК "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, Зеленоград, пл. Шокина, 1, строение 7

✉ zelenskyaa@gmail.com

Грибков Андрей Армович

ORCID: 0000-0002-9734-105X

доктор технических наук

ведущий научный сотрудник, НПК "Технологический центр"

124498, Россия, г. Москва, Зеленоград, площадь Шокина, 1, строение 7

✉ andarmo@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия науки"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2024.1.69254

EDN:

LVEGUM

Дата направления статьи в редакцию:

07-12-2023

Дата публикации:

09-01-2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию проблемы повышения достоверности

моделирования когнитивных систем, к которым авторы относят не только человеческий интеллект, но и системы искусственного интеллекта, а также интеллектуальные системы управления производствами, технологическими процессами и сложным оборудованием. Показано, что использование когнитивных систем для решения задач управления обуславливает для них очень высокие требования по быстродействию. Эти требования в сочетании с необходимостью упрощения методов моделирования по мере усложнения объекта моделирования обуславливают выбор подхода к моделированию когнитивных систем. Модели должны основываться на использовании простейших алгоритмов в виде определения трендов, корреляции, а также (для решения интеллектуальных задач) – на использовании алгоритмов, основанных на применении различных паттернов форм и законов. Кроме того, модели должны быть децентрализованными. Адекватное представление децентрализованных систем, образованных из большого числа автономных элементов, может быть сформировано в рамках агент-ориентированных моделей. Для когнитивных систем наиболее проработанными являются две программно-математические реализации агент-ориентированной модели: акторная и реакторная. Акторные модели когнитивных систем имеют два возможных варианта реализации: в виде инструментальной модели, либо в виде симуляции. Обе реализации имеют право на существование, однако возможности реализации достоверного описания при использовании инструментальной модели выше, поскольку она обеспечивает несопоставимо более высокое быстродействие, а также предполагает вариативность моделируемой реальности, обусловленной неполнотой предполагаемой модели. Модель акторов может быть реализована средствами большого числа существующих языков программирования, как специальных акторно-ориентированных, функциональных, так и языков общего назначения. Решение задачи создания симулятивных акторных моделей доступно на большинстве языков, работающих с акторами. Реализация инструментальных акторных моделей требует быстродействия, недостижимого при императивном программировании. В этом случае оптимальным решением является использование акторного метапрограммирования. Во многих существующих языках такое программирование реализуемо.

Ключевые слова:

когнитивная система, управление, достоверность, быстродействие, моделирование, тренды, паттерны, децентрализация, актор, метапрограммирование

Введение

Представления о когнитивных системах в последние десятилетия претерпели существенные изменения. Если еще недавно, говоря о когнитивной системе, мы по умолчанию предполагали, что речь идет о системе познания человека, то в настоящее время, в условиях стремительного развития информационных технологий, к когнитивным относят существенно более широкий класс систем. Согласно актуальной в настоящее время интерпретации, когнитивная система (от лат. *cognito* – познание, узнавание, ознакомление) – это многоуровневая система, осуществляющая функции распознавания и запоминания информации, принятия решений, хранения, объяснения, понимания и производства новых знаний [\[11\]](#).

Большая часть ключевых трендов мирового экономического и технологического развития, наблюдаемых в настоящее время, связана с использованием искусственных когнитивных систем. Наиболее сложными из них являются когнитивные системы

искусственного интеллекта, менее сложными – когнитивные системы управления сложным технологическим оборудованием, технологическими процессами и производствами. К числу последних, в частности, относятся системы цифрового производства [\[2\]](#).

Специфика когнитивных систем, обусловленная их использованием для управления в реальном времени, определяет необходимость высокого быстродействия в отличие от высокой производительности, присущей современным вычислительным системам. Понятия быстродействия и производительности – достаточно близки, однако между ними имеются принципиальные отличия, порождающие альтернативность подходов к их технологической реализации.

Для систем управления понятия быстродействия и производительности определяются следующим образом [\[3\]](#):

- быстродействие системы управления – величина, обратная длительности интервала времени (цикла управления), необходимого для выполнения комплекса необходимых операций (обычно сравнительно небольшого) для текущего управления.
- производительность системы управления определяется как число элементарных операций управления за единицу времени и рассчитывается как средняя величина за сравнительно большой интервал времени, за который выполняется большое число операций.

Современные компьютеры, если их использовать в качестве системы управления, обладают высокой производительностью, но низким быстродействием. Именно поэтому их обычно не используют для управления сложными объектами в реальном времени. Недостаточное быстродействие современных компьютеров обусловлено их построением на основе архитектуры фон Неймана, главным недостатком которой является последовательное выполнение операций (как вычислительных, так и операций обращения к памяти).

В настоящее время известен только один способ повышения быстродействия управления – использование параллельности их выполнения, в общем случае – децентрализация управления. Именно таким способом решается проблема быстродействия когнитивных систем в природе: децентрализация управления реализуется как на уровне клеток, органов или обменных процессов отдельного животного или человека, так и на уровне их надсистем (человеческое общество, колония муравьев, пчелиная семья, стая волков, стадо зебр и т.д.).

В данной статье авторы планируют определить подходы к построению моделей объектов управления, которые будут обладать требуемой достоверностью и обеспечивать необходимое быстродействие управления. Также предметом исследования будет определение отношений формируемых моделей к реальности и проблематика их оптимальной программно-математической реализации.

Проблема достоверного моделирования реальности

Фундаментальной проблемой теории познания, науки и техники является принципиальная невозможность онтологического описания реальных объектов, т.е. описания их такими, какие они есть независимо от познания. Теория познания, наука и техника созданы людьми и основываются на обобщенных понятиях, иерархии форм и законов, вероятностном описании. Между тем в реальном мире все конкретно,

реализуется здесь и сейчас и в общем случае иерархические построения объектов не предполагают сокращения числа определяющих их параметров. В результате неизбежны расхождения между бытием и моделями бытия.

Преодоление указанного расхождения и формирование абсолютно достоверных моделей реальных объектов невозможно, однако можно сделать эти модели более адекватными. Возможные подходы к повышению адекватности моделей могут быть определены исходя из вторичных законов объектов, сформулированных в рамках эмпирико-метафизической общей теории систем [4]. Базовыми в контексте рассматриваемой проблематики являются следующие два вторичных закона объектов:

1. Закон устойчивого моделирования объектов [5], согласно которому по мере повышения полноты описания объекта для сохранения устойчивости описания методы моделирования должны упрощаться. Закон устойчивого моделирования является расширением принципа несовместимости [6, с. 10], согласно которому сложность системы и точность, с которой она может анализироваться, находятся в обратной зависимости.
2. Закон достижения устойчивости за счет архитектуры объектов [7], согласно которому достижение устойчивости объекта может обеспечиваться посредством формирования в нем эгрессионной связи (в частности путем моноцентризма), либо посредством увеличения числа связей элементов внутри объекта (в частности, путем автономизации и децентрализации).

Тенденция упрощения методов моделирования при описании сложных объектов или повышении полноты описания наглядно проявляется в практике имитационного моделирования, в том числе основанного на использовании численных методов. Если мы не можем детерминировать взаимосвязь параметров сложной аналитической модели в рамках одного описания, то вместо обобщенного описания мы переходим к локальному, связывающему отдельные параметры в ограниченных диапазонах их значений. Показательным примером является моделирование гравитационного взаимодействие системы, образованной из трех и более космических тел. Как известно, точное аналитическое определение движений (по эллиптическим траекториям) возможно только для двойных систем. Однако, благодаря использованию имитационного моделирования на основе численных методов, траектории космических тел в многокомпонентных системах (например, в Солнечной системе) рассчитываются с высокой точностью.

Методы численного моделирования, в том числе простейший из них метод линейной интерполяции и экстраполяции, в наименьшей степени основываются на знаниях о внутренних законах и взаимосвязях моделируемого объекта, а поэтому обеспечивают наибольшую устойчивость получаемых решений.

В качестве иллюстрации рассмотрим решение задачи интерполяции функциональной зависимости по ее заданным значениям (точкам). Сравним два подхода к решению, соответствующие большей и меньшей сложности методов моделирования: интерполяцию полиномом и линейную интерполяцию. В первом случае решением задачи интерполяции будет функция (полином n -го порядка), проходящая через все n заданных точек. При этом между этими точками расхождение между функцией и ее трендом может быть очень значительным и тем больше, чем больше точек (поскольку увеличение числа точек приводит к усложнению метода моделирования). В случае использования линейной интерполяции получаемая кусочно-линейная функция будет соответствовать тренду несравненно лучше, а значит ее предсказательные возможности выше. При этом увеличение числа точек приводит не к росту расхождения с трендом, а к снижению,

поскольку метод моделирования не усложняется, а расстояния между точками уменьшаются.

Применительно к моделированию когнитивных систем указанное упрощение методов моделирования предполагает использование при обработке данных простейших алгоритмов в виде определения корреляционных связей, трендов. Именно такие методы используются в современных системах машинного обучения, основанных на использовании технологий больших данных [\[8\]](#), – наименее сложной реализации искусственного интеллекта.

В более сложных когнитивных системах, например, связанных с человеческим сознанием, наряду с корреляционными связями и трендами также действуются паттерны (шаблоны форм или отношений, реализующихся в разных предметных областях и на разных уровнях мироздания) [\[9\]](#), которые соответствуют несколько более сложным методам моделирования, требующим нейронной сети с большим числом и разнообразием элементов и их связей. Методы, основанные на использовании паттернов, нельзя назвать сложными, тем не менее необходимо констатировать, что общая цель на упрощение методов моделирования в полной мере не может быть достигнута.

Упомянутый ранее закон достижения устойчивости за счет архитектуры объектов указывает на два возможных пути: централизацию, либо увеличение числа связей элементов внутри объекта путем автономизации и децентрализации. Исследования авторов [\[3\]](#), связанные с обеспечением реализуемости управления в реальном времени сложными объектами (в частности, технологическим оборудованием), показали, что централизация системы управления несовместима с высоким быстродействием. Поэтому единственным направлением повышения устойчивости системы управления, удовлетворяющим требованию высокого быстродействия (в том числе, управлению в реальном времени), является ее децентрализация.

Агент-ориентированное моделирование децентрализованных систем

Для адекватного представления децентрализованных систем, образованных из большого числа элементов, взаимодействующих между собой и при этом обладающих автономией, используются специальные имитационные модели, получившие название агент-ориентированных моделей (agent-based model, ABM) [\[10\]](#). Элементами таких моделей являются агенты – уникальные и автономные сущности, которые локально взаимодействуют друг с другом и с окружающей средой [\[11, с. 10\]](#).

Агент-ориентированные модели применимы для представления децентрализованных систем любой природы: физических, социальных, экономических, логистических, образовательных, а также информационных. В контексте данного исследования интерес для нас представляют информационные системы, а именно когнитивные системы. Для когнитивных систем, в том числе систем искусственного интеллекта, наиболее проработанными являются две программно-математические реализации агент-ориентированной модели: акторная модель и реакторная модель (модель реляционных акторов). Изначально акторная и реакторная модели служили решению задачи реализации параллельности вычислений, однако в настоящее время их функционал существенно расширился.

В основе акторной модели лежит программно-математическое представление системы в виде акторов – универсальных примитивов исполнения, наделенных заданными свойствами и взаимодействующих посредством обмена сообщениями с другими акторами,

обеспечивая совместно с ними функционирование системы [\[12,13\]](#). Акторы могут представлять собой виртуальные сущности, либо иметь физическую реализацию в виде процессора или иного устройства.

Обобщенное математическое описание акторов в составе акторной модели можно представить в следующем виде:

$$A_{i|m} = A_i(p_{i1|m}, p_{i2|m}, p_{i3|m}, \dots, p_{ik|m}) = A_i\left(\bigcup_{j=1}^k p_{ij|m}\right), \quad (1)$$

где $p_{ij|m}$ – m -ное (текущее) значение параметра j -го параметра i -го актора.

Согласно приведенному в формуле (1) представлению, состояние актора является функцией от значений, определяющих его параметров.

Значение параметра $p_{ij|m}$, в свою очередь, определяется исходя из предыдущих состояний всех акторов, входящих в акторную модель:

$$p_{ij|m} = p_{ij}\left(A_{1|m-1}, A_{2|m-1}, A_{3|m-1}, \dots, A_{n|m-1}\right) = p_{ij}\left(\bigcup_{j=1}^k p_{ij|m-1}\right). \quad (2)$$

Одним из значимых свойств акторов является их способность порождать новые акторы. Это свойство реализуется посредством снятия ограничения с l – максимального значения i . В процессе реализации акторной модели число l авторов может как увеличиваться вследствие рождения новых акторов (задаваемым имеющимися акторами-родителями), так и уменьшаться (самоуничтожаться или уничтожаться другими акторами, «умирать от старости» после отработки заданного количества циклов активности).

В модели реляционных акторов [\[14,15\]](#) управление осуществляется не за счет обмена сообщениями, как в акторной модели, а за счет реакции на события. Каждый реляционный актор может реагировать на события множества разных акторов в любое время. Для реляционных акторов, как и для «обычных», возможны рождение и смерть.

Вариантом модели реляционных акторов является континуальная модель [\[16\]](#). В основе континуальной модели лежит представление функционирования системы через взаимодействие элементов (акторов) не между собой, а с некоторым интегральным объектом (континуумом), отражающим значимые для функционирования системы свойства всех элементов (акторов), в том числе происходящие с ними события. Каждый актор взаимодействует только с континуумом, а континуум взаимодействует со всеми акторами.

Математическое описание актора в составе континуальной модели также, как в случае акторной модели, определяется значениями составляющих его параметров (см. (1)).

Описание состояния континуума основывается на данных о состояниях всех акторов, входящих в континуальную модель:

$$C_m = C(A_{1|m}, A_{2|m}, A_{3|m}, \dots, A_{n|m}) = C\left(\bigcup_{i=1}^n A_{i|m}\right) = C\left(\bigcup_{i=1}^n \bigcup_{j=1}^k p_{ij|m}\right). \quad (3)$$

Значение параметра $p_{ij|m}$, в свою очередь, определяется исходя из предыдущих

состояний актора, к описанию которого этот параметр относится, и континуума:

$$p_{\psi|m} = p_{\psi}(A_{|m-1}, C_{m-1}) = p_{\psi}\left(\bigcup_{j=1}^k p_{\psi|m-1}, \bigcup_{i=1}^n \bigcup_{j=1}^k p_{\psi|m-1}\right). \quad (4)$$

Анализ выражений (2) и (4) указывает на неизбежную задержку в представлении состояния системы (как минимум, на один шаг или цикл управления). Это означает, что значимым требованием к агент-ориентированным моделям (и в целом, к имитационным моделям динамических систем) является высокое быстродействие их практической реализации. Однако, как будет показано, это требование актуально не во всех случаях.

Информационная среда выполнения агент-ориентированной модели

Как мы уже отмечали, для представления когнитивных систем используют акторные модели. Специфика акторных моделей, являющихся частным случаем агент-ориентированных моделей, заключается в том, что они являются исключительно информационными, реализуются программными средствами, а также обеспечивают параллельность выполнения операций (вычислительных и других).

Акторы в виде информационных объектов существуют и функционируют в информационной среде. Такое представление вписывает акторные модели в контекст разрабатываемой авторами концепции о сознании, рассматриваемом вне связи с его наиболее изученной реализацией в виде человеческого интеллекта. Согласно этой концепции, сознание – это информационная среда, в которой реализуется расширенная модель реальности, сформированная из информационных объектов [\[17\]](#). В результате, акторная модель максимально соответствует задаче описания когнитивных систем, в том числе искусственного интеллекта.

Акторные модели когнитивных систем, как и другие имитационные модели, имеют два возможных варианта реализации как информационной модели: в виде инструментальной модели, либо в виде симулятивной (виртуальной) модели.

Инструментальная акторная модель когнитивной системы определяет организацию передачи информации между акторами, каждый из которых является отображением в информационной среде свойств определенного реального объекта. Примерами таких реальных объектов являются функциональные модули системы управления: ядро, вычислительные модули, регуляторы исполнительных устройств, модули очувствления, нейронная сеть (которая может отражаться как одним актором, так и сложной системой с вложенной акторной моделью), датчиков и т.д. [\[18\]](#).

Функцией симулятивной (виртуальной) акторной модели когнитивной системы является не управление этой системой (в том числе, в режиме реального времени), а ее исследование. При формировании симулятивной модели когнитивной системы не решается задача повышения ее быстродействия. Недостаточное быстродействие всегда может быть нивелировано на этапе анализа результатов моделирования (например, за счет временного масштабирования). В результате даже достаточно сложная симулятивная модель может быть реализованы на компьютере или другой вычислительной системе с архитектурой фон Неймана (с последовательным выполнением операций).

Акторы в симулятивной акторной модели, безусловно, являются информационными объектами, но при этом существенно отличаются от акторов в инструментальной модели. Это отличие заключается в том, что, как мы уже говорили, акторы в инструментальной

модели – это отображения свойств реальных объектов, между тем как акторы в симулятивной модели – это идеальные носители параметров, заданных исследователем при симуляции. При этом симулятивную модель нельзя считать полностью детерминированной. При использовании для ее реализации искусственных нейронных сетей, в ней появляется вариативность исходов моделирования (в частности, расчетов). Однако эта вариативность связана с интерпретацией данных, их обработкой, а не с вариативностью самих данных, т.е. вариативностью моделируемой реальности, обусловленной существованием большого числа связей и зависимостей, неучтенных в модели.

Можно ли использовать симулятивные акторные модели для когнитивных систем, функционирующих в реальном времени? Несмотря на неизбежное снижение достоверности результатов работы когнитивной системы такое использование при определенных условиях может быть оправдано. Условий всего два: должна быть обеспечена достаточная (для цели моделирования) полнота данных, а также скорость их обработки должна быть достаточно высокой. Оценка достаточности данных для моделирования решается в каждом отдельном случае и верифицируется при практическом использовании. Что касается скорости обработки данных, то для построения симулятивных когнитивных систем (когнитивных систем, использующих симулятивные акторные модели), способных управлять сложными системами (цифровое производство, сложные многокоординатные станки, промышленные роботы и т.д.), требуются технологии, которые в настоящее время находятся в процессе становления. К числу таких технологий, в частности, относятся квантовые вычисления [\[19\]](#) – решение задач с помощью манипуляции квантовыми объектами: атомами, молекулами, фотонами, электронами и специально созданными макроструктурами.

Акторное метапрограммирование

Модель акторов исторически формировалась как математическая модель параллельных вычислений, реализуемых программными средствами. Специально для программирования акторных моделей были созданы акторно-ориентированные языки ABCL (Actor-Based Concurrent Language), ActorScript, AmbientTalk и др. В некоторые функциональные языки [\[20\]](#) (Erlang, Scala, Elixir и др.) встроена возможность использования акторов. При использовании специальных библиотек расширения с акторами могут работать многие объектно-ориентированные императивные языки общего назначения: C++, C#, Java, Python, Ruby и др.

Все указанные языки программирования, обеспечивающие реализацию акторных моделей, в большей или меньшей степени релевантны решению задач симуляции когнитивных систем, однако для императивного программного представления инструментальных акторных моделей когнитивных систем они в большинстве случаях оказывается непригодными в силу недостаточного быстродействия построенных на их основе программ (при современном уровне электронной компонентной базы), а также перегруженности каналов передачи данных, особенно в случае императивного программирования.

Оптимальный, по мнению авторов, подход к программной реализации инструментальных акторных моделей когнитивных систем должен быть основан на использовании метапрограммирования [\[21\]](#). При метапрограммировании в качестве актора выступает не примитив (как в акторно-ориентированных языках) или класс (как при объектно-ориентированном программировании), а экземпляры отдельных программ, которые

эмулируются программой-диспетчером или ранее эмулированными экземплярами программ [\[22,23\]](#). Метапрограммирование реализуемо средствами многих существующих языков: C++, C#, Java, Python, Ruby и др.

Специфика акторного метапрограммирования, определяющая его эффективность для инструментальных моделей когнитивных систем, заключается в том, что каждый актор (в виде отдельной программы) является отражением в среде выполнения (информационной среде) свойств отдельного реального объекта – элемента когнитивной системы, который может функционировать автономно, в том числе, обладать собственной памятью, что радикально сокращает объем передачи данных по каналам связи, ликвидирует очереди и повышает быстродействие когнитивной системы. Акторное метапрограммирование, таким образом, естественным образом согласуется с реализацией память-центрической архитектуры когнитивной системы [\[24\]](#).

Выводы

Резюмируя собранные в данной статье размышления можно сформулировать следующие ключевые выводы:

1. Представление о когнитивных системах претерпевает изменения. В настоящее время они не обязательно связываются с интеллектуальной деятельностью человека, а могут быть отнесены к различных технических системам, в том числе системам искусственного интеллекта, а также системам автоматического управления технологическими процессами, производствами, сложным технологическим оборудованием.
2. Когнитивные системы широко используются для решения задач управления в реальном времени. Это обуславливает необходимость повышения, наряду с производительностью, также их быстродействия. Эта задача решается на основе параллельности выполнения операций, в общем случае – за счет децентрализации управления.
3. Ключевыми направлениями повышения достоверности моделирования реальности, в том числе реализуемого средствами когнитивных систем, является снижение сложности методов моделирования по мере повышения сложности описания (сложности объекта или полноты его представления), а также совершенствование архитектуры этой модели. Исследования авторов, проведенные ранее, показали, что с требованием быстродействия сочетается архитектура, предполагающая увеличение числа связей элементов, соответствующая децентрализации.
4. Применительно к моделированию когнитивных систем повышение достоверности моделирования реальности достигается за счет использования простейших алгоритмов в виде определения корреляционных связей, трендов, реализуемых искусственными нейронными сетями уже в настоящее время, а также несколько более сложных алгоритмов, основанных на использовании паттернов. Архитектура когнитивных систем реального времени при этом должна быть децентрализованной.
5. Адекватное представление децентрализованных систем, образованных из большого числа автономных элементов, может быть сформировано в рамках агент-ориентированных моделей. Для когнитивных систем наиболее проработанными являются две программно-математические реализации агент-ориентированной модели: акторная и реакторная. Вариант реализации реакторной модели является континуальная модель, в основе которой лежит представление функционирование системы через взаимодействие акторов не между собой, а с континуумом – некоторым интегральным

объектом, отражающим значимые для системы свойства всех акторов, например, происходящие с ними события.

6. Акторные модели когнитивных систем имеют два возможных варианта реализации: в виде инструментальной модели, либо в виде симуляции (виртуальной модели). Обе реализации имеют право на существование, однако возможности реализации достоверного описания при использовании инструментальной модели выше, поскольку она обеспечивает (при текущем уровне технологий) несоизмеримо более высокое быстродействие, а также предполагает вариативность моделируемой реальности, обусловленной неполнотой предполагаемой модели.

7. Модель акторов может быть реализована средствами большого числа существующих языков программирования, как специальных акторно-ориентированных, функциональных, так и языков общего назначения. Решение задачи создания симулятивных акторных моделей доступно на большинстве языков, работающих с акторами. Реализация инструментальных акторных моделей требует быстродействия, недостижимого при императивном программировании. В этом случае оптимальным решением является использование акторного метапрограммирования. Во многих существующих языках (C++, C#, Java, Python, Ruby и др.) такое программирование реализуемо.

Библиография

1. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
2. Микрюков А.А. Когнитивные технологии в системах поддержки принятия решений в цифровой экономике // Инновации и инвестиции, 2018, №6, с. 127-131.
3. Зеленский А.А., Грибков А.А. Онтологические аспекты проблемы реализуемости управления сложными системами // Философская мысль, 2023, №12, с. 21-31.
4. Грибков А.А. Эмпирико-метафизический подход к построению общей теории систем // Общество: философия, история, культура, 2023, №4, с. 14-21.
5. Грибков А.А. Определение вторичных законов и свойств объектов в общей теории систем. Часть 1. Методологический подход на основе классификации объектов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2023, том 12, №5-6A, с. 17-30.
6. Заде Л.А. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: «Мир», 1976. 165 с.
7. Грибков А.А. Определение вторичных законов и свойств объектов в общей теории систем. Часть 2. Методологический подход на основе классификации паттернов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2023, том 12, №9A, с. 5-15.
8. Малявкина Л.И., Думчина О.А., Саввина Е.В. Методы и техники анализа больших данных (Big Data) // Инфраструктура цифрового развития образования и бизнеса: Сборник научных трудов национальной научно-практической конференции, Орел, 01-30 апреля 2021 года. Орёл: Орловский государственный университет экономики и торговли, 2021, с. 34-39.
9. Duin R.P.W. The Origin of Patterns // Frontiers in Computer Science, November 2021, vol. 3, article 747195
10. Бурилина М.А., Ахмадеев Б.А. Анализ многообразия архитектур и методов моделирования децентрализованных систем на основе агент-ориентированного подхода // Креативная экономика, 2016, т. 10, №7, с. 829-848.

11. Railsback S.F., Grimm V. *Agent-Based and Individual-Based Modeling: A Practical Introduction*, Second Edition. Princeton University Press, 2019. 360 p.
12. Burgin M. *Systems, Actors and Agents: Operation in a multicomponent environment*. 2017, 28 p. URL: arXiv:1711.08319
13. Rinaldi L., Torquati M., Mencagli G., Danelutto M., Menga T. *Accelerating Actor-based Applications with Parallel Patterns* // 27th Euromicro International Conference on Parallel, Distributed and Network-Based Processing. 2019, pp. 140-147.
14. Shah V., Vaz Salles M.A. *Reactors: A case for predictable, virtualized actor database systems* // International Conference on Management of Data. 2018, pp. 259-274.
15. Lohstroh M., Menard C., Bateni S., Lee E. *Toward a Lingua Franca for Deterministic Concurrent Systems* // ACM Transactions on Embedded Computing Systems. 2021. Vol. 20. No. 4, pp. 1-27.
16. Хорошевский В.Г. *Распределённые вычислительные системы с программируемой структурой* // Вестник СибГУТИ, 2010, №2, с. 3-41.
17. Грибков А.А., Зеленский А.А. *Определение сознания, самосознания и субъектности в рамках информационной концепции* // Философия и культура, 2023, №12, с. 1-14.
18. Зеленский А.А., Илюхин Ю.В., Грибков А.А. *Память-центрические модели систем управления движением промышленных роботов* // Вестник Московского авиационного института, 2021, т. 28, №4, с. 245-256.
19. Федоров А. *Квантовые вычисления: от науки к приложениям* // Открытые системы. СУБД, 2019, №3, с. 14.
20. Batko P., Kuta M. *Actor model of Anemone functional language* // The Journal of Supercomputing. 2018, Vol. 74, pp. 1485-1496.
21. Скрипкин С.К., Ворожцова Т.Н. *Современные методы метапрограммирования и их распределенные системы технологии разработки перспективы* // Вестник ИрГТУ, 2006, №2 (26), с. 90-97.
22. Neuendorffer S. *Actor-Oriented Metaprogramming*. PhD Thesis, University of California, Berkeley, December 21, 2004. URL: <https://ptolemy.berkeley.edu/publications/papers/04/StevesThesis/>
23. Зеленский А.А., Ивановский С.П., Илюхин Ю.В., Грибков А.А. *Программирование доверенной память-центрической системы управления движением робототехнических и мехатронных систем* // Вестник Московского авиационного института, 2022, т. 29, № 4, с. 197-210.
24. Каляев И., Заборовский В. *Искусственный интеллект: от метафоры к техническим решениям* // Control Engineering Россия, 2019, №5 (83), с. 26-31.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой профессиональное исследование проблем использования искусственных когнитивных систем для повышения эффективности управления различными технологическими процессами в реальном времени. Авторы обращают внимание на различие «производительности» и «быстродействия» как характеристик когнитивных систем, обусловленное различной организацией выполнения операций, – «последовательной» или «параллельной». Только в случае введения параллельного выполнения операций удаётся осуществить «децентрализацию»

управления и достичь высокой степени быстродействия, необходимого для эффективного использования искусственных когнитивных систем. Думается, однако, что термин «децентрализация» (который, судя по рецензируемой статье, является принципиально важным для данной области исследований) является не вполне удачным, поскольку он вызывает негативные коннотации. В качестве более приемлемого может использоваться любое произвольное выражение, введённое в научный оборот вместе с (по возможности, точным) определением (классический пример – введение в научный оборот термина «кварк»). Речь идёт о том, что совсем не обязательно передавать сигнал управления «по вертикали», если самоорганизация системы может осуществляться «на горизонтальном уровне». Авторы говорят при этом о необходимости «снижения сложности методов моделирования по мере повышения сложности описания (сложности объекта или полноты его представления), а также совершенствования архитектуры этой модели». Повторим, что «сомнительное» «децентрализация» не является обязательным для передачи этого смысла. Далее авторы рассматривают два способа реализации «агент-ориентированной модели» – «акторный» и «реакторный»: «Вариантом реализации реакторной модели является континуальная модель, в основе которой лежит представление функционирование системы через взаимодействие акторов не между собой, а с континуумом – некоторым интегральным объектом, отражающим значимые для системы свойства всех акторов». В свою очередь, акторные модели когнитивных систем могут реализовываться в виде инструментальной либо виртуальной (симуляционной) модели. По мнению авторов, возможности «достоверного описания при использовании инструментальной модели выше, поскольку она обеспечивает ... более высокое быстродействие, а также предполагает вариативность моделируемой реальности, обусловленной неполнотой предполагаемой модели». И использование имеющихся уже сегодня методов программирования, согласно утверждению авторов, позволяет осуществить решение этих задач. Знакомство со статьей позволяет констатировать, что она может быть опубликована в научном журнале, однако, вызывает некоторые сомнения целесообразность публикации её именно в философском журнале. Думается, авторы могли бы в рабочем порядке внести в текст дополнения, демонстрирующие актуальность полученных ими результатов и для других, например, социальных систем, в которых препятствием для повышения эффективности управления также может выступать недостаточно высокий уровень быстродействия (в «авторитарно» организованных системах, в которых принятие всех решений осуществляется единственным субъектом или требует его легализации). Собственно, указанное предложение «находится на поверхности», возможно, авторы могли бы проиллюстрировать значимость своей работы в смежных областях и на других примерах. Необходимо также исправить некоторые пунктуационные погрешности («резюмируя собранные в данной статье размышления можно...», и т.п.), а также опечатки («представление функционирование («функционирования, – рецензент) системы», и т.п.). Однако высказанные замечания вторичны в сравнении с достоинствами рецензируемой статьи, рекомендую принять её к печати.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Целыковский А.А. — Политический мессианизм как основа российского имперского мифа // Философская мысль. — 2024. — № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.1.69576 EDN: PQRBEF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69576

Политический мессианизм как основа российского имперского мифа

Целыковский Алексей Андреевич

ORCID: 0000-0002-2442-5463

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, Липецкий государственный технический университет

398055, Россия, Липецкая область, г. Липецк, ул. Московская, 30

 alts1085@mail.ru[Статья из рубрики "Политическая философия"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2024.1.69576

EDN:

PQRBEF

Дата направления статьи в редакцию:

09-01-2024

Дата публикации:

16-01-2024

Аннотация: Предметом данного исследования является содержание, структура, а также функции имперского политического мифа. Актуальность темы исследования продиктована текущей политической ситуацией. В условиях роста мировой политической напряженности и конфронтации России со странами Запада, сопровождающейся информационными и мемориальными войнами, возникает проблема поиска духовно-ценостных оснований современного российского общественного сознания. Миф, как социальный феномен, обладает мощным смыслообразующим потенциалом. Поэтому практическая значимость анализа процессов мифотворчества состоит в получении эффективного инструментария управления общественными процессами. Имперский миф представляет собой устойчивый комплекс политических мифов, укоренившихся в

национальной культуре и во многом предопределяющих специфику политических традиций. Процесс формирования имперского мифа был рассмотрен в своей исторической динамике на различных этапах существования Российского государства. Для этого были использованы сравнительно-исторический анализ, междисциплинарный анализ, системно-целостный подход, а также принципы диалектического метода. Проведенный анализ позволяет утверждать, что в основе имперского мифа находится политический мессианизм. Феномен политического мессианизма представляет совокупность социально-политических мифов, формирующих представление об особом положении той или иной нации и утверждающих наличие у нее особой исторической миссии, а также задающих векторы развития политической практики. Мессианский имперский миф сыграл одну из главных ролей в процессе становления и укрепления единого Российского государства. В дальнейшем он претерпевал различные трансформации. В современной российской политической практике имперский мессианский миф вновь приобретает статус одного из главных элементов. Понимание специфики современной мифотворческой практики с помощью концепта «имперский миф» позволяет по-новому взглянуть на политическую сферу и выявить свойственные ей тенденции.

Ключевые слова:

миф, мифотворчество, политический миф, имперский миф, символ, символ-архетип, мессианизм, политический мессианизм, Российская империя, СССР

Проект FZRW-2023-0005 реализован в ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет» по итогам отбора исследовательских проектов в сфере общественно-политических наук, проведенного ЭИСИ, Министерством высшего образования и науки Российской Федерации и Российской академией наук

Введение

Внимание к проблеме политической мифологии со стороны гуманитарного знания во многом обусловлено не столько теоретическим интересом, сколько сложившейся социально-политической практикой. Распад Советского Союза повлек за собой отказ от устоявшейся системы ценностных ориентиров. В результате новое Российское государство уже три десятилетия находится в состоянии выбора пути дальнейшего развития, а поиск новых духовных и ценностных основ и по сей остается день одной из наиболее важных задач. Политика принятия западных политических ценностей сменилась стремлением к поиску собственной модели развития. Таким образом, вопрос, касающийся факторов, детерминирующих социально-политическую практику, является как никогда актуальным. В этой связи обращает на себя исследовательский интерес феномен современного политического мифа, являющегося действенным инструментом управления социально-политической практикой и формирования исторического сознания.

Специфика архаической мифологии

Для понимания специфики и свойств современной мифологии необходимо обратиться к свойствам мифологии архаической. В архаических обществах мифология представляла собой целостную систему познания и осмыслиения действительности. К ее основным функциям можно отнести накопление, концептуализацию и трансляцию социокультурного опыта, а также формирование стереотипов социального поведения.

При этом мифология, как мировоззренческая система, обладала специфическими свойствами. Причина этого кроется в особенностях мифологического мышления. Первобытное мифологическое мышление характеризовалось высоким уровнем синкретизма эмоционально-аффективных и когнитивных компонентов, что выражалось в сильной эмоциональной окраске, отсутствии четкого субъект-объектного различения, неспособности к формулированию общих абстрактных понятий. В частности, Е.М. Мелетинский замечал по этому поводу: «Диффузность первобытного мышления проявилась и в неотчетливом разделении субъекта и объекта, материального и идеального (т. е. предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени), вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, статичного и динамичного, пространственных и временных отношений» [\[1, с. 165\]](#). За счет этого процедура систематизации и концептуализации опыта в мифе происходила достаточно сложным образом. К примеру, И.М. Дьяконов определял миф как «способ массового и устойчивого выражения мироощущения и миропонимания человека, еще не создавшего себе аппарата абстрактных обобщающих понятий и соответственной техники логических умозаключений» [\[2, с. 9\]](#). Это не означает, что архаический человек был неспособен к систематизации и мыслил исключительно частными категориями. Данное свойство мифа приводило к тому, что итогом осмыслиения фактов окружающей реальности становилось не конкретное понятие, а многозначный наглядно-чувственный образ. И.М. Дьяконов следующим образом характеризовал данную особенность мифологического мышления: «Несспособное к абстрактному обобщению, оно вынужденно передавать обобщения через тропы...Раз эмоции принципиально невозможно передать (словесно или изобразительно) путем их обобщения в абстрактных понятиях, то на долю мифотворчества (а позже – искусства) остается передавать обобщения ассоциативно через отдельное. Но это «отдельное» не есть единичное, а есть образ с неограниченным числом возможных эмоциональных ассоциаций» [\[2, с. 38\]](#).

Таким образом, результатом обобщения и осмыслиения опыта мифологическим мышлением становилась не абстрактная идея, а многозначный образ. Отсюда следует, что в структуре мифологического сюжета присутствуют устойчивые смысловые составляющие – архетипы, которые, с одной стороны, объединяют и обобщают в себе накопленный опыт, то есть являются результатом познания окружающего мира, а, с другой стороны, сами становятся парадигмами социального поведения.

В контексте исследуемой проблемы термин «архетип» будет использоваться в трактовке мифолога М. Элиаде, рассматривавшего миф как универсальный образец для любых проявлений творческой активности человека. По мысли исследователя, миф «всегда имеет отношение к “созданию”: миф рассказывает, как что-то явилось в мир или каким образом возникли определенные формы поведения, установления или трудовые навыки; именно поэтому миф составляет парадигму всем значительным актам человеческого поведения» [\[3, с. 28\]](#). Исследуя различные архаические мифы, М. Элиаде пришел к убеждению, что основная функция мифа состоит в формировании образцовых схем творческой деятельности и социального поведения человека.

Особое внимание М. Элиаде уделял так называемым космогоническим мифам, повествующим о сотворении мира и человека. При всем разнообразии данных мифов, их сюжетная основа едина: преобразование божеством-демиургом первоначального Хаоса в Космос. Под Хаосом понимается неоформленная и неорганизованная материя. Космос, в свою очередь, характеризуется как упорядоченное и гармоничное состояние мира, как материя, принявшая законченную форму. Повествование о структурировании

неоформленного Хаоса в упорядоченный Космос содержит важнейший мифологический архетип центра или мировой оси. Пространство мифологическому мышлению представляется неоднородным, разделенным на две области: сакральный центр (мировая ось – «axis mundi») и периферия (враждебная территория). По словам А.В. Подосинова, «человек всегда воспринимает окружающий его мир относительно самого себя, полагая себя в центре Вселенной; он – начало отсчета при любом действии, при любом измерении, при любой попытке определить, структурировать и измерить пространство. Эгоцентрическая позиция человека как биологического существа распространяется затем и на более широкие сообщества людей – семью, общину, деревню, город, область, страну, космос. Все это относится к современному человеку, но еще более актуально это было для человека архаического с его мифопоэтическим сознанием, сакрализирующим понятие Центра» [\[4, с. 38\]](#).

Необходимо отметить, что осознание собственной уникальности и идентичности практически невозможно без противопоставления центра периферии. Мифологические архетипы центра (Космоса) и периферии (Хаоса) реализуются в структуре политического мифа в виде диады «свои-чужие». Как замечает Т.В. Евгеньева, «для идентификации с общностью, воспринимаемой как «мы», существенное значение имеет образ «их», врагов и недоброжелателей... Важнейшая особенность политической мифологии, построенной по принципу «мы-они», – восприятие моральных норм и предписаний лишь по отношению к нам. «Они» не являются объектом морали, как бы находятся вне сферы регулируемой» [\[5, с. 26\]](#).

Во многих мифологических сюжетах за космогонией наступала эпоха чудесного счастливого времени, характеризуемого присутствием в мире сверхъестественных существ, всевозможным изобилием и даже бессмертием первых людей. Мифологические представления подобного рода являются собой архетип золотого века.

Ключевым элементом космогонического мифа выступает фигура божества-творца или культурного героя. По словам Е.М. Мелетинского, «актам первотворения соответствуют в архаических мифологиях жившие и действовавшие в мифическое время герои, которых можно назвать первопредками-демиургами – культурными героями. Представления об этих трех категориях переплетены между собой, вернее – синкетически нерасчленены. В этом комплексе базисным началом является первопредок родовой, фратриальный, племенной. Последний может иногда мыслиться и как общечеловеческий, поскольку племенные границы в сознании членов первобытной общины совпадают с общечеловеческими. Первопредок-демиург – культурный герой, собственно, моделирует первобытную общину в целом, отождествляемую с «настоящими людьми»» [\[1, с. 178\]](#). Таким образом, архетип культурного героя в мифологическом сюжете воплощается в виде демиуга – творца Вселенной, организатора и устроителя мира. Также данный архетип может быть представлен в виде первопредка – основателя конкретной родовой общины или же человеческого рода в целом.

Специфика современной мифологии

Как целостная система мировоззрения мифология разрушается в процессе рационализации общественного сознания. Однако, рационализированная мифология, претерпев различные трансформации, тем не менее, осталась значимой составляющей социальной реальности. Об этом свидетельствует, в частности, феномен современной мифологии. Процесс рационализации мифологического мышления можно представить как переход от непосредственного восприятия мифологического архетипа к его

символической интерпретации. Однако, превратившись в символ, миф остался значимым социальным феноменом.

Таким образом, процесс рационализации мифологии привел к десакрализации и символизации ее содержания. Несмотря на то, что мифология как целостная система перестала существовать, мифологические архетипы, выраженные в символической форме, сохраняли свое социальное значение, порождая бессознательные ассоциации и программируя определенное социальное поведение субъекта. Именно в символической форме мифология существует в современной культуре. Закрепленный в мифе архетип (программа социального поведения) уже не явлен непосредственно, он предстает как символ.

Понятие символа раскрывает механизм функционирования современного политического мифа. Символ, как способ передачи информации, предполагает полисемию, что с необходимостью предполагает различные контексты интерпретации. По словам С.С. Аверинцева, понятие символа раскрывается через близкие по смыслу понятия образа и знака. Автор говорит, что «символ есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и что он есть знак, наделенный всей органичностью мифа и неисчерпаемой многозначностью образа» [\[6, с. 388-387\]](#). Знак является однозначным не интерпретируемым сообщением, чего нельзя сказать о символе. Природа символа заключается в полифонии смыслов и значений. По наблюдению В.В. Ильина: «Символ – смысловая реалия, знак – обозначающая» [\[7, с. 21\]](#). Существенное различие также заключается и в способе восприятия символа и знака. Для прочтения знака достаточно интеллектуального усилия, символ же требует эмоциональной вовлеченности.

Понятие «мифологический архетип» вообще довольно близко понятию «символ». Символ транслирует смысл посредством образа, вызывающего интеллектуальную реакцию и эмоциональный отклик. Для мифологического мышления смысл также сконцентрирован в виде наглядного образа – архетипа. Разница заключается в том, что для мифологического мышления, архетип – это непосредственная реальность. В этой связи символ является инструментом, с помощью которого рационалистическое сознание может понять глубину мифологического образа, вжиться в него. Как отмечал С.С. Аверинцев, «смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, в него надо «вжиться». Именно в этом состоит принципиальное отличие символа от аллегории: смысл символа не существует в качестве некой рациональной формулы, которую можно «вложить» в образ и затем извлечь из образа» [\[8, с. 156\]](#).

Символ-архетип – это рационализированный и выраженный в символической форме мифологический архетип, сохранивший при этом свое парадигмальное значение. Рациональная рефлексия позволяет, оперируя данными символами-архетипами и соответствующим образом интерпретируя их, конструировать политический миф. Исходя из этого, можно заключить, что современное мифотворчество представляет собой процесс воспроизведения рационализированных символов-архетипов в рамках идеологической системы.

Например, реализованный в рамках политической мифологии, символ-архетип сакрального центра поддерживает представления коллектива о собственной уникальности и идентичности. В политическом мифе символ-архетип центра совмещается с географическим объектом, имеющим важное политическое или культурное значение – со столицей или другим городом, сыгравшем важную роль в истории нации, с религиозно-культовыми объектами или со страной в целом. Территориальная экспансия и

расширение сферы влияния в этом случае политической мифологией интерпретируется как исполнение исторической миссии.

Не менее значимым символом-архетипом, воспроизведенным политической мифологией является символ-архетип культурного героя. Власть персонифицируется в образе лидера, поэтому символ-архетип героя является, пожалуй, самой востребованной и устойчивой составляющей политического дискурса. По мнению Н.Г. Щербининой, «самым политически влиятельным архетипом является Герой, который становится формой для презентации политического лидерства и власти в любой культуре и во все времена» [9, с.]. Бессспорно, символ-архетип героя обладает огромным смысловым диапазоном и в политическом дискурсе может воплощаться в самых различных формах и образах. В структуре современного политического мифа данный символ-архетип может интерпретироваться как правитель и законодатель, основатель государства. В сознании массы лидер приобретает черты мифологического героя, с его личностью связывается благополучие страны и нации. Из политического деятеля он превращается в сакральную фигуру, в спасителя и защитника. Таким образом, презентация политического лидера в соответствии с символом-архетипом героя существенно увеличивает его возможности и полномочия.

Архетип золотого века преобразовывается в разнообразные идеалы общественного устройства и политической организации, архетип героя ложится в основу представлений об идеальном правительстве, архетип центра – в представления о значимых культурно-исторических (сакральных) центрах.

Структуру политического мифа, таким образом, можно представить следующим образом. Конституирующими элементом политического мифа являются мифологические символы-архетипы, благодаря которым происходит, во-первых, сакрализация политических процессов, во-вторых, трансляция ценностей. Кроме того, современный миф апеллирует к бессознательным пластам общественного сознания, вызывая эмоциональный отклик и провоцируя определенное поведение.

Из мифологических символов-архетипов складываются устойчивые политические мифы, детерминирующие политическое сознание и отражающие взгляд народа или нации на свою историю и культуру. Они образуют «метауровень» политического мифа, то есть идеализированный и мифологизированный взгляд на историю нации или государства. Политические мифы подобного рода являются не просто политическим инструментарием, они предопределяют специфику национальной политической культуры. К метауровню политического мифа относится имперский политический миф.

Имперский миф и политический мессианизм

Рассмотрим основные этапы формирования имперского политического мифа. Пожалуй, одним из самых главных факторов, предопределивших специфику наиболее устойчивых национальных политических мифов, стало принятие православия. Как социально-политический фактор, православие стало идеологической основой молодого государства, укрепляя в частности авторитет княжеской власти. Л.А. Андреева по этому поводу пишет: «Расширение и укрепление Древней Руси, которая вела частые войны, привело к обособлению и возвышению военно-аристократической элиты во главе с великим князем. Власть великого князя Киевского во второй половине X века все более приобретает авторитарные черты. Усилившееся де-факто военное и экономическое могущество великокняжеской власти не имело адекватной мировоззренческой опоры в язычестве, которое не способствовало внушению членам общества типа поведения,

основанного на прямой религиозной мотивации подчинения княжеской власти» [\[10, с. 180\]](#). В православном христианстве великокняжеская власть находит необходимую мировоззренческую и идеологическую опору. Принятие православия привнесло в национальную политическую культуру христианское понимание правителя как наместника Бога на земле, защитника подданных и источника законов.

Кроме того, приняв православие, Россия дистанцировалась не только от языческого и мусульманского Востока, но и от католического Запада. Тенденция к обособлению усилилась с завоеванием православной Византии мусульманами-турками. Россия осталась фактически единственным независимым православным государством, что еще более укрепило в национальном политическом сознании символ-архетип центра, а также космогонические символы-архетипы Хаоса и Космоса. Россия стала в полном смысле этого слова центром православной веры. Это, пожалуй, один из самых значимых культурно-исторических факторов, сформировавших национальную политическую культуру. В соответствии с мифологическими символами-архетипами Россия становится Космосом – сакральным центром, освященным истинными ценностями, традициями и законами, окруженным враждебными силами. Цель и миссия России заключалась в сохранении этого истинного духовного наследия, в постоянном сдерживании натиска сил Хаоса.

Окончательно мессианские идеи оформились в виде политического мифа «Москва – третий Рим», отразившего и растущие политические амбиции Российского государства, и стремления упрочить свои духовные основы. Политический миф «Москва – третий Рим» сложился на рубеже XV-XVI веков в период образования единого централизованного Московского государства. Совершив свой религиозный выбор в пользу православия, Россия сблизилась с Византийской империей. Ощущение духовной связи с православной Византией, в конечном итоге, переросло в идею преемственности. Крушение второго Рима – Константинополя позволило Москве объявить себя третьим Римом, то есть наследницей Византии.

В послании Филофея «Рим» понимался не как военный или политический центр, но как духовное царство «неразрушимое», которое «недвижимо пребывает» в истории. Подобный взгляд на падение Византии является прямым следствием предательства греками православный веры, произошедшем после заключения Ферраро-Флорентийской унии. Второй Рим – Константинополь изменил истинной вере и утратил свой статус центра православия, а после и вовсе прекратил свое существование. Московское же государство, напротив, сохранив верность православию, взяло на себя великую духовную миссию. Закрепление же мессианизма в национальном политическом сознании связано с формированием централизованного Российского государства, а также с ростом его военно-политической мощи.

В числе прочих признаков формирующегося единого Российского государства можно назвать сильную деспотичную власть и, соответственно, централизацию и бюрократизацию государственного управления. Неограниченная монархическая власть укрепилась в силу ряда исторических причин. К примеру, Ильин В.В., Ахиезер А.С. дают следующий комментарий по этому поводу: «Рельефной манифестацией абсолютизма в России явилась гипертрофия государственной (монаршей) власти. Причиной того была объективная логика складывания отечественного державного тела. Военно-политически сдерживая колонизационный напор Запада, экономически при неэффективной малопроизводительной земледельческой культуре с господством трехполья (основная плодородная), подсеки (лесные полосы севера), перелога (степи юга) Россия вела

вынужденную колонизацию юга и востока, обеспечивая рубежи, расширяя воспроизводственную базу» [\[11, с. 165\]](#). Военные потребности, а также специфика экономической организации формирующегося государства, во многом предопределили его политическое устройство.

Как уже было сказано, идеологической опорой московского государя стал политический миф о третьем Риме. Русский государь представлял не просто как помазанником Божим, но и защитником единственно правильного вероучения. Кроме того, данный политический миф утверждал идею преемственности Московского царства и двух великих империй прошлого – Римской и Византийской, что увеличивало политический вес великого князя.

Укреплению политического влияния московского великого князя способствовала также женитьба на племяннице последнего византийского императора Софье Палеолог. Византийское влияние прослеживается в принятии византийской символики и церемониала. Двуглавый орел – один из символов Византийской империи становится гербом российского государства. Впрочем, некоторыми исследователями отстаивается точка зрения, что новый государственный герб – двуглавый орел был заимствован Москвой у империи Габсбургов. Действительно, новый герб появляется на государственных печатях в период активных дипломатических контактов московского князя с германским императором. В этот же период московский князь в дипломатической переписке начинает «примерять» на себя императорский титул. Для нашей темы не так уж важно с Востока или с Запада пришла новая государственная символика. Важно другое: очевидное стремление московского князя встать в один ряд с европейскими монархами.

Процесс становления централизованного государства сопровождался появлением различных литературных трудов, схожих по содержанию и идеологической направленности. Например, «Повесть о Новгородском белом клобуке» (XVI в.) и «Сказание о граде Вавилоне» (XVI-XVII вв.) распространяли идею духовной и политической преемственности Руси и Византии. Легенда о происхождении Рюриковичей от римского императора была изложена в сочинении XVI века «Сказание о князьях Владимирских». Помимо упоминания о родстве московских князей и римских кесарей, в «Сказании» излагается легендарная история военного похода на Византию князя Владимира Всеволодовича и получения им от византийского императора царских регалий, в частности, шапки Мономаха. «Сказание» отражало основные политические веяния эпохи – стремление к признанию московского государя равным по статусу европейским монархам и утверждение Москвы наследницей Византии.

Еще одним фактором, оказавшим ключевое влияние на специфику национального политического сознания, стала необходимость в защите от внешних угроз. Постоянные военные угрозы, как с Запада, так и с Востока обусловили потребность не только в мощной армии, но и в сильной политической власти, не допускающей внутренних междоусобиц. Неограниченная военная и политическая власть московского государя выступала гарантией внутреннего благополучия (защита от внутренних врагов) и спокойствия на границах государства (сдерживание внешних врагов).

Таким образом, имперский политический миф формируется вместе с единым государством, превращаясь в его идеологическую опору. Его основной чертой стал мессианский миф особого исторического пути. В национальной политической культуре имперский миф воплотился в виде идей мощного централизованного государства, сильной лидерской власти, внешней территориальной экспансии и т.д. Формально Россия

становится империей лишь в начале XVIII века. Однако сама идея России как империи оформляется уже в эпоху правления Ивана III.

Восемнадцатое столетие, ознаменованное преобразованиями Петра Великого, стало новой эпохой в истории Российского государства. Петровские реформы не могли не отразиться на политической культуре. В частности, с отменой патриаршества и превращением Церкви в одну из составляющих государственной машины, происходит секуляризация идеи «Третьего Рима», которая связывается уже не с торжеством православной веры, а с усилением военно-политического могущества молодой империи. Отказ от старой патриархальной «московской» культуры и переход к европейскому образу жизни сопровождался переносом столицы из Москвы в Санкт-Петербург. В этом решении Петра помимо чисто практических целей заключался символический подтекст. Отказ от политической мифологии «Москва – Третий Рим» означал, что Россия больше не является особенной уникальной страной, она становилась частью европейского культурного пространства, одной из европейских держав.

Следует обратить внимание на двойственный религиозно-политический характер мифологии «Москва – Третий Рим». Религиозная по своему содержанию мифология Третьего Рима с начала своего появления использовалась для оправдания роста военно-политических амбиций московских государей. На двойственный характер мифологии Третьего Рима, в частности, указывали Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский. Анализируя трансформацию мифа «Москва – Третий Рим», произошедшую в эпоху Петра I, исследователи указывают на смещение акцентов с религиозного аспекта мифа, подчеркивающего духовную преемственность с Византией, на политический аспект, декларирующую связь с имперским Римом. По их мнению, «в идее «Москва – третий Рим» слились две тенденции – религиозная и политическая. При выделении второго момента подчеркивалась связь с первым Римом, что влекло затушевывание первого религиозного аспекта и подчеркивание аспекта государственного, «имперского»» [\[12, с. 237\]](#).

Подвергшись десакрализации, тем не менее, сохранила свое влияние. Мессианский имперский миф, отделившись от своей религиозной основы, получал «светское» прочтение. Россия по-прежнему преподносилась как великая страна, но это величие понималось не как духовное избранничество, а как военное и политическое превосходство.

Октябрьская революция 1917 года возродила мессианские ожидания. Одна из главных особенностей русского марксизма заключалась в чисто религиозном эсхатологическом видении истории. М. Саркисянц, рассматривая связь русской православной традиции с революционной политической мифологией, утверждал, что революционное мировоззрение имело глубокую и прочную связь с мифо-религиозными традициями. Он пишет по этому поводу: «Русское понимание социализма носило отчетливо хилиастический характер и было связано с представлениями о конце света... Ибо в самой России социализм рассматривался не в качестве средства, или элемента человеческой практики; не считали его и ступенью общественного развития; российские адепты социализма истолковывали его как нечто окончательное и абсолютное, как решение самой человеческой судьбы, как установление царства Божия на земле» [\[13, с. 146\]](#).

Подобно тому, как на Московское царство легла миссия хранить и защищать православие, так и на Советскую Россию ложилась миссия распространения нового великого коммунистического учения. Мессианские элементы марксистского

революционного учения совпали с мессианскими ожиданиями, характерными для русской политической культуры. Поэтому большевистская идеология, основанная на марксистской философии, была принята национальным политическим сознанием и довольно быстро укоренилась в нем. Мессианская мифология Третьего Рима перевоплотилась в идею Третьего Интернационала. С этого момента у России появилась новая национальная идея, новая великкая миссия. Советской России, как апологету марксизма, надлежало распространить в ходе мировой революции эту новую «истинную веру» и тем самым исполнить свою историческое предназначение. Об этой великой миссии красноречиво говорил государственный герб Советского Союза с изображенным на нем земным шаром.

Центральным символом-архетипом, используемым советской идеологией и политической мифологией, являлся символ-архетип героя. На ранних этапах данный символ-архетип в соответствие с марксистской традицией накладывался на целый социальный класс пролетариев. Пролетариат, а затем рабочий класс объявлялся главной движущей силой истории. Но, с победой Октябрьской революции и установлением советской власти данный символ-архетип стал использоваться для создания образов вождей и прежде всего В.И. Ленина.

Политическая изоляция СССР в начальный период своего существования, послевоенная конфронтация с США уже в ранге сверхдержавы актуализировали символ-архетип центра, а также символы-архетипы Хаоса и Космоса, сделав их также центральными элементами политического мифотворчества.

Данные факторы привели к тому, что имперский мессианский миф не только не исчез после событий 1917 года, но по-прежнему остался неотъемлемым элементом социально-политической практики.

Распад Советского Союза привел к кардинальным переменам. Практически одномоментный переход к новой форме политической организации и отказ от привычной системы ценностей привели к дестабилизации социальной и политической жизни. Тем не менее, несмотря на отказ от государственной идеологии, новому государству были необходимы идейные основания. Декоммунизация политического и идейного пространства России привела к тому, что новое политическое руководство обратилось к дореволюционной истории. Данные процессы хорошо просматриваются на примере государственной символики. Государственным гербом стал имперский двуглавый орел. В качестве государственного флага был утвержден имперский триколор, который также использовался Белым движением во время Гражданской войны. Гимном нового государства была утверждена «Патриотическая песня» М.И. Глинки.

То есть новая власть всячески стремилась отмежеваться от советского наследия и установить символическую связь с дореволюционной Россией. Городам, улицам и площадям начали возвращать их исторические дореволюционные названия. Новая власть постепенно вернула Церковь не только в общественную, но и в государственную жизнь. Политическое руководство новой России стремилось отказаться от наследия Советской эпохи и установить символическую преемственность с дореволюционной Россией.

В процессе укрепления позиций России на международной политической арене, а затем и конфронтацией со странами Запада в мифотворческой практике актуализировался символ-архетип центра. С неуклонным возрастанием роли президента в политической жизни страны актуализировался символ-архетип героя. Еще одним политическим

трендом последнего десятилетия стала идея единой великой истории Российского государства. Как замечают по этому поводу российские исследователи: «Смысловым стержнем нового официального нарратива стала проецируемая на всю «тысячелетнюю историю» России идея великодержавности. Именно государство (вне зависимости от менявшихся границ и политических режимов) выступает в качестве ключевой ценности, скрепляющей макрополитическую общность... Идея «тысячелетней России», сложившейся в великое государство, способное завоевать «сильные позиции в мире», стала стержнем исторической политики» [\[15, с. 133\]](#). В подобной ситуации возрождение имперского политического мифа представляется довольно вероятным.

Выводы

Исходя из всего сказанного, можно сделать ряд выводов. Современная мифология представляет собой систему рационализированных и выраженных в символической форме мифологических архетипов, транслирующих определенные идеи и ценности и, тем самым, программирующих социальное поведение. Устойчивые символы-архетипы, воспроизведимые в социально-политическом дискурсе, постепенно становятся значимыми составляющими национальной политической культуры.

Одной из наиболее значимых детерминант национального политического сознания стал имперский политический миф. Возникнув в период образования централизованного Российского государства, имперский миф стал его идеологической основой. В дальнейшем имперский миф претерпевал различные трансформации, но неизменно присутствовал в социально-политической практике. Внешним воплощением имперского мифа являются устойчивые мифологические символы-архетипы, выражющиеся в виде различных политических идей (единое централизованное государство, сильный лидер, внешняя экспансия, военно-политическое доминирование, духовное превосходство и т.д.). Внутренне сущностное содержание имперского мифа составляет мессианская политическая мифология. Политический мессианизм – это комплекс политических мифов, отстаивающих особое положение той или иной нации и утверждающих наличие у нее уникальной исторической миссии.

Можно заключить, что имперский политический миф выступил конституирующими элементом для российской государственности, став не только его идеологической опорой, но и во многом сформировав наиболее существенные черты национальной политической культуры.

Библиография

1. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Ин-т мировой лит. РАН, 2006. – С. 407.
2. Дьяконов И.М. Архаические мифы Востока и Запада. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. С. 9.
3. Элиаде М. Аспекты мифа. – М.: Академический Проект, 2010. С. 28
4. Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. *Imagines mundi: античность и средневековье*. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013 – С. 424.
5. Современная политическая мифология. М.: Изд-во РГГУ, 1996. С. 95.
6. Аверинцев С.С. София-Логос. Словарь. – Киев: Дух і Літера, 2006. – С. 912.
7. Ильин В.В. Теория познания: Симвология. Теория символических форм. – М.: Изд-во Московского университета, 2013. – С. 384.
8. Аверинцев С.С. Образ античности. – М.: Азбука-классика, 2004. – С.480.
9. Н.Г. Щербинина Мифо-героическое конструирование политической реальности

- России. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011, – С. 288.
10. Суравнева И.М., Федоров В.В. Феномен героизма. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – С. 170.
11. Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. – М.: Ладомир, 2007. – С. 304.
12. Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – С. 384.
13. Саркисянц М. Россия и мессианизм. «К русской идее» Н.А. Бердяева. – СПб.: Изд-во Петерб. ун-та 2005. – С. 272
14. Ефременко Д. В., Малинова О. Ю., Миллер А. И. Политика памяти и историческая наука // Российская история. – 2018. – № 5. – С. 128–140.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Политический мессианизм как основа российского имперского мифа» выступает процесс политического мифотворчества, основой которого автор видит мифотворчество архаическое. Признавая генетическое родство архаического мифа, выступающего универсальным способом ментального освоения мира, и мифа современного, рационализированного, автор обращается к таким универсальным символам-архетипам как Хаос, Космос, Герой, Страна обетованная, показывая функционирование этих архетипов в имперской мифологии.

Методология исследования, представленная в статье, основывается на семиотическом подходе в понимании культуры, определяющим ее как символическую коммуникативную систему и предлагающим сосредоточить внимание исследователя на символах и знаках, являющихся средствами реализации ценностей и смыслов, образующих культуру. Автор использует в своем исследовании понятия «архетип» и «символ», в значениях, предлагаемых С.С. Аверенцевым. Сравнительно историческая методология позволяет автору проследить развитие имперской мифологии в России, выделить ее корни и факторы формирования.

Актуальность исследования вытекает из ситуации ценностной дезориентации, наступившей в России после распада СССР и сохраняющейся уже в течении тридцати лет, несмотря на попытки и центральной власти и отдельных партий предложить новые мировоззренческие «центры силы». Автор совершенно справедливо заключает, что в подобной ситуации актуализироваться будут наиболее глубинные и простые архетипы, к которым относится имперский миф и мессианская идея. Ценность работы заключается в том, что автор анализирует процесс формирования и утверждения этих архаических тем. Признавая, что поиск новых духовных и ценностных основ по сей день остается одной из наиболее важных задач, автор показывает природу имперской мифологии, которая, даже принятая в качестве основы современной идеологии, все-таки останется не более чем мифологией.

Научная новизна заключается в критической оценке мессианской идеи в рамках имперской мифологии и раскрытии механизмов ее функционирования.

Стиль представленной работы характерен для научных публикаций в области гуманитарных наук. Автор предлагает читателю четкие и логически последовательные формулировки ключевых тезисов, их аргументацию и фактическое обоснование.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. Автор

последовательно рассматривает архаическую и современную мифологию, указывая на то, что даже, рационализированная мифология своевременности, продолжает выступать значимой составляющей социальной реальности, актуализируя в индивидуальном сознании пласти коллектичного бессознательного. В современной культуре миф, по мнению автора, смыкается с символом и архетипом, и в таком виде транслирует смыслы посредством образов, вызывающих бессознательную интеллектуальную реакцию и спонтанный эмоциональный отклик. К наиболее востребованным архетипам-символам автор относит архетип Золотого века, приобретающий вид идеальных моделей общественного устройства, архетип Героя, который ассоциируется с идеальным правителем и архетип Центра, в виде представлений о значимых культурно-исторических (сакральных) центрах.

Переходя к анализу собственно имперской мифологии, автор выделяет объективные предпосылки ее формирования в России, к им он относит: принятие православия, сильную деспотичную власть и, соответственно, централизацию и бюрократизацию государственного управления, необходимость в защите от внешних угроз. Автор показывает, что имперский политический миф формируется в России вместе с единым государством, превращаясь в его идеологическую опору. Основной чертой этого мифа становится мессианский миф об особом историческом пути России.

Концепция «Москва- Третий Рим» претерпевает на протяжении истории России ряд трансформаций, секуляризацию (в период петровских реформ) и материализацию (после революции 1917 года), но продолжает поныне сохранять привлекательность. Автор отмечает двойственный характер мифологии Третьего Рима, о котором говорили еще Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский, заключающийся в признании величия Россия, но не только в духовной (православной) исключительности, но в военном и политическом превосходстве. Автор показывает как в отечественной политической культуре утверждается идеал мощного централизованного государства, сильной лидерской власти, внешней территориальной экспансии, отражающий все те же архетипы Центра (Страны обетованной), Героя, Космоса. Автор заключает, что имперский политический миф выступил конституирующими элементом для российской государственности, став не только его идеологической опорой, но и во многом сформировав наиболее существенные черты национальной политической культуры. И его возрождение в современных условиях более чем вероятно.

Апелляция к оппонентам активно используется автором статьи в выстраивании собственных умозаключений. Определение сущности архаического мифа происходит с опорой на наиболее репрезентативные идеи исследователи этого феномена – Е.М. Мелетинского, И.М. Дьяконова, М. Элиаде, а также таких современных ученых как А.В. Подосинова, Т.В. Евгеньева. Специфика современной мифологии репрезентируется автором с отсылками к работам С.С. Аверинцева и В.В. Ильина. Исследование имперской мифологии опирается на разработки Л.А. Андреева, Ю.М. Лотмана, Б.А. Успенского, М. Саркисянца.

Библиография статьи включает 14 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме, однако в ней отражены далеко не все исследования, на которые ссылается сам автор.

Статья вызовет интерес у самого широкого круга читателей, может быть рекомендована для изучения студентами, обучающимися по программам политологии, социологии, философии, истории, антропологии.

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Недорезов В.Г., Писарчик Л.Ю. — Развитие аналитической философии языка от проблемы значения к теории речевых актов // Философская мысль. – 2024. – № 1. DOI: "не активен" EDN: MRDDUF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69508

Развитие аналитической философии языка от проблемы значения к теории речевых актов**Недорезов Вадим Георгиевич**

ORCID: 0000-0002-9402-3515

кандидат философских наук

доцент; кафедра философии, культурологии и социологии; Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Пр. Победы, 13, корпус 20, оф. 20-806

✉ nvad@yandex.ru

Писарчик Леонид Юрьевич

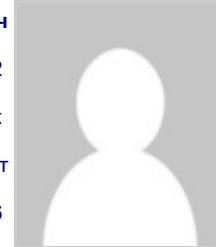
ORCID: 0000-0003-2169-5932

кандидат философских наук

доцент, кафедра философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет

460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Пр. Победы, 13, корпус 20, оф. 20-806

✉ leonidtp@yandex.ru

[Статья из рубрики "Философия языка и общения"](#)**DOI:**

"не активен"

EDN:

MRDDUF

Дата направления статьи в редакцию:

06-01-2024

Дата публикации:

26-01-2024

Аннотация: Предметом исследования является развитие аналитической философии

языка в XX веке от проблемы значения, имевшей центральное место в логике Г. Фреге, в логическом позитивизме и в философии Б. Рассела, к теории речевых актов, то есть развитие от семантики к прагматике. Основное внимание направлено на такие проблемы, как проблема сущности языка, проблема значения и референции, природа коммуникации, теория речевых актов. Целью исследования является выявление особенностей концепций значения у разных представителей аналитической философии. Особое место уделено в этом контексте идеям Л. Витгенштейна и Х. Патнэма. Важно также выяснить причины перехода аналитической философии к проблемам коммуникации. Рассматриваются и специфические особенности концепций речевых актов у таких мыслителей, как Д. Остин и Д. Сёрл. В статье используются такие методы исследования, как историко-философский анализ, социально-критический, а также сравнительный методы. Новизна исследования заключается в выявлении того, как философы шли по пути обновления и углубления проблемы значения и референции, а также в чем заключается специфика каждого решения. Рассмотрены те изменения, которые произошли в философии языка в XX веке, внесенные, прежде всего, Л. Витгенштейном в ходе «лингвистического поворота». Показаны также значительные новшества, внесенные в описательно-аналитическую лингвистическую теорию речевых актов, связанные с именами Д. Остина и Д. Сёрла. У Д. Остина это характеристики и классификация речевых актов, у Д. Сёрла это соединение проблемы речевой коммуникации с проблемой интенциональности, как фундаментальной способности человеческого сознания. Указывается на критический недостаток теории речевых актов: фактически, она не объясняет природу диалога, так как в ней представлено многообразие монологов.

Ключевые слова:

аналитическая философия, логический позитивизм, язык, философия языка, ментализм, значение, референция, коммуникация, теория речевых актов, интенциональность

Введение

Актуальность исследуемой темы заключается в том, что проблемы философии языка имеют выход в такие разделы философского знания, как онтология, гносеология, философия науки. В связи с этим важно понимать, как решаются в современной философии языка такие проблемы, как сущность языка, проблема значения и референции, природа коммуникации, сущность речевых актов и т. д. Необходимо учитывать, какому философу принадлежит приоритет в решении данных проблем, а также в чем заключается специфика каждого решения. При этом большое значение имеет и то, что нового внесли конкретные мыслители в решение проблемы значения, референции и речевых актов. Целью данного исследования является рассмотрение значительных изменений в понимании языка и проблемы значения, связанных с именами Г. Фреге, Б. Рассела и Х. Патнэма. При этом показана не просто смена концепций разных мыслителей, а представлена логика движения их мысли. Важно рассмотреть также и новшества, связанные с именем Л. Витгенштейна, предложившего отличное от традиционного понимание значения слов (имен). Необходимо также показать особенности теорий речевых актов Д. Остина и Д. Сёрла. В ходе исследования применялись такие методы, как метод историко-философского анализа и сравнительный метод. Новизна полученных результатов исследования заключается в сравнении идей разных мыслителей, занимавшихся анализом языка, и в выстраивании определенной

логики развития, которая просматривается при детальном рассмотрении проблем. Наряду с тенденцией трансформации философии языка от семантики к прагматике, которая ранее часто становилась предметом исследования, предпринят анализ движения мысли западных философов в русле самой прагматики, то есть в теории речевых актов у таких философов, как Д. Остин и Д. Сёрл.

Проблема значения

Прежде, чем перейти к рассмотрению проблемы значения, необходимо рассмотреть вопрос о том, что такое аналитическая философия. В настоящее время нет единой концепции аналитической философии, то есть в ней существует и развивается множество подходов и школ. Ключевая проблема, которая роднит эти школы – анализ языка. Понятие «аналитическая философия» употребляется в философской литературе в двух смыслах: во-первых, это главное направление в философии Англии и США; во-вторых, этим же понятием характеризуется «определенный стиль философского мышления», заключающийся в строгости и точности философских и научных рассуждений, основанных на глубоком логическом анализе понятий и языковых выражений [\[1, с. 11-12\]](#).

Близкое к этому понимание аналитической философии представлено в работе С. В. Никоненко, который тоже отмечает значительный разброс мнений в понимании сущности аналитической философии. Но при этом отмечает, что все-таки выделить характерное в этом направлении философской мысли можно. Отличительным признаком аналитической философии является то, что в ней решение проблем осуществляется с помощью анализа языка [\[2, с. 4\]](#).

У А. Ф. Грязнова мы находим следующее понимание аналитической философии. В узком смысле – это «доминирующее направление в англоязычной философии XX века...» [\[3, с. 13\]](#). В широком смысле аналитическая философия представляет собой такой стиль философского мышления, который характеризуется строгостью и точностью рассуждений и применения терминологии, при этом имеет место негативное отношение к рассуждениям спекулятивным, имеющим общий характер. Здесь одинаково важны и строгость рассуждений, и точность результатов [\[3, с. 13\]](#).

Опираясь на рассмотренные варианты понимания аналитической философии, мы видим в ней, с одной стороны, направление англо-американской философии, которое сконцентрировалось на проблеме повышения строгости и точности научного языка с помощью логического анализа значения языковых выражений, а затем распространило метод анализа и на обыденный язык; кроме того, в этом направлении мысли также проявила себя тенденция естественного расширения проблематики исследований с семантики до прагматики.

Родоначальником аналитической философии М. Даммит считает Г. Фреге, так как он поставил в центр своей логики проблему значения, которая стала краеугольным камнем всей последующей аналитической философии. Наряду с разработками Фреге, на первом этапе свое оформление аналитическая философия получила, по свидетельству Б. Страуда, в работах Б. Рассела 1900 – 1918 гг. [\[4, с. 160\]](#). Дж. Мур тоже внес большой вклад в оформление идей аналитической философии в первый период. Страуд отмечает, что под аналитической философией чаще всего понимается борьба с метафизикой, и это действительно имело место, но не у Фреге, Рассела и Мура, а во второй период ее развития – период раннего Л. Витгенштейна и логического позитивизма. Третий период развития аналитической философии – период позднего Витгенштейна и лингвистической

философии. На этом этапе наибольший вклад в развитие аналитической философии внесли Л. Витгенштейн, Д. Остин, Г. Райл, У. Куайн, Н. Гудмен, Д. Дэвидсон, Д. Сёрл и др. Общим мнением у представителей аналитической философии является то, что ядром аналитической философии является философия языка, а к периферии относятся философия сознания, философия истории, философия логики, философия действия и т. д. [\[5, с. 5\]](#). Хотя у некоторых из них иная точка зрения, например, Д. Сёрл полагает, что именно философия сознания лежит в основе философии языка.

В начале XX века исследователей более всего интересовали семантические проблемы, то есть на первый план вышла проблема значения. Логики занимались в этот период проблемами истины, референции (отношение слова, имени и предмета), сущности языка и его отношения к реальному миру. Эти проблемы выходили на первый план и ставили языковую семантику в центр внимания. Произошел переход от синтаксиса (правил языка) к семантике (смыслу высказываний). Для Г. Фреге было важно провести различие между значением и смыслом, а также между истиной и ложью. Он предложил свою концепцию значения, которая стала очень популярной, ее ядром стал знаменитый фрегевский семантический треугольник: имя – значение – смысл.

Г. Фреге переосмыслил проблему истины, так как он не принял общепризнанную концепцию истины, как соответствия высказывания действительности, идущую от Платона и Аристотеля. Немецкий мыслитель утверждает, что истинность присуща самому предложению, его смыслу, а не его соответствию чему-то иному. «Когда мы называем предложение истинным, мы имеем в виду, собственно, его смысл» [\[6, с. 21\]](#). О соответствии мысли внешним объектам у Фреге речи не идет. «Мысль – это нечто внечувственное, и все чувственно воспринимаемые объекты должны быть исключены из той области, в которой применимо понятие истинности» [\[6, с. 22\]](#), – пишет он.

Фреге отошел и от классической трактовки значения, которая существовала со времен Р. Декарта и Д. Локка. Тогда философы считали, что слова и языковые выражения – это выражение наших идей, наших мыслей, то есть в языковых выражениях представлена субъективная реальность, наш внутренний мир. Это классическая концепция языка, которой придерживались в общем-то все философы XVII – XVIII вв. Но сначала Дж. Ст. Милль, а позже Г. Фреге изменили точку зрения на природу языка. Они провозгласили, что слова, имена обозначают предметы внешней реальности, что стало более объективным взглядом на сущность языка. Здесь функция языка меняется: если в классической философии подчеркивалась только функция выражения мысли в слове, то у Милля и Фреге появилась функция обозначения предметов внешнего мира, то есть сигнifikативная функция. Значит, основная функция языка, согласно Миллю и Фреге, – это функция обозначения предмета, то есть высказывание о предмете, а также о признаках и свойствах предмета.

Фреге проделал очень большую работу по установлению объективного значения имен. Он заявил, что на место ментальных образов надо ставить сами предметы, и показал, что, с одной стороны, имя обозначает предмет, и, с другой, – оно выражает смысл, идею предмета. Смысл, который относится к предмету – это и есть новый ментальный образ. В классической философии ментальный образ понимался как принадлежащий субъекту. Теперь ментальный образ рассматривается как принадлежащий и субъекту, и объекту (содержание образа, значение, информация о предмете). Поэтому ментализм классической философии стал подвергаться критике, это стал делать уже Фреге, а затем Мур и Витгенштейн продолжили.

Некоторые последующие логики и философы все-таки критиковали Фреге за его якобы дуализм, что он будто бы остался последователем Декарта. Фреге настаивал на том, что в языковом выражении смысл языкового выражения доминирует, а не сам предмет, потому что когда мы говорим о предмете, то не всегда его видим, не всегда его представляем и руководствуемся информацией о предмете, высказанной в предложении. Предметы могут быть разными – внешними, логическими, математическими, вымышленными и т. д. И смысл определяет его референцию, то есть предметное значение. Итак, сначала человек имеет дело со смыслом, а потом возникают «очертания» (логические или чувственные) предмета. Поэтому референция у Фреге понимается как смыслотворчество, смыслопридание, то есть референт слова – это не столько сам предмет, а то, что соответствует смысловому описанию предмета. Отсюда очень близко до концепции конвенционализма, согласно которой под предметом понимается то, о чем ученые договорились.

После Фреге возникли и другие концепции значения. Пик его популярности пришелся на начало XX века, а далее, примерно с 1910 г. его затмевает Б. Рассел. Он в своей концепции логического атомизма изначально принял «образную» концепцию языка, то есть слова, в его понимании, являются образами вещей. Каждому слову соответствует свой предмет, вернее, не предмет, а чувственные данные (sense data). Причем такое понимание языка Рассел обосновывал множеством психологических примеров. Проблема для Рассела состояла в том, что язык нес в себе множество заблуждений и ошибок, и даже язык науки был не идеален. Приступив к анализу языка науки, Рассел и Уайтхед в работе над фундаментальным трудом «Principia Mathematica» (1910-1913) двигались к тому, чтобы идеальный язык был полностью изоморфен действительности, но при этом Рассел отказывается принять смысловой аспект слов во фрегевском понимании. Идеальный язык – это язык логики высказываний, а мир – это совокупность фактов. Рассел придерживается позиции, согласно которой человек получает знания во взаимодействии с окружающим миром, в процессе которого происходит означивание, то есть каждый предмет получает свое имя. Эту позицию он представил в своей статье «Знание-знакомство и знание по описанию» [см.: 7, с. 444-458], а также в работе «Человеческое познание: его сфера и границы». Здесь он показывает, что восприятие ребенком предметов сопровождается тем, что взрослые ему называют слова, которые их обозначают (их имена). Так происходит усвоение имен, в процессе которого имеет место соответствие слов и предметов. Чаще всего здесь имеют место остативные определения. А предметы, которые узнает ребенок, и информацию о них Рассел называет фактами. Рассел пишет: «слово может ассоциироваться с каким-нибудь заметным предметом окружающей обстановки (вообще с таким, который часто появляется) и что, когда оно так ассоциируется, оно также ассоциируется с тем, что мы можем назвать “идеей” или “мыслью” об этом предмете. Когда такая ассоциация создается, слово “обозначает” данный предмет; произнесение этого слова может быть названо данным предметом, и слышание его может вызвать “идею” предмета. Таков простейший вид “значения”, из которого развиваются другие его виды» [7, с. 76]. Н. Гриффин отмечает, что Б. Рассел был в ранний период философской деятельности сторонником референтной теории значения, то есть он считал, что «значения слов являются онтологическими сущностями или чувственными объектами» [8].

В аналитической философии начала XX века шла борьба идей: с одной стороны, имела место критика ментализма и Декарта, с другой, сам Фреге оказался близок к ментализму, хотя и начинал с его критики. От исследований Фреге ведут свое начало многие концепции, например, концепция значения логического позитивизма, которая

складывалась на основе подхода Фреге, а также идей Л. Витгенштейна периода «Логико-философского трактата». Значение «протокольного предложения» ими понималось в русле того, что мы можем зафиксировать в опыте и к согласию в чем могут прийти ученые. То есть в основу концепции значения клались принципы верификации, физикализма и конвенционализма. Главное – это верификация.

Желание отказаться от ментализма требовало от аналитических философов отказа и от попыток жестко и точно зафиксировать смысл предмета. Должен быть сам объект, референт и его имя, а также его верифицируемые свойства, полученные в опытной проверке, а расплывчатые описания, смысловые оттенки теперь стремились устраниТЬ. Проблема заключается в том, что смысл невозможно адекватно описать, формализовать, выразить в формулах и символах. Весь Венский кружок работал над этим, создавая концепцию значения. Поэтому перед ними встала задача отказаться от фрегевского понятия смысла и изрядной доли ментализма с ним связанной. На первом месте у них была строгость и точность рассуждений.

Логический позитивизм Венского кружка развивал идеи Б. Рассела и Л. Витгенштейна. М. Шлик и Р. Карнап, прежде всего, направили свои усилия на очищение философии от метафизических проблем, так как они неверифицируемы. А в вопросе о сущности значения логические позитивисты уже несколько отступили от классического понимания референции. Под значением логические позитивисты понимают не сам предмет, как это было у Фреге, а его чувственный эквивалент, двойник. В связи с этим в логическом позитивизме на первый план вышел эмпирический базис науки, а значение теоретического знания неправомерно приижалось.

Не заладилось у Венского кружка и с критерием значения, то есть с верификацией. Первым подверг критике логический позитивизм в этом вопросе К. Поппер, полагавший, что метафизика не должна быть устранина из науки, так как она является реальным познавательным фактором, способствующим возникновению новых научных теорий [\[9, с. 39\]](#). Затем и представители аналитической философии тоже подключились к этому, в частности Х. Патнэм. Он пишет: «Венский кружок заявил: значением предложения является метод его верификации» [\[10, с. 146\]](#). «Очевидной реакцией на эти формулировки, – пишет Х. Патнэм, – было бы возразить, что критерий логического позитивизма является самоопровергающимся: ибо сам по себе этот критерий не является (а) ни аналитическим (кроме, быть может, аналитически ложного), (б) ни эмпирически проверяемым» [\[10, с. 147\]](#).

Венский кружок взял за основу идеи «Логико-философского трактата» Л. Витгенштейна, который онтологизировал структуру языка пропозициональной логики. Для австрийского мыслителя мир представлялся логической конструкцией. Совокупность атомарных фактов, объединяющихся в комбинацию молекулярных фактов, – это и есть мир. Язык у Витгенштейна – это совокупность предложений. Структуры языка и сущность логического субъекта совпадают. Витгенштейновская логизация мира оказалась очень полезной для логического позитивизма. Но при этом представители Венского кружка не учли того обстоятельства, что у Витгенштейна логический характер картины мира соседствует с утверждением, что она соотносится с действительностью. Значит Витгенштейн онтологизировал логику не всецело, и, видимо, причина этого была в том, что он оставлял посредством этого окно в метафизику, в частности, оставлял выход к проблеме ценностей. Витгенштейн отмечает: «2.1. Мы создаем для себя картины фактов. 2.11. Картина представляет определенную ситуацию в логическом пространстве, представляет существование и не-существование со-бытий. 2.12. Картина – модель действительности»

[\[11, с. 8\]](#). Такой взгляд был присущ раннему Витгенштейну. Поздний же Витгенштейн отошел от такого понимания референции и разработал новую концепцию значения, в которой уже не было соответствия слов объектам.

Логический позитивизм поставил в центр внимания проблему значения по той причине, что для него наиболее важной была проблема демаркации научного и вненаучного знания. Научным знанием в логическом позитивизме признавалось только знание верифицированное, эмпирически подтвержденное. Вследствие этого логические позитивисты подменили объект теорией объекта, при этом последняя должна полностью коррелировать с языком наблюдений. В результате теоретическое знание недооценивалось, теория была сведена к эмпирии. «А поскольку статус научности присваивался только эмпирически обоснованным или доказанным высказываниям, постольку центральной методологической проблемой (как непосредственное выражение неопозитивистского критерия демаркации) была проблема обоснования, а не открытия нового знания» [\[12, с. 21-22\]](#). На этот недостаток в концепциях логических позитивистов указывал К. Поппер.

Основными гносеологическими принципами логического эмпиризма являются следующие положения: 1) знанием является только то, что дано в чувственном восприятии; 2) то, что дано в чувственном восприятии, абсолютно достоверно; 3) знание, по сути дела, сводится к описанию чувственных восприятий [\[13, с. 14-15\]](#). В такой интерпретации человеческого познания нет места объяснению, пониманию, предсказанию и т. д. Для этой эпистемологической системы характерен и отказ от внешнего мира, он не фигурирует в этих построениях, так как здесь создается новая онтология – онтология языка.

Л. Витгенштейн, в свою очередь, тоже подверг критике концепцию значения Б. Рассела, положившего в основу возникновения значения оstenсивные определения, имеющие вид «это есть то-то». Витгенштейн в «Философских исследованиях» пришел к выводу, что значение слова в предложении устанавливается не в его отношении к предмету, как считали Фреге, логические позитивисты и Рассел, а согласно его месту в предложении. Известна его формулировка: «значение слова – это его употребление в языке» [\[14, с. 99\]](#). Мы помним, что Витгенштейн вел анализ не научного языка, как Рассел, а обыденного, как Мур. Язык он понимает, как живые формы общения и изменения его правил. Значение слов может меняться в зависимости от их употребления. И дальше отсюда вырастает концепция Витгенштейна «языка как игры». Здесь мы видим переломный момент в развитии аналитической концепции языка, когда начался переход от классической концепции значения к витгенштейновской, которую можно назвать инструментальной концепцией, так как язык у него – орудие, инструмент.

Впоследствии появились новые теории референции. Занимались этими проблемами М. Даммит, Х. Патнэм, Д. Сёрл и др. Представления Х. Патнэма по этому вопросу заключаются в следующем. Патнэм – один из представителей философии сознания, но он пришел к проблеме сознания не сразу. Сначала занимался философией языка, в частности, проблемой референции. Он представил свою семантическую концепцию, которая основана на реалистической философии [см.: 15]. Реалистическая философия исходит из принципа неразрывного единства субъекта и объекта. Реалисты не только внешние объекты учитывают, но и логико-математические объекты рассматривают как существующие, более того, рассматривают их как сущности. То есть сам реальный мир за счет этого как бы расширяется, наполняется новым содержанием. И субъект из этого мира неустраним, так как мир – это, в конечном счете, опыт человека и человечества,

без него картина мира непонятна, а также неясно как сконструировано все знание о мире и что такое сам мир. Познает мир все-таки человек и смысл миру придает именно он, полагают представители реалистической философии.

Х. Патнэм в своей концепции референции усиливает антименталистскую установку. Он не согласен с традиционной эпистемологией, то есть с пониманием в ней проблемы референции и полагает, что ментальные образы не могут определять референцию слов, то есть их отношение к определенным предметам. Американский философ предлагает представить значение как некий вектор, имеющий направление и складывающийся под влиянием разных факторов, во-первых, синтаксических, так как правила языка оказывают влияние на формирование значения. Во-вторых, семантический фактор тоже надо учитывать в процессе формирования значения, так как предмет должен быть описан, должно быть понято его предназначение, его характеристики. То есть семантика (информация о предмете) как бы формирует экстенсионал (предмет, обозначенный данным именем). Говоря о предмете, мы находимся как бы внутри этой информации. Интенсионал – это смысл, информация о предмете. Согласно Патнэму, по сути дела идет работа над тем, как соотнести экстенсионал с интенсионалом. Над этим размышляли все аналитические философы, начиная с Фреге.

Л.Б. Макеева отмечает, что Патнэм рассмотрел концепцию Г. Фреге и подверг критике понимание значения у немецкого логика, усматривая в нем ментализм [\[16, с. 36\]](#). Поскольку в реалистической и аналитической философии произошел отказ от представлений классической философии о ментальных образах, поскольку необходимо было разработать новый механизм референции, что и сделал Патнэм. Он сформулировал основы понимания этого механизма: «референция указанных выражений устанавливается благодаря внешним нементальным факторам» [\[16, с. 39\]](#).

Действительно, согласно Патнэму, референция устанавливается на основе двух факторов: социального и природного [\[17, р. 74\]](#). Он поясняет свою мысль следующим образом: референция формируется под действием социокультурных влияний на понимание предметов и явлений, с которыми имеет дело человек, к этим влияниям относятся и условия, в которых работает научное сообщество, система коммуникации и общения. Языковеды, лингвисты, философы работают в разной среде, они – носители разных языков и представители различных научных школ. Наконец, оказывает воздействие на формирование референции и природный фактор, то есть природные силы, виды животных, растений и т. д. Это тоже влияет на то, какое значение мы придаем имени предмета.

Патнэм выдвигает социолингвистическую гипотезу, согласно которой разные носители языка используют в своей работе различные аспекты значения слов. Эти значения не всегда стыкуются, хотя люди работают в одной науке, поэтому данный феномен называется экстралингвистическим фактором в науке. Затем Р. Рорти будет отстаивать примерно те же идеи, когда будет говорить о сущности философии и научной рациональности. Люди разных культур имеют в виду разные смыслы и значения в процессе общения, поэтому философия должна выступать в качестве посредника в диалоге культур. В связи с этим возникает вопрос о том, как этот экстралингвистический фактор нейтрализовать и прийти к пониманию в диалоге. Патнэм считает, что это должны делать специалисты, эксперты, задача которых находить общие моменты и различия, устранять трудности и разнотечения и приводить исследование к общему знаменателю. В свою очередь, Рорти предложил не просто решение проблемы механизма референции, а новое понимание философии, задача которой заключается в том, чтобы анализировать и

сопоставлять культурные дискурсы и вырабатывать взаимоприемлемое понимание проблем [см.: 18].

За то, что Патнэм признавал влияние природных факторов на формирование референции, его обвинили в эсценциализме. Одним из виднейших представителей эсценциализма был Аристотель, который говорил о том, что сущность предшествует существованию, сущность (*essentia*) порождает существование. Таким образом, разработчики теории референции в XX веке уходили от установок Декарта (с его дуализмом и ментализмом), но приходили, парадоксальным образом, к эсценциалистским установкам Аристотеля, на идеи которого существенно опирался Декарт.

Теорию референции разрабатывал также С. Крипке, который тоже пришел к эсценциализму. Патнэма и Крипке обвиняли в возвращении к Локку и Аристотелю. Патнэм продолжал разрабатывать проблемы реализма, теорию референции и проблему истины. Он написал книгу «Разум, истина и история» (1981), в которой углубляет свой антиментализм и отказывается от четвертого фактора, формирующего значение – стереотипов. Четыре фактора, согласно Патнэму, влияют на формирование значения: 1) сам предмет, 2) социокультурные факторы, 3) природные факторы, 4) стереотипы. Стереотипы – это что-то вроде понятия «парадигма» у Т. Куна.

Отказ от стереотипов произошел у Патнэма потому, что они близки к сфере ментального. Его позиция меняется и в понимании значения, он приходит к трактовке, близкой к витгенштейновской: значение формируется не в голове исследователя и даже не в голове говорящего (человека, пользующегося языком), а в предложении. То, что Патнэм в своей теории значения отошел от принципа классической эпистемологии, согласно которому значением слова является объект, который оно обозначает, было все-таки значительной потерей и для философии языка, и для эпистемологии.

Знаки употребляются ситуативно, согласно Витгенштейну. Имя – это простой знак, а предложение – сложный [\[11, с. 12\]](#). Имя (слово) обретает значение в предложении. Патнэм пришел к такому же выводу. Пытаясь уйти от обвинений в эсценциализме, он утверждает, что прежде чем мы начинаем заниматься любыми научными проблемами, мы используем или вырабатываем концептуальную схему, имеющую теоретический характер. Это понимание данной проблемы он воспринял из теоремы Дюгема-Куайна. Данная теоретическая схема направляет наше исследование и поэтому говорить о существенном влиянии на ход исследования непосредственного опыта, эмпирии не приходится.

В теории значения Патнэма явно просматривается влияние социокультурных факторов на язык, а отсюда один шаг до проблемы коммуникации. Таким образом, можно сказать, что исследование языка в аналитической философии неуклонно шло в направлении исследования проблемы коммуникации, речевого общения. Лингвистическая философия переходит от семантики к прагматике. В ее русле исследователи занимаются функционированием языка в процессах коммуникации. Следствием этого стало преодоление представления об обозначении как основной функции слова. Но этот процесс шел не без потерь, которые состояли в утрате объективного содержания знания, так как корреляция между словами и объектами больше не признавалась. Такое понимание знания сопровождалось широким распространением конвенционализма.

Теория речевых актов Д. Остина и Д. Сёрла

После Витгенштейна лингвистическую философию, наряду с другими, развивал и Джон Остин. Он тоже вел анализ обыденного языка и не считал, как и Витгенштейн, его несовершенным. Оксфордский философ пришел к выводу, что существуют разные виды

высказываний, и прежде всего он стал различать «констативы» и «перформативы» [\[19, с. 23-24\]](#). Также Остин исходил из витгенштейновского понимания языка как орудия, при помощи которого совершаются какие-либо действия. Сконцентрировав на этом свое внимание, Остин пришел к выводу, что основное назначение утверждений заключается не в описании действительности, как это понималось в традиционном понимании языка. При этом высказывания не всегда истинны или ложны. Он считает, что утверждения, описывающие факты можно назвать «констативами», так как они описывают действительность, констатируют определенную ситуацию, указывают на предметы, факты действительности. При этом констативы делятся на истинные и ложные. К констативам относится, например, утверждение: «Оксфорд находится в 60 милях от Лондона».

Однако не все утверждения сводятся к этому. Часть из них информирует нас о совершении человеком (говорящим) определенного действия. Здесь не характеризуется действие, а совершается. Остин приводит пример такого утверждения: «Я называю этот корабль «Свобода»» или «Я завещаю мои часы брату». Такие утверждения он называет «перформативами». Они не несут в себе значения истинности/ложности, а имеют характер успешных/неуспешных, выполнимых/невыполнимых. Остин поставил задачу перед всей лингвистической философией: «мне представляется, что сегодня нам нужна новая, полная и точная, теория того, что делает человек, когда говорит что-либо..., то есть того, что я называю здесь речевым актом...» [\[19, с. 34\]](#).

Весьма продуктивным стало введение Остином разделения высказываний на три основных речевых акта: локутивный, иллокутивный и перлокутивный [\[20, с. 83-92\]](#). Остин в конечном счете понял, что очень часто перформативы трудно отличить от констативов. Поэтому перед ним встала задача разработать такую теорию, в которой бы языковые выражения предстали в более ясном виде. Такой теорией у него стала теория речевых актов. Речь, по Остину, является одновременным осуществлением трех актов. **Локутивный** акт – это речь как таковая, произнесение слов и предложений, которые имеют значение. Например, «Кошка лежит на коврике» или «У нее прекрасные волосы». Но в речи мы всегда кого-то уверяем, предупреждаем, объявляем кому-то решения, спрашиваем, отвечаем на вопросы, то есть производим **иллокутивный** акт, в котором слова направлены, адресованы кому-то, и они имеют коммуникативную силу. Например, «Я предупреждаю, что...», «Обещаю не делать этого». Наконец, что-либо говоря, человек может производить действие на людей, может повлиять на чувства, мысли и поведение людей, изменять их, то есть говорящий имеет в виду «рассчитанный, намеренный, целенаправленный эффект». Это **перлокутивный** акт. Пример: «Он убедил меня в том, что...». Причем Остин установил, что перлокутивный акт может иметь место не только в перформативном высказывании, но и в констативном. Неизменным при этом осталось то, что констативы сообщают о фактах, а перформативы делают упор на иллокутивную силу.

Остин не успел завершить систематизацию своей теории. Продолжил реализацию задачи, поставленной Остином, по созданию теории речевых актов Д. Сёрл. Он делает акцент на иллокутивную логику языка, то есть это не просто высказывание с каким-то значением, а высказывание, которое больше ориентировано на коммуникацию, в нем содержится просьба, совет, обещание и т. д. В таком речевом акте устанавливается взаимоотношение между субъектами, участниками коммуникации. Единицей речевого общения Сёрл считает иллокутивный акт, а не слово или предложение. Он в иллокутивный акт добавил еще пропозициональный акт, содержащий указание на предмет и характеристику этого предмета. Особенностью сёрловского понимания

иллокутивного акта является указание на то, что все иллокутивные акты несут в себе, в том числе, и пропозициональную функцию [\[21, с. 60-62\]](#).

Сёрл дает следующую классификацию иллокутивных актов: репрезентативы (утверждения), директивы (просьбы, приказы), комиссивы (обещания), экспрессивы (выражения благодарности или сочувствия), декларации (объявление войны, например). Д. Сёрл усовершенствовал теорию речевых актов Д. Остина, в частности их классификацию, введя критерии такой классификации.

Американский философ пришел к выводу, что все предложения языка так или иначе всегда включены в иллокутивный контекст. В связи с этим Сёрл поднимает важную проблему об установках говорящего, об его намерениях, так как тот, кто нечто утверждает, преследует определенную цель: сообщить некую истину, убедить в чем-то, призвать к чему-то, доказать что-то и т. д. Это и есть иллокутивный контекст, который выводит Сёрла напрямую к проблеме интенциональности. Он связывает речевой акт с фундаментальным свойством человеческого сознания – с интенциональностью. Сначала он проработал проблему речевого акта, затем разрабатывает в своем ключе проблему интенциональности. Философия языка у него рассматривается как подчиненная проблематике философии сознания, то есть философия языка – это как бы частный случай философии сознания.

Репрезентативная способность речевых актов вытекает, по мнению Сёрла, из более фундаментальной способности человеческого сознания – из его интенциональности. В феноменологии Э. Гуссерля, разрабатывавшего эту проблему, под интенциональностью, как известно, понимается направленность нашего сознания на какие-либо предметы и процессы. Сёрл считает, что ментальные состояния имеют интенциональный характер, и для него интенция – это направленность ментальных состояний на практические задачи, на решение практических вопросов, это выбор среди нескольких вариантов в решении задач. Интенция – это направленность на реальные действия человека. Сёрл хочет уйти от дуализма, поэтому у него интенциональность подготавливает действия человека, его поведение. Интенциональность он понимает, как регулятивное понятие, отображающее решение человеком каких-то задач. Тем самым, он приближает интенциональность к аналитической философии [см.: 22].

Сёрл считает, что интенциональность лежит в основе речевого акта, но исследовать ее нужно не психологически, а аналитически. Интенциональность для аналитических философов важна в том плане, что именно она является критерием различения ментального состояния и физического. Сёрл показывает связь речевых актов и ментальных состояний и говорит об интенциональности, как факторе, их объединяющем [см.: 22].

Теория речевых актов сама по себе очень важна, так как «она стала по существу первой целостной концепцией, в которой была реализована попытка систематически учесть прагматические аспекты языка» [\[23, с. 196\]](#). Но вернемся еще к иллокутивному контексту. У Витгенштейна контекстом выступала вся «языковая игра», в этом было его преимущество, Сёрл же контекст сузил до определенного набора иллокутивных актов. И еще один недостаток указывают исследователи у теории речевых актов: фактически, она не объясняет природу диалога, так как в ней представлено многообразие монологов. Однако у Сёрла есть и важнейшее преимущество перед остальными аналитическими философами – это включение в теорию речевых актов проблемы интенциональности, что позволяет объяснить намерения говорящего, а это путь к установлению действительного взаимопонимания в процессе коммуникации.

Подводя итоги рассмотрению развития аналитической философии языка, можно кратко показать логику этого развития. Более явно эта логика предстает, если провести схематичное сравнение развития философии языка с историей эпистемологии. В истории философской мысли Платон и Аристотель заложили основы концепции абсолютного знания, ради достижения которого, по их мнению, и совершается процесс познания. В последующие эпохи философы средневековья, Нового времени, немецкой классической философии, в лице Гегеля, продолжали эту традицию. Мыслители, представлявшие эти эпохи, писали о том, что наш разум постигает высшие истины. Представители ранней аналитической философии еще были связаны с этой традицией и частично метафизику сохранили, но главное было то, что они приняли концепции истины (кроме Фреге) – классическую концепцию Платона и Аристотеля, и концепцию когерентной истины Г. В. Лейбница. Им нужно было опереться именно на объективное знание, составляющее основу науки. И проблема значения состояла в понимании слова (имени) как обозначения объекта.

Однако при переходе ко второму периоду развития аналитической философии Л. Витгенштейн и логический позитивизм опирались уже не на концепцию абсолютного знания, которую они считали сугубо метафизической, а на эмпиризм, который не признает абсолютной истины, а только вероятностное знание, полученное с помощью индуктивного метода. Их первая и главная задача – не поиск истины, а установление демаркации между научным и вненаучным знанием. Второй задачей у них является опытная проверка знания. Именно эти две задачи и решает метод верификации. Эта трансформация была отражена в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна и в принципе верификации логического позитивизма, а также в их концепциях значения. Язык при таком положении дел уже не соотносится с миром объектов, а является орудием, а философия – действием.

Усилия Фреге, Рассела, Витгенштейна и логических позитивистов имели положительное значение – язык науки стал гораздо строже и точнее. А также было ограничено и поле спекулятивных метафизических построений, а где-то и совсем устранено. Но имелись и отрицательные последствия, так как философская онтология неоправданно сужалась только до анализа языка. Кроме того, множество реальных проблем философского знания элиминировалось из рассмотрения в силу их метафизической природы, что обедняло философию.

Дальнейшее развитие аналитической философии тоже имело двойственные последствия. Концепция значения обогатилась разработками Х. Патнэма. Но при этом неизбежно нарастала тенденция усиления релятивизма, который становится базовым принципом в философии Р. Рорти и Х. Патнэма. Они языковые выражения уже не соотносят с миром объектов, а также язык не является носителем абсолютного знания. В эпистемологии на смену принципу фундаментализма пришел принцип пробабилизма, а в философии языка – плюрализм «концептуальных схем» Х. Патнэма. Поэтому язык, согласно философам-аналитикам, не является средством продвижения к истине, а становится, в лучшем случае, средством устранения затруднений. По нашему мнению, это большая потеря и в философии языка, и в эпистемологии.

Наконец, возникновение теории речевых актов (Д. Остин, Д. Сёрл) демонстрирует переход к пониманию языка как действия. Этот переход объясняется тем, что в концепцию языка постепенно вошло понимание социокультурных аспектов его функционирования и развития, так как язык развивается не в вакууме, а в обществе. На этой основе развивалась языковая прагматика, которая стала новым ценным разделом

философии языка.

Заключение

Аналитическая философия в XX веке внесла большой вклад в разработку проблем значения, референции и речевого общения. Вначале философы понимали язык как отображение предметов. Особенно большую работу здесь проделал Г. Фреге, преодолевший классическое понимание языка как выражения мыслей. Б. Рассел частично принял точку зрения Фреге в той части, что слова обозначают предметы, но отверг идею Фреге о том, что имя имеет определенный смысл. Л. Витгенштейн эту позицию подкорректировал, выдвинув положение о том, что язык показывает нам логическую структуру мира. Эти мыслители, и продолжившие развивать их взгляды логические позитивисты, полагали, что, анализируя проблемы языка науки или обыденного языка, они вносят вклад в решение традиционных онтологических проблем. Они же внесли значительный вклад в критику ментализма, что имело положительный эффект и углубляло исследования языка. И хотя Витгенштейн разработал чрезвычайно продуктивную концепцию «языка как игры», тем не менее, язык им рассматривался как орудие в духе инструментального подхода. Проблема коммуникации в аналитической философии до определенного времени вообще не рассматривалась.

Однако к середине XX века ряд философов пришли к пониманию того, что язык – не «номенклатура вещей», а система, для которой характерны разнообразные функции – сигнификации, коммуникации и, наконец, действия. Аналитическая философия двигалась от семантики к прагматике. Теория речевых актов, разработанная Д. Остином и дополненная Д. Сёрлом, стала чрезвычайно популярной, что объясняется заложенной в ней возможностью глубже понять сущность языка, законы и правила речевого общения людей. Идя в этом направлении, аналитическая философия в последние десятилетия вышла на проблемы герменевтического понимания, что стало предметом исследования у К.-О. Апеля и Ю. Хабермаса.

Библиография

1. Аналитическая философия / под ред. М.В. Лебедева и А.З. Черняка. М.: Издательство РУДН, 2006. 622 с.
2. Никоненко С.В. Аналитическая философия. Основные направления. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2007. 546 с.
3. Грязнов А.Ф. Аналитическая философия. М.: Высшая школа, 2006. 375 с.
4. Страуд Б. Аналитическая философия и метафизика // Аналитическая философия: Избранные тексты / сост. А.Ф. Грязнов. М.: Издательство МГУ, 1993. С. 159-174.
5. Аналитическая философия: Избранные тексты / сост. А.Ф. Грязнов. М.: Издательство МГУ, 1993. 181 с.
6. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // Философия, логика, язык / под ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 18-47.
7. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М.: ТЕРРА – Книжный клуб; Республика, 2000. 464 с.
8. Griffin N. Russell's Use Theory of Meaning // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 1-18. URL: https://www.researchgate.net/publication/340218161_Russell's_Use_Theory_of_Meaning / Дата обращения – 05.01.2024
9. Швырев В.С. Анализ научного познания: основные направления, формы, проблемы. М.: Наука, 1988. 176 с.

10. Патнэм Х. Философы и человеческое понимание // Современная философия науки. Хрестоматия. М.: Наука, 1994. С. 146-163.
11. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 1-73.
12. Черняк В.С. История. Логика. Наука. М.: Наука, 1986. 372 с.
13. Никифоров А.Л. От формальной логики к истории науки. М.: Наука, 1983. 176 с.
14. Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть I. М.: Издательство «Гнозис», 1994. С. 75-319.
15. Патнэм Х. Философия сознания. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. 240 с. URL: https://vk.com/doc5787984_353914101?hash=ucBOFQwWIZ2vkaMFw6a3zf8FrIm8xHUJv1zYxrZh9T0 / Дата обращения – 04.01.2024
16. Макеева Л.Б. Философия Х. Патнэма. М.: ИФРАН, 1996. 190 с. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/1996/Makeeva_Putnam.pdf?ysclid=lqxvt3nds3591867228 / Дата обращения – 03.01.2024
17. Putnam H. Reference and Truth // Putnam H. Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambridge, 1983. URL: https://books.google.ru/books?id=HAjfSA3ir3kC&pg=PA69&num=20&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false / Дата обращения – 04.01.2024
18. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Издательство Новосибирского ун-та, 1997. 320 с.
19. Остин Дж.Л. Перформативы – констативы // Философия языка / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 23-34.
20. Остин Д. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-129. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/novoe_v_zarub/text.pdf / Дата обращения: 04.01.2024
21. Сёрл Дж.Р. Что такое речевой акт? // Философия языка / под ред. Дж. Сёрла. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 56-74.
22. Сёрль Дж.Р. Природа интенциональных состояний // Философия, логика, язык / под ред. Д.П. Горского и В.В. Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 96-126.
23. Медведев В.И. Философия языка: Очерки истории. СПб.: Издательство РХГА, 2012. 336 с

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья носит обобщающий характер, автор пытается в доступной для широкого круга читателей форме представить изменения, произошедшие в понимании языка в прошлом веке в том движении современной философии, которую в последние годы принято обозначать как «аналитическая философия». К сожалению, целый ряд моментов в изложении побуждает высказать критические замечания, без учёта которых публикация статьи представляется нецелесообразной. Так, обзорный характер статьи требует пояснить читателю, что такое вообще «аналитическая философия». Хотя это понятие давно стало техническим термином, даже специалисты в этой области пока не смогли ясно сформулировать «отличительный признак» этого весьма широкого

движения. Потребность в подобном пояснении обостряется и в связи с тем, что сам автор упоминает мыслителей, которые даже при самом «свободном» понимании этого выражения всё же с трудом вписываются в его рамки, например, Ф. Де Соссюр. Далее, большая часть текста носит описательный характер, автор сообщает множество сведений, которые содержатся в словарях и энциклопедиях, вряд ли правильно включать их в текст статьи, даже если она и носит ознакомительный характер. Сам автор утверждает, что стремился представить «логику развития мысли», но во многих частях текста логика просматривается как раз с трудом, имеет место перечисление имён, произведений, общеизвестных фактов. Думается текст статьи может быть существенно сокращён, а упомянутая «логика» представлена более отчётливо. Можно сделать и ряд частных замечаний содержательного характера. Так, вряд ли правомерно связывать становление интереса к языку среди философов, которые ориентировались на позитивистские представления о роли философии в культуре, лишь с возникновением квантовой механики. Хорошо известно, что упоминаемый и автором «лингвистический поворот» исторически предшествовал возникновению квантовой механики, да и «биографический» подход к становлению учений тех или иных философов вряд ли способен выявить соответствующие корреляции. Другое дело, что возрождение интереса к проблеме языка описания реальности связано с общей тенденцией усложнения научного знания и сопровождавшей этот процесс проблематизации привычной картины мира, а вот квантовая механика уже сделала явным и для тех, кто не интересовался этой тематикой, что мир состоит отнюдь не из «вещей» и присущих им «свойств», что реальность неизмеримо сложнее и противоречивее, поэтому и привычная субъектно-предикатная структура высказываний, которая прекрасно служит нам в описании обыденного опыта, в практике реального научного познания уже «не работает». Оформлен текст в целом достаточно грамотно, тем не менее, некоторые стилистические, смысловые и пунктуационные погрешности всё же остались, и их также необходимо устраниТЬ до публикации статьи в журнале. Например, явно неудачным является выражение «...активизировались как следствие собственной логики развития...», местами отсутствуют необходимые запятые («произошел так называемый «лингвистический поворот» и в аналитической философии начинается...»), и т.п. Думается, статья имеет определённые перспективы публикации в научном журнале, но она должна быть доработана в соответствии с высказанными замечаниями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Развитие аналитической философии языка от проблемы значения к теории речевых актов», предлагаемая к публикации в журнале «Философская мысль», несомненно, является актуальной в связи с тем, что понимать, как решаются в современной философии языка такие проблемы, как сущность языка, проблема значения и референции, природа коммуникации, сущность речевых актов и т.д.

Актуальность исследуемой темы заключается в том, что проблемы философии языка имеют выход в такие разделы философского знания, как онтология, гносеология, философия науки.

Отметим, что в исследовании автор рассматривает как теоретическую основу затрагиваемого проблемного поля, так и практическую проблематику.

Целью данного исследования является рассмотрение значительных изменений в

понимании языка и проблемы значения, связанных с именами Г. Фреге, Б. Рассела и Х. Патнэма. При этом показана не просто смена концепций разных мыслителей, а представлена логика движения их мысли.

Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Структурно статья состоит из нескольких смысловых частей, а именно: введение, обзор литературы, методология, ход исследования, выводы. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Отметим скрупулёзный труд автора по отбору материала и его анализа. Библиография статьи насчитывает 23 источника, среди которых представлены как отечественные, так и зарубежные труды в переводе на русский язык. Однако, как и любая крупная работа, данная статья не лишена недостатков. Во-первых, обратим внимание на качество библиографического списка. Так, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Большее количество ссылок на авторитетные работы, такие как монографии, докторские и/или кандидатские диссертации по смежным тематикам, которые могли бы усилить теоретическую составляющую работы в русле отечественной научной школы. Во-вторых, непонятно то, почему автор пренебрегает общепринятым принципом составления списка, именно алфавитный принцип выстраивания библиографического списка не соблюдается автором.

Однако, данные замечания не являются существенными и не относятся к научному содержанию рецензируемой работы. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Работа является практикоориентированной, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов, а также студентам философских факультетов. Статья «Диалогическая концепция смысла в «Развитие аналитической философии языка от проблемы значения к теории речевых актов» рекомендована к публикации в журнале из перечня ВАК.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Ганин А.В. Георг Зиммель о проявлении и сдерживании эмоций // Философская мысль. 2024. № 1. DOI: "не активен" EDN: LUFZRW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69630

Георг Зиммель о проявлении и сдерживании эмоций

Ганин Александр Владиславович

ORCID: 0000-0001-9446-8357

старший преподаватель кафедры Социологии и культурологии, Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

105005, Россия, г. Москва, ул. 2-Я бауманская, 5, стр. 1

✉ avg_socio@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

"не активен"

EDN:

LUFZRW

Дата направления статьи в редакцию:

19-01-2024

Дата публикации:

31-01-2024

Аннотация: Одним из ключевых вопросов социальной философии XX-XXI вв. стало отношение индивидуальных эмоций к общественной жизни. «Классики» отвечали на этот вопрос по-разному. На взгляд автора статьи, наиболее интересным и влиятельным является подход немецкого философа и социолога Георга Зиммеля. Подход двойственный, амбивалентный, творческий. Отталкиваясь от необходимости учитывать индивидуальные эмоции, Зиммель в то же время пытался показать специфику эмоционально самоцензурирующего модернового общества с его жесткими ограничениями. В настоящей статье с опорой на общеначальные методы проведен анализ значимых работ Зиммеля. Выявлены стратегии эмоциональной самоцензуры или сдерживания. Во-первых, стратегия городской блазированности или притупленности эмоций. Было показано, каким образом этот способ сдерживания эмоций развивается в условиях когнитивной перегрузки больших городов. С помощью общеначальных методов выявлены такие причины подобного явления общественной жизни как: «самозащита»

нервной системы и социальное отчуждение. Во-вторых, была проанализирована стратегия развития чувства такта. Указано на то, что, согласно Зиммелю, такт служит основой общения и обобществления и налагает запрет на прорыв индивидуальных чувств в сферу коммуникации. В-третьих, в статье описана наиболее значимая для зиммельевского творчества стратегия денежной объективации эмоциональной сферы. Особое внимание при изучении этого вопроса уделено аналитическому и критическому осмысливанию философских и социологических идей работы «Философия денег». Автором статьи был осуществлён самостоятельный перевод отрывков из книги, что позволило более детально изучить вопрос связи денег, эмоций и желаний. К элементам научной новизны статьи можно отнести выявление специфики «денежного цинизма» как особого варианта объективации эмоциональной сферы.

Ключевые слова:

Зиммель, социальная философия эмоций, эмоции, базированность, чувство такта, цинизм, деньги, Философия денег, социология эмоций, двойственность

В исследованиях по социологии и философии эмоций в поле авторского зрения чаще попадают М. Вебер, Э. Дюркгейм, Дж. Мид и более современные авторы [\[1, с. 314-320\]](#). Идеи Георга Зиммеля зачастую остаются в тени. Однако понимание эмоций и стратегий их сдерживания сегодня становится все более актуальным и востребованным. В связи с этим обращение к наследию Зиммеля не выглядит лишним.

Попробуем разобраться в его теории проявления и сдерживания эмоций.

Для начала заметим, что для Зиммеля общественная жизнь носит двойственный характер. Это вечная борьба индивида и общества, содержания и формы, а порой и самих форм, когда они «возникают из жизненно важного содержания жизни и позволяют ему выражаться, но при этом приобретают собственную логику» [\[2, с. 22\]](#). Еще один пример двойственности можно найти в зиммельевских «социологических априори». Согласно последним, мы видим окружающих людей социально-типически, то есть обобщенно. Любой человек рассматривается нами как типичный представитель конкретного социального круга. К примеру, типичный офицер, типичный студент, типичный врач. Поэтому при знакомстве мы прежде всего интересуемся профессией и принадлежностью к большим социальным группам. А окружающих людей «мысленно подводим под некую всеобщую категорию» [\[3, с. 239\]](#). В то же время, не стоит сбрасывать со счетов индивидуальный аспект личности. Как бы мы ни пытались рассматривать окружающих социально-типически, в каждом человеке остается нечто, что не объясняется социально. По Зиммелю «некоторыми своими сторонами человек не входит в общество как его элемент» [\[3, с. 241\]](#). О типичном офицере, студенте и враче мы знаем, что они не только выполняют свои социальные роли, но и проживают внесоциальные уникальные (нетипичные) судьбы.

Это «внесоциальное бытие» и есть мир эмоций, аффектов и темперамента. Наиболее интересные Зиммелю эмоциональные состояния - радостная общительность, скромность, стыд, благодарность, гнев [\[4\]](#). Заметим, что это почти совпадает с современным медико-биологическим списком чистых/базовых эмоций, среди которых выделяют: «тоску, тревогу, страх, гнев, недоумение, радость, эйфорию, экстаз» [\[5, с. 21\]](#). Все они доступны, но можно ли их открыто демонстрировать, будучи участником социального

взаимодействия? «С одной стороны, эмоции позволяют человеку входить в общество, выстраивать социальные взаимодействия, набираться опыта; с другой стороны, они позволяют открыть себя, идентифицировать свои собственные чувства в отношениях с другими людьми» [\[6, с. 60\]](#). В очередной раз Зиммель улавливает двойственный характер жизни: индивидуальные эмоции важны, но общественная жизнь требует самоконтроля, сдерживания эмоций.

Рассмотрим наиболее распространенные способы такого контроля.

Городская блазированность

Первая стратегия сдерживания эмоций связана с современной городской жизнью. Нервной, напряженной и конфликтной. Чтобы жить в городе нам приходится приспосабливаться. В эмоциональной сфере это означает сдерживать свои порывы. Так согласно Зиммелю возникает стратегия блазированности или равнодушного пресыщения. Сущность этого процесса заключается в «притупленном восприятии различий между вещами», когда «человеку все вещи кажутся одинаково серыми и тусклыми» [\[7, с. 88\]](#). В чем же причина такого блазированного эмоционального состояния?

Во-первых, в постоянной смене впечатлений. На горожанина, в особенности только переселившегося из сельской местности, обрушивается шквал событий и явлений. Какую реакцию вызывает это городское событийное многообразие? Можно попытаться эмоционально откликнуться на каждое из происшествий. Попытаться найти для всех окружающих людей с их проблемами, горестями и специфическим ритмом жизни свой индивидуальный душевный отклик. Однако долго ли мы сможем существовать в таком режиме эмоциональной отзывчивости? Этот режим кажется избыточно затратным для нашей эмоциональной сферы. Более того, в предельно рациональном обществе эпохи модерна он выглядит наивно. Тогда на ум приходит второй вариант реагирования – умеренно-сдержаный, «прохладный». Его Зиммель считает основным для жителей больших городов – это «самозащита» нашей нервной системы. Горожанин прячет чувства и эмоции за фасадом рассудочности. Отгораживается от проблем других людей. Но это происходит не по причине эмоциональной черствости и бездушности. А по расчету здравого смысла. Он подсказывает нам, что пытаться помочь всем вокруг, вкладывать в это свое время и эмоции, а по итогу конфликтовать со всем обществом, живущим иначе – все равно что бороться с ветряными мельницами. Нет смысла. Проще спрятать свои эмоции, чем открыто радоваться, грустить, гневаться, бояться вместе с миллионами других горожан. На всех эмоций не хватит, словно говорит наш здравый смысл. Таким образом, блазированность/пресыщенность становится необходимой стратегией современного человека. Она нужна для защиты от переутомления различными внешними стимулами. Парадоксально, но чтобы сохранить способность испытывать хоть какие-то эмоции согласно зиммельевской теории необходимо «притупление» эмоциональности. Своего рода эмоциосберегающий режим.

Вторая причина блазированности – отчуждение. Когда город подталкивает нас чувствовать атомизацию, изоляцию, «одиночество в толпе» из множества незнакомцев. Горожане живут рядом друг с другом практически на условиях анонимности, отказа от коммуникации и взаимодействия. Это и есть отчуждение, ведущее к блазированности. Как точно подмечает Д. Г. Подвойский: «Воздух города частично освобождает, но ценой эманципации оказываются рост отчуждения и структурно обусловленное ослабление «социального магнетизма» любви, а глобально (по Зиммелю) – опустошение «сосуда» социального формообразования и выхолащивание его специфически человеческого

содержания» [\[8, с. 53\]](#). Все это приводит к тому, что блазированность становится стратегией сдерживания эмоций, одновременно основанной на отчуждении и способствующей его росту. Более того, современные исследователи приходят к выводу, что в этих условиях происходит формирование особой «отчужденной эмоции дистанции, отдаленности и безразличия» [\[9, с. 55\]](#).

Чувство такта

Вторая стратегия сдерживания эмоций связана с развитием чувства такта и вниманием к нормам, правилам и практикам совместной жизни. По Зиммелью чувство такта является неотъемлемой частью процесса коммуникации и обобществления. Оно позволяет нам устанавливать границы между личным и общественным, сдерживать самоуверенность и самолюбие, выглядеть социально одобряемым субъектом. Доброжелательная улыбка, вежливый комплимент, удачная шутка – все это и социальные действия, поддерживающие приятную и доверительную атмосферу, и способы сдержать негативные эмоции и аффекты. Можно заметить, что чувство такта становится мощным инструментом по достижению общественной гармонии.

Наиболее интересные идеи Зиммеля в этой области можно найти в эссе «Общение. Пример чистой, или формальной социологии». В этой работе перед нами рисуется картина тактичного выверенного общения, которое дарит удовольствие само по себе, но в то же время служит стратегией сдерживания эмоций. Зиммель пишет: «специфическая функция такта заключается в ограничении индивидуальных порывов, выпячивания собственного Я, внутренней и внешней претенциозности, в ограничении там, где этого требуют права других» [\[10, с. 255\]](#). Иными словами, наши эмоции или психические состояния, какими бы яркими они ни были и как бы ни хотелось ими поделиться, вынужденно должны быть ограничены в угоду комфортному обобществлению. Но почему мы должны следовать этому требованию?

По Зиммелью ответ сухово лаконичен. Потому что мы с первых минут жизни вовлечены в социальное взаимодействие. Мы попросту не можем оказаться в абсолютном одиночестве. А значит, аксиоматически приходится признать главенство норм и социальных ожиданий. Зиммель пишет, что привнося в общение элементы своей психической жизни, мы поступаем неуместно «бестактно (поскольку это противоречит правилу взаимодействия) привносить в общение глубоко личностное – сугубо личные проблемы и разочарования, приподнятость и подавленность, свет и мрак глубин жизни» [\[10, с. 255\]](#).

Мы уже видели, что блазированность основана на отчуждении, но и порождает его. В данном случае то же самое применимо и к чувству тактичности. Оно является и целью и условием обобществления. Сдержанного, цивилизованного, конфликтующего с «жизнью» за счет «гипертрофии объективных культурных форм» [\[11, с. 113\]](#).

Деньги

Наконец третья стратегия усмирения эмоций связана с деньгами. Согласно Зиммелью деньги участвуют почти во всех социальных взаимодействиях и играют крайне важную роль в процессах обмена. Вне взаимодействия деньги утрачивают свое значение, так как обмен становится невозможен. Зиммель полагает, что деньги даже могут стать бесполезными, если ими обладает только один человек. Впрочем, мы не видим такого в реальности, наоборот, деньги распространяются повсеместно. А с «ростом денежного изобилия возрастает оживленность и интенсивность торговли» [\[12, с. 161\]](#). В своей

главной работе на эту тему – «Философии денег» Зиммель пытается выйти за рамки только экономического анализа места денег на рынке. Он связывает деньги с культурой, обществом и эмоциями. Целью является попытка понять более глубокие «психологические и даже метафизические предпосылки» существования денег [\[12, с 54\]](#).

Какова при этом роль эмоций?

Во-первых, деньги и эмоции связаны по Зиммелю через чувство желания. Деньги привлекают, вызывают желание обладать ими. Они становятся символом статуса, власти и возможностей, что непосредственно связано с человеческими эмоциями. Желание денег порождает чувство страсти, радости, но иногда зависти, гнева и обиды, особенно в контексте несправедливо возникшего неравенства. Зиммель в своем анализе желаний идет еще дальше, говоря, что «значимость объекта для индивида всегда определяется желанием обладать им» [\[12, с. 98\]](#).

Возникает вопрос, а ограничены ли наши индивидуальные желания «изнутри»? Есть ли у человека внутренний механизм удержания или усмирения своих желаний? По Зиммелю – нет, «человеческие желания не знают границ» [\[12, с. 213\]](#). Стоит уточнить, что наши желания не знают внутренних границ. Но зачастую натыкаются на границы внешние. Объективная реальность оказывает сопротивление. Так возникает сложная конфигурация индивидуальной и социальной сфер жизни: мы безграничны в своих желаниях, но ограничены в общественной жизни, требующей уплаты за значимые/ценные вещи и услуги.

Из этого следует второй аспект связи денег и эмоций – объективация. Как полагает Зиммель, сегодня мы живем при господстве денежно-рассудочно-калькулятивного подхода. И если о качестве нашей жизни, а тем более о качестве социальных отношений, мы можем спорить бесконечно, то в вопросе денег царит строгая неумолимость цифр. Тут не может быть особых споров и «двусмысленности», характерной для вопросов чувств. Деньги обладают объективным количественным характером. Их можно и нужно считать. Эта же неумолимость цифр, согласно Зиммелю, потихоньку распространяется и на все социальные отношения. Более того, господствующие сегодня рассудочные отношения «превращают людей в числа» [\[7, с.80\]](#). Так возникает особая техника или стратегия, заставляющая нас притуплять свои эмоции в угоду объективной калькуляции, параллельно с которой мы можем приобрести налет цинизма. Как пишет Зиммель: «Чем больше деньги становятся единственным центром интереса, тем больше человек обнаруживает, что честь и убеждения, талант и добродетель, красота и спасение души обмениваются на деньги, и поэтому тем более насмешливое и легкомысленное отношение будет развиваться по отношению к этим высшим ценностям» [\[12, с. 257\]](#). Здесь мы видим сходство с упоминавшейся ранее блазированностью. Но в отличие от последней тут нет равнодушия к деньгам.

В качестве дополнительного подтверждения вспомним ряд расхожих афоризмов на тему денег: «деньги – не пахнут», «время-деньги», «если такой умный, то почему такой бедный?» «ничего личного, только бизнес» и многие другие. Чем они примечательны и общи? Конечно, тем, что подчеркнуто циничны и направлены на обезличивание процесса денежного обогащения, а заодно и на постепенное обезличивание, объективацию индивида. Последнее чаще всего проявляется в виде сдерживания эмоций. «Смирение страстей и представление объективного как такового в его существовании и значении суть лишь две стороны одного и того же основного процесса» [\[13, с. 179\]](#). Можно сказать, что в этом заключается процесс легитимации социального

порядка.

Деньги имеют объективный характер, что способствует объективации и обезличиванию социальных отношений. В этой связи эмоциям, чувствам и аффектам почти не остается места. Усмирение эмоций становится стратегией, основанной на калькуляции, и носит общеобязательный характер.

Выше шла речь исключительно о стратегиях сдерживания эмоций. Однако анализ зиммельевской теории не полон, если не обратиться к изучению самих аффектов и их проявлению. Какие эмоции Зиммель считает наиболее значимыми? С чем это связано? Наконец, необходимо выяснить, какое место занимает теория эмоций Георга Зиммеля в поле социально-философских дискуссий тех лет.

В оценках эмоций и их роли в общественной жизни Зиммель был не одинок. Весьма показательна в этом вопросе точка зрения другого классика немецкой социологии – Макса Вебера. Оба мыслителя в качестве ключевого аспекта модернового общества видят рационализацию, противопоставленную иррационально-реактивным, захватывающим нас эмоциям. При этом Вебер выделяет такие эмоции или аффекты, как «страх, гнев, честолюбие, зависть, ревность, любовь, воодушевление, гордость, жажда мести, благоговение, преданность и самоотдача, влечеение любого рода» [\[14, с. 69\]](#). Их иррациональность становится особенно заметна при сравнении с противоположным, то есть рациональным способом реагирования и действия. Эмоция при таком подходе рассматривается как «отклонение от нормы», и, следовательно, является нарушением «правильного» взаимодействия индивидов. К иррациональным явлениям Вебер относит не только эмоциональные, но и «мистические, пророческие, пневматические» [\[14, с. 80\]](#). А слова «аффект» и «заблуждение» часто пишет через запятую, что само по себе показательно.

Ещё один аспект теории эмоций Макса Вебера – связь с понятием общности. Так, «Общность может зиждаться на любого рода аффективном, эмоциональном или традиционном основании, будь то духовное братство, любовная связь, отношение пиетета, единая нация или спаянное товариществом войско» [\[14, с. 99\]](#). Из приведенной цитаты становится ясно, что Вебер противопоставляет «теплую» эмоциональность общности – «холодной» рациональности общества. Нетрудно заметить, что в этом он близок и к Зиммелью, полагавшему, что переезд в крупный город связан с блокировкой эмоций, и к Фердинанду Тённису – другому немецкому социальному философу, много страниц посвятившему соотношению домодерновой общности и модернового общества. В конечном счете, согласно Веберу, общество вытеснит общность за счёт двуаспектной рационализации. Он пишет: «Рационализация также может развиваться как позитивно, в смысле сознательной рационализации с учетом принятых ценностей, так и негативно, за счет отказа не только от обычая, но и от аффективного и даже от ценностно-рационального действия в пользу не связанного ценностями, чисто целерационального поведения» [\[14, с. 89\]](#). Получается, что перед современным индивидом стоит тяжелый выбор: в лучшем случае самостоятельно принять модерн и рационализацию, в худшем – быть вынужденным отбросить эмоции-аффекты, традиции и даже ценности, противоречащие рациональности.

Зиммель хоть и согласен с растущей рационализацией жизни как наступлением на сферу эмоций и аффектов, но полагает, что в этом вопросе нет выбора «или-или». Для него рационализация модерна не вытесняет эмоции, а заставляет сдерживаться и предпринимать действия по саморегуляции. Более того, в своей работе «Философия

денег» Зиммель дает понять, что эмоции не только не исчезают, уступив место рациональности, но и начинают играть более значимую роль. Ведь если модерн требует «рационализации» социальной сферы для усиления экономической жизни и объективации процессов обмена, а эти процессы, как было показано, требуют «желаний», то эмоции становятся чуть ли не главным топливом экономической деятельности.

Ещё одно отличие зиммельевской теории эмоций от взглядов Вебера – отказ от идеи эмоционального принуждения. В то время как Вебер полагает существующим «принуждение к труду через страх потери средств к существованию», то есть через воздействие на сферу эмоций, Зиммель считает подобное принуждение иллюзией. И в духе современных противников манипуляции пишет: «...меня могут заставить поставить подпись только в том случае, если кто-то более сильный возьмет мою руку и напишет ею» [\[12, с. 400\]](#). То есть внешнее воздействие может быть в первую очередь физическим, превращающим индивида в марионетку, но не эмоциональным. Вызвать страх, гнев, зависть и другие эмоции извне нельзя. Впрочем, тут же наш герой оставляет лазейку для чуть более метафизической позиции, добавляя «или если я сделаю это с помощью гипнотического внушения» [\[12, с. 400\]](#). Самому Зиммелю кажется это дополнение вполне естественным, однако не так легко представить себе «гипнотическое внушение», которое не является вариантом эмоционального принуждения.

На тему эмоций примечательны рассуждения уже упоминавшегося Фердинанда Тенниса. Хотя Теннис не разработал четкой теории эмоций, его идеи обеспечивают основу для понимания эмоциональной динамики в различных социальных структурах. В своей наиболее значимой книге «Общность и общество», вышедшей в 1887 году и по всей видимости оказавшей влияние на Зиммеля, Теннис проводит различие между общностью (иногда немецкое слово *gemeinschaft* переводят как «община»), характеризующейся сплоченными социальными отношениями, основанными на общих ценностях и эмоциональных связях, и обществом (немецкое *gesellschaft*), представляющим более безличные, договорные отношения, характерные для современных городских обществ. С точки зрения теории эмоций общность связана с теплыми, личными эмоциями и отношениями, глубоко укоренёнными в традиции. И, наоборот, в обществе, где социальные отношения определяются индивидуальными интересами и контрактными соглашениями, эмоции отходят на второй план, уступая место рациональным и инструментальным соображениям выгоды, расчёта и контракта. Теннис заметил, что переход от традиционных сельских общностей к современным городским обществам может привести к ослаблению эмоциональных связей, поскольку социальные структуры становятся безличными. В этом можно видеть влияние Тённиса на зиммельевскую трактовку городского эмоционального отчуждения, о чём говорилось ранее.

Ещё одной темой, интересовавшей Тенниса и Зиммеля, был страх. Для Тенниса страх двойственен, так как довольно легко сменяется надеждой и обещанием будущего удовольствия. Он пишет: «...каждое такое чувство усиливается и стимулируется примером и поучением, пробуждением страха и надежды, воспитанием почтения и доверия» [\[15, с. 234\]](#). А теперь сравним это с мнением Зиммеля о том, что таким же двойственным воздействием обладают деньги, «благодаря надежде и страху, желанию и тревоге, которые с ними связаны» [\[12, с. 170\]](#). Из приведенной цитаты становится ясно, почему ряд исследователей считает социальную философию Зиммеля «пульсирующей» [\[16\]](#). Это двойственный пульс страдания и наслаждения, при котором надежда на лучшую жизнь и удовлетворение материального благополучия сочетаются со страхом всё

потерять.

Наконец третья точка пересечения между Тённисом и Зиммелем в вопросах эмоций – понимание социальной природы стыда. «Как неприязнь или отвращение, стыд родственен страху, как недовольство или негодование – вспыльчивости, и в нем всегда смешиваются эти два аффекта, независимо от того, в какой очередности они проявляются. Но прежде всего, стыд есть вуалирование, скрытие, утаивание; отвращение к обнаженному, откровенному, известному» [\[15, с. 235\]](#). Зиммель посвящает стыду сразу несколько работ. Так, в статье «К психологии стыда» он рассматривает и подвергает сомнению исследование стыда, проведенное одним из современников – врачом и сексологом Хэвлоком Эллисом (1859-1939). Зиммель вступает в дискуссию и пишет, что стыд связан не только со сферой интимности, но с особым пристальным, акцентированным на нас вниманием другого человека. Более того, Зиммель считает, что посредством стыда внутри нас возникает «представительство социальной группы» [\[17\]](#). Иными словами, мы как бы делимся на две части – реальную и идеальную, а стыд возникает из-за расхождения между этими частями. Следовательно, стыд возникает не по природным/биологическим причинам, а по социальным, когда возникает несоответствие той обобществлённой части нашей личности, которая должна была бы «выглядеть иначе». Однако тут же Зиммель замечает, что в ситуации путешествия чувство стыда может отсутствовать из-за того, что не возникает полноценного социального взаимодействия. Условно говоря, со случайным попутчиком мы не чувствуем себя так сковано и стыдливо, как в ситуации полноценного и продолжительного общения. Зиммель исходит из представления об отчужденности. Неслучайно в «Экскурсе о чужаке» он пишет о том, что чужак, в силу того что не принадлежит к группе, может быть носителем особой объективности, которая «отнюдь не означает лишь дистанцию и непричастность, но является особым образованием, составленным из удаленности и близости, безразличия и ангажированности» [\[18, с. 230\]](#).

Заметная роль отводится эмоции стыда и в статье «Мода». Здесь стыд рассматривается в качестве одного из источников модных трансформаций. С одной стороны, люди стремятся к разнообразию и переменам, с другой – чувство стыда действует как сдерживающий фактор при отклонении от установленных норм поведения и внешнего вида. Зиммель предполагает, что мода служит решением этой дилеммы. Однако это решение, как и всегда у Зиммеля, носит творческий и неоднозначный характер. Дело в том, мода способна снизить внутреннее чувство стыда. Из чего исходит Зиммель? Он полагает, что «некоторые моды требуют бесстыдства, от которого индивид возмущенно отказался бы, если бы ему подобное предложили, но в качестве закона моды беспрекословно принимает такое требование. Чувство стыда в моде, поскольку она массовое действие, так же полностью отсутствует, как чувство ответственности у участников массового преступления» [\[19, с. 284\]](#). Здравый смысл подсказывает нам, что у моды и массового преступления не так уж и много сходств, однако Зиммель считает иначе. Для него важно, что мода становится коллективным действием, а оно в свою очередь помогает справиться с неприятными внутренними эмоциями. Что называется, «на миру», деятельность, выполняемая в групповой или пассивной форме, может снизить порог смущения и стыда. Получается, что социальные группы могут способствовать развитию стыда через процесс интиоризации (как и было показано ранее), но также могут способствовать устраниению механизмов стыда.

Нетрудно заметить, что изложенные выше взгляды Георга Зиммеля на природу эмоций содержат в себе ряд противоречий и трудностей. Кратко рассмотрим их.

Главное затруднение при анализе зиммельевской теории эмоций связано с тем, как он понимает разделение на «первичные эмоции», или досоциальные состояния, например, любовь- страсть, враждебность, религиозность, и «вторичные эмоции», например, ревность, стыд. Первичные эмоции должны считаться универсальными, физиологическими, имеющими эволюционное значение, биологически и неврологически врожденными, в то время как вторичные эмоции, скорее, являются результатом сочетания первичных эмоций и общественной жизни. Первичные эмоции подводят нас к взаимодействию с другими людьми. Затем это взаимодействие продолжается, но уже при поддержке "вторичных эмоций", которые имеют социальную природу, так как возникают в процессе обмена, присущего группам и сообществам. Однако в текстах Зиммеля не так легко понять, где проходит граница между биологическим и социальным.

Так, например, Зиммель полагает, что у человека есть особая эмоция благодарности. Но это явление исследуется им одновременно и как индивидуальная эмоция, и как часть процесса обобществления. Получается, что среди первичных и вторичных эмоций благодарность занимает условно промежуточное положение. Это следует из такого отрывка: «...благодарность является чисто личным аффектом. Это плодородная эмоциональная почва...если бы все чувства благодарности, оставшиеся в душах после предыдущих действий, были бы уничтожены одним махом, общество, по крайней мере, в том виде, в каком мы его знаем, развалилось бы» [\[20\]](#). Зиммель подчеркивает двойственность чувства благодарности: будучи индивидуальным проявлением, она служит основой для межличностных отношений, для взаимодействия и сотрудничества. Благодарность в таком случае – это способ признания и оценки чужих усилий и доброжелательности. При этом для Зиммеля важно, что благодарность нельзя рассматривать чисто инструментально, как способ взаимовыгодного обмена. В первую очередь благодарность – это чистая форма, «мост» (типичная метафора социальных отношений в трудах Зиммеля), по которому движутся социальные процессы. И лишь затем благодарность отсылает к рыночным механизмам, приобретая конкретное денежное, товарное содержание. Однако неясным остается главное – считает ли Зиммель благодарность результатом функционирования общественной жизни, или же, наоборот, общественная жизнь становится результатом проявления чувства благодарности. И в итоге является ли чувство благодарности первичным или вторичным?

Ещё одна трудность состоит в противоречивой оценке самим Зиммелем двойственности положительных и отрицательных эмоций. Так, например, упоминавшаяся чуждость выступает одновременно и как негативная характеристика капиталистического общества (что безусловно сближает зиммельевскую оценку капитализма с идеями раннего Маркса), и как позитивная объективность, недоступная давно существующим и дружным социальным группам. Упоминавшийся стыд Зиммель рассматривает и как позитивную эмоцию, и как средство закрепощения. Диалектические противоречия во взглядах Зиммеля, как верно когда-то заметил Ионин, не имеют разрешения, а «приобретают характер угрожающего постоянства» [\[21, с. 82\]](#).

Заключение

Хотя эмоции являются неотъемлемой частью индивида, они выступают и как отражение общественной жизни. Однако до начала 1980-х годов идеи ранних социологов о социальном и философском значении аффектов, впечатлений и эмоций не оказывали влияния на социальную теорию. В последние десятилетия ситуация стала меняться, а эмоции были вновь открыты в качестве предметной области социальных наук. В связи с этим актуальным выглядит обращение к зиммельевской теории эмоций.

В данной статье были рассмотрены три стратегии самоцензуры или сдерживания эмоций.

Во-первых, стратегия городской блазированности. Этот способ притупления эмоций развивается в условиях когнитивной перегрузки больших городов. Множественность событий заставляет горожанина испытывать эмоциональные перегрузки, которые в свою очередь приводят к эмоциональному равнодушию, пресыщенности. Это Зиммель и называет блазированностью. Наиболее ярко данная стратегия описана в работе «Большие города и духовная жизнь», но дополнительными источниками для исследования служили отрывки из «Философии денег».

Во-вторых, стратегия развития чувства такта. В основном данная стратегия изложена в работе Зиммеля «Общее. Пример чистой, или формальной социологии».

В-третьих, особое вниманиеделено стратегии денежной объективации эмоциональной сферы. Этот вопрос затронут Зиммелем в работах разных лет, но особенно в «Философии денег». Было показано, что эмоции мы вынужденно подчиняем требованиям общества, которое через деньги приучает нас сдерживаться. Во-вторых, продемонстрировано, что само современное общество, являясь примером денежной объективной калькуляции, не оставляет места неусмиренным эмоциям. Таким образом, если вся общественная жизнь основывается на рассудке, подсчетах и легком цинизме, то усмирение эмоций и чувств становится вынужденным поведением.

Дополнительно стоит отметить, что теория эмоций Георга Зиммеля была рассмотрена в сравнении со взглядами его современников – Макса Вебера и Фердинанда Тённиса. Было показано, что для Вебера и Зиммеля ключевым аспектом современного общества выступает рационализация, противостоящая эмоциям и аффектам. Однако если Вебер, выделяя ряд эмоций и аффектов, считает их полностью иррациональными и противостоящими модерну, то Зиммель придерживается менее строгой точки зрения. И полагает, что нет необходимости «выбирать» между рациональностью и эмоциями, а оба аспекта общественной жизни могут существовать.

В сравнении с Теннисом было показано, как Зиммель трактует эмоцию страха.

Также в статье рассматривается зиммельевское понимание социальной природы стыда. Были изучены такие работы, как «К психологии стыда» и «Мода». На их основе сделаны выводы о том, что стыд представляет собой результат расхождения между реальной и идеальной частями личности. А также отмечены случаи, когда обостренность стыда, наоборот, снижается.

Наконец, в статье отмечена сложность в интерпретации зиммельевской теории первичных и вторичных эмоций. Данный факт становится особенно заметен при анализе чувства благодарности, играющего важную роль в социальной философии Зиммеля.

Ряд стратегий эмоционального контроля остался за пределами настоящего исследования (не был отражен мир эмоций, связанных с вопросами жизни и смерти, экзистенциального выбора). Однако даже этот небольшой «экскурс» позволяет оценить масштаб социальной философии эмоций Георга Зиммеля.

Библиография

1. Stets J. E. (2006). Emotions and Sentiments. *Handbooks of Sociology and Social Research*, 309–335
2. Shilling, C. (2002). The Two Traditions in the Sociology of Emotions. *The Sociological Review*, 50(2_suppl), 10–32.

3. Зиммель Г. Как возможно общество?//Георг Зиммель. Избранное. Проблемы социологии Т. 2. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
4. Gerhards, J. (1986). Georg Simmel's contribution to a theory of emotions. *Social Science Information*, 25(4), 901–924.
5. Ковалев Ю.В. Эмоции в норме и патологии: иллюстрированное учебное пособие. М.: Проспект, 2023.
6. Cerulo, M. (2021). Simmel, the Emotions and the Tragic Nature of the Love Bond. *Simmel Studies*, 25(2), 55–83
7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь. М.: Strelka Press, 2018.
8. Подвойский Д.Г. «Осторожно модерн!», или театр теней современности и его персонажи: инструментальная рациональность – деньги – техника (часть 2)// Вестник РУДН. Серия: Социология. 2022. №1.
9. Barbalet J. (1998) Emotion, Social Theory and Social Structure. A Macrosociological Approach. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Зиммель Г. Общение. Пример чистой, или формальной социологии//Георг Зиммель. Избранное. Проблемы социологии Т. 2. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
11. Занфи К. Бергсон и немецкая философия. 1907-1932. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2020.
12. Simmel G. (2004). *Philosophy of money*. London: Routledge.
13. Зиммель Г. Философия денег//Георг Зиммель. Избранное. Проблемы социологии Т. 2. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
14. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / Макс Вебер; [пер. с нем.]; сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина; Нац. ис[1]след. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1.
15. Тённис Ф. Общность и общество: основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2002.
16. Saido-Ramos, O. (2019). The Sociological Analysis of Shame in Georg Simmel. A Proposal to Study the Performative and Relational Character of Emotions. *Digitalium*, №. 23.
17. Simmel G. Soto (translator), Andrés. (2018) On a Psychology of Shame. *Digitalium*, 2018, Num. 21, pp. 67-74
18. Зиммель Г. Экскурс о чужаке//Георг Зиммель. Избранное. Проблемы социологии Т. 2. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017.
19. Зиммель Г. Мода//Георг Зиммель. Избранное. Т. 2. Созерцание жизни — М.: Юрист, 1996.
20. Simmel, Georg (1997 [1907]): Dankbarkeit. Ein soziologischer Versuch, in: Georg Simmel: Aufsätze und Abhandlungen. 1901 – 1908, Bd. 2, Frankfurt am Main: Suhrkamp, S. 308–316
21. Ионин Л.Г. Георг Зиммель – социолог (критический очерк)/Отв. Ред. Ю.Н. Давыдов. М.: Наука, 1981

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой компактное, но весьма интересное исследование о соотношении эмоций человека и социальных ролей, которым он вынужден следовать. Автор справедливо указывает на то, что в современной жизни растёт напряжение между эмоциональной жизнью индивида и требованиями, которое общество предъявляет к нему в связи с вхождением в определённые социальные группы, в связи с чем, делает он обоснованный вывод, и возникает потребность в обращении к изучению традиции осмыслиения эмоциональной жизни человека в истории культуры. Несомненно, что Г. Зиммель оказывается значимой фигурой в становлении этой традиции, и вполне можно согласиться с тем, что его концепция соотношения эмоциональной жизни индивида и общественного контроля над ней заслуживает внимания современного читателя. К сожалению, автор выбирает лишь один из аспектов социально-психологического учения Зиммеля, а именно, сосредотачивает внимание только на отношении мыслителя к проявлению и сдерживанию эмоций. Он описывает механизмы контроля, связанные с влиянием городской жизни на притупление эмоций (феномен «блазированности»), развитием чувства такта, которого требует включение в определённые сообщества, и универсальной ролью денег в буржуазном обществе, которые «отодвигают» собственно индивидуальность на второй план, выступая в качестве «признанного» обществом портрета их обладателя (жалко, что автор не вспоминает в этой связи соответствующие размышления К. Маркса). Следует сказать, что автор проявляет несомненные компетентность и эрудированность в рассмотрении указанных вопросов, что делает статью привлекательной для читателя. Однако, как уже указывалось, представленная статья является, на взгляд рецензента, «излишне камерной». Собственно, и сам автор в заключительных строках указывает на направления дальнейшего исследования избранной им темы, что позволит дополнить статью новыми интересными материалами и создать целостное представление о философско-социологическом учении Г. Зиммеля об эмоциональной жизни индивида в буржуазном обществе. Для этого имеются все возможности. Так, объём (менее 0,4 а.л.) материала может быть увеличен как минимум вдвое, список литературы также может быть пополнен новыми источниками. Представляется целесообразным высказать и несколько других пожеланий. В статье совершенно не просматривается историко-культурный и историко-философский контекст проблемы. Зиммель не мог не учитывать дискуссии, которые велись на эту тему в обществе (Маркс уже упоминался), какое влияние они на него оказывали, как он отвечал оппонентам? Кроме того, изложение носит почти исключительно описательный, «некритический», характер, автор не пытается «взвесить» и оценить конкретные суждения Зиммеля, что снижает значимость представленного материала. Однако высказанные критические замечания не перечёркивают основное содержание статьи, в которой автор демонстрирует понимание темы и способность ясно излагать непростое философско-социологическое и психологическое содержание проблемы. Заметим ещё, что в процессе знакомства со статьёй практически не возникает замечаний в связи с синтаксисом и пунктуацией текста, что в последние годы стало, к сожалению, редкостью и для научных публикаций. Подводя итог сказанному, следует констатировать, что статья имеет хорошие перспективы для публикации, однако, её нужно доработать до целостного рассмотрения учения Г. Зиммеля об эмоциональной жизни индивида в буржуазном обществе. Рекомендую отправить статью на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Георг Зиммель о проявлении и сдерживании эмоций» выступает теория немецкого философа, трактующая связь эмоциональной сферы человека с его социальными взаимодействиями. Автор считает взгляды Зиммеля согласующимися с современной медико-биологической классификацией чистых/базовых эмоций, среди которых выделяют: «тоску, тревогу, страх, гнев, недоумение, радость, эйфорию, экстаз». Автор полагает, что рассмотрение зиммельевской трактовки проявления и способов контроля эмоций может способствовать социально-философским исследованиям положения человека в обществе и механизмов функционирования самого общества.

Актуальность своей работы автор видит в том, что до начала 80-х годов 20 века идеи ранних социологов о значении эмоций для общественной жизни, были забыты социальными философами. И хотя, в последние десятилетия ситуация стала меняться, внимание исследователей сосредотачивается на идеях М. Вебера, Э. Дюркгейма, Дж. Мид, тогда как концепция Георга Зиммеля остается неоправданно забытой. Поэтому обращение к наследию Зиммеля призвано восстановить это исследовательское упущение.

Методология исследования, применяемая автором статьи, базируется на герменевтической анализе таких произведений Зиммеля, как «К психологии стыда», «Мода», «Общение. Пример чистой, или формальной социологии», «Большие города и духовная жизнь», «Философия денег». Автор проводит их сравнительный анализ, включающий сопоставление с современными исследованиями в области психиатрии, и взглядами Макса Вебера и Фердинанда Тённиса.

Научная новизна заключается в систематическом изложении взглядов Зиммеля на природу эмоций, механизмы их сдерживания, сравнение трактовки социального значения эмоций Зиммелем и другими социальными философами.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований. Текст написан хорошим, понятным языком, ключевые тезисы четко сформированы и обоснованы, автор использует прямое цитирование, что делает статью более интересной для чтения.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. В начале работы автор оговаривает специфику трактовки Зиммелем человека, заключающуюся в том, что он рассматривается как типичный представитель конкретного социального круга, например офицер, студент, врач, и одновременно, носитель уникальных внесоциальных качеств. Затем автор переходит к рассмотрению способов сдерживания эмоций по Зиммелю, отождествляющему социальную жизнь и городскую жизнь. Среди них выделяются базированность (пресыщенность в условиях скученности людей и «экономия эмоций»), чувство такта (запрещающее нам демонстрировать в обществе глубоко личностные переживания) и деньги (которые заставляют нас притуплять свои эмоции в угоду объективной калькуляции – просчитыванию выгоды).

Далее автор обращается к рассмотрению места, которое теория эмоций Георга Зиммеля занимает в поле социально-философских дискуссий тех лет. Он находит точки пересечения в идеях Зиммеля, Вебера и Тенниса, а так же указывает на их отличия. В заключении статьи указываются некоторые противоречия в развитии идеи социального функционирования эмоций Зиммеля.

Библиография статьи включает 21 наименование работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к авторам, занимающимся подобными исследованиями, незначительна.

Статья будет интересна широкому кругу читателей, от неспециалистов, интересующихся социальной философией и философией Зиммеля, до социальных философов,

исследующих влияние эмоций на жизнь общества.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Нижников С.А., Лагунов А.А. Типология философских мировоззрений. Проблемы натуралистического мировоззрения // Философская мысль. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.1.44169 EDN: JEJPCW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44169

Типология философских мировоззрений. Проблемы натуралистического мировоззрения

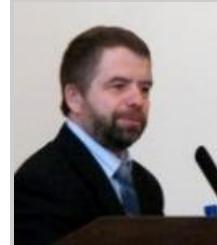
Нижников Сергей Анатольевич

ORCID: 0000-0002-3456-2445

доктор философских наук

профессор кафедры истории философии Российского университета дружбы народов им П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

[✉ nizhnikov-sa@rudn.ru](mailto:nizhnikov-sa@rudn.ru)**Лагунов Алексей Александрович**

ORCID: 0000-0002-8498-6449

доктор философских наук

профессор кафедры философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета

355017, Россия, Ставропольский край, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1

[✉ emaillag@mail.ru](mailto:emaillag@mail.ru)[Статья из рубрики "История идей и учений"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2024.1.44169

EDN:

JEJPCW

Дата направления статьи в редакцию:

29-09-2023

Аннотация: В статье предлагается типология философских мировоззрений: натуралистическое, пантеистическое и трансцендентное. Подробно анализируется натуралистическое мировоззрение, к которому относятся позитивизм и материализм. На основе историко-философского и гносеологического рассмотрения определяется метафизический характер категории «материя». Показывается, что в материализме

данная категория гипертрофируется до статуса псевдоабсолюта. Отмечается, что логика историко-философского и духовного развития с неизбежностью приводит к формированию понятия Абсолюта, реализуя принцип монизма в толковании первоосновы бытия. Данный процесс рассмотрен на примере античного гилозоизма, через кризис атомистики идущий к дуализму Платона (идея и материя) и Аристотеля (форма и материя), снимаемому в диалектике Гегеля. Показано, что если исходить из материалистической аксиоматики, то невозможно решить такие кардинальные философские проблемы как адекватное определение онтологического статуса категории материи, установление причины движения, создание теодицеи, объяснение наличия свободы, обоснование морали и гуманизма. Нерешенность указанных проблем в материализме ведет к необходимости формирования иных типов философских мировоззрений: пантеистического и трансцендентного, которые имеют ярко выраженный метафизический характер, однако, хотя и исходят из понятия Абсолюта, мыслят его принципиально различно. В дальнейшем авторами планируется публикация статей, посвященных рассмотрению пантеистического и трансцендентного типов философских мировоззрений.

Ключевые слова:

натурализм, материя, материализм, гилозоизм, атом, метафизика, Абсолют, источник движения, теодицея, мировоззрение

Публикация выполнена в рамках научного проекта РНФ 22-28-00162, «Концепция "осевого времени" в контексте интеркультурного диалога». This paper has been supported by the Russian Science Foundation, grant no. 22-28-00162, "The 'Axial Age' Conception in Intercultural Dialogue"

Введение

Не может быть человека без мировоззрения, отличающего его от животного. В человеческой жизни присутствует феномен свободы, а животное всецело определяется биологически заданными инстинктами, оно детерминировано; в этом смысле животное не ошибается, за него «думает» природа, что выражается в инстинктивных реакциях, человек же вынужден осознанно действовать на свой страх и риск — у него есть степень свободы, ставящая его перед выбором того или иного поступка. Данный выбор обусловливается мировоззрением, которое, объясняя мир и положение человека в нем, ориентирует его на определенное поведение. А что определяет само мировоззрение? Отвечая на этот вопрос, мы приходим к необходимости выделения различных форм мировоззрения, которые можно классифицировать как философские, религиозные, научные, обыденные и суеверные. Не будем вдаваться в пояснение каждой из этих форм, так как наша цель — установить и рассмотреть типологию именно философских мировоззрений. Несмотря на то, что М. Хайдеггер отрицал мировоззренческую функцию философии, с этим никак нельзя согласиться. Конечно, философия не сводится к «мировоззренческой проповеди» [\[1, с. 82\]](#), однако развертывающаяся философия неизбежно порождает соответствующее мировоззрение и основывающуюся на нем идеологию. С другой стороны, философия стремится решать мировоззренческие проблемы и отвечать на соответствующие вопросы исходя из своего метода, своей специфики.

Вильгельм Дильтей, отмечая многообразие и беспорядок в философских системах, в

работе «Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах» ставит перед собой задачу их мировоззренческой классификации, создания ни много, ни мало науки о мировоззрении. Прежде всего, он отмечает, что мировоззрение шире философии, не является созданием только мышления: «...оно — результат занятой в жизни позиции, жизненного опыта...» [\[2, с. 225\]](#). В этой связи В. Дильтей выделяет мировоззрение в религии, поэзии и литературе, а также в философии, анализируя последнее в разделе «Типы мировоззрения в метафизике». Философское мировоззрение носит рациональный характер и в свою очередь разделяется у него на три типа: «натурализм» (Демокрит, Гоббс, Гольбах, Фейербах, Бюхнер и др.), «идеализм свободы» (Анаксагор, Сократ, Платон, Аристотель и др., но в основе — Кант) и «объективный идеализм» (Гераклит, Парменид, Спиноза, Гёте, Шеллинг, Гегель и др.). В данном перечне, на наш взгляд, плохо просматривается логика, но явны эклектика и неокантианские предпочтения самого философа.

Мы предложим иную схему, оправданную, как кажется, определенной логикой. Анализируя историю философии и многообразие философских построений, можно привести следующую типологию мировоззрений, логически исходящую из онтометафизических установок: *натуралистическое, пантеистическое и трансцендентное*. В качестве отправной точки здесь берется изначальная аксиоматическая установка сознания, развертывающаяся затем в соответствующий философский дискурс. Об адекватности того или иного типа философского мировоззрения следует судить по качеству их ответов на кардинальные мировоззренческие вопросы, к числу которых, прежде всего, относятся: вопрос, касающийся архэ, первоосновы бытия, т.е. Абсолюта (с чего и началась философия), второй — о возможности построения теодицеи, третий связан с оправданием свободы и четвертый — с обоснованием морали, гуманизма.

В данной статье мы остановимся на анализе первого типа философского мировоззрения, натуралистического, заметив предварительно, что именно он актуализируется в современном мире, приобретающем все более ярко выраженный «языческий» характер: «...не по форме, не по практикуемым в нем реанимированным ритуалам и обрядам, а духовно, мировоззренчески» [\[3, с. 3\]](#). Натуралистическое мировоззрение отличается тем, что кладет в основу размышлений о мире чувственный, эмпирический опыт, а затем, уже абстрагируясь от него, формирует категорию «материи», к которой сводит все многообразие данного опыта. Это «философия жизни чувственного человека», в основе миропонимания которого, как пишет В. Дильтей, — «подчинение воли животным влечениям» [\[2, с. 238\]](#). Сенсуализм здесь выступает в качестве теории познания, а материализм дает метафизическое обоснование. К натурализму мы можем отнести как позитивизм, так и материализм, которые, в свою очередь, делятся на множество направлений и интерпретаций. Но их все объединяет отрижение метафизики, умозрительных начал, ибо их невозможно эмпирически верифицировать. Однако само развитие позитивизма показало, что «протокольными предложениями» невозможно описать всю реальность, и что наука нуждается в неких аксиоматических положениях и категориях, которые она заимствует из философии-метафизики.

О понятии «материя»

Рассмотрим вначале базовое понятие натурализма — понятие материи. Материалисты обычно характеризуют свой тип философствования как научный (в доказательном смысле), однако центральная категория материи, используемая ими, является все же сугубо философской, умозрительной категорией, поскольку ее невозможно воспринять при помощи органов чувств, — видим и осозаем мы только конкретные предметы и

явления. Как она формируется, описывает Г. Гегель в «Науке логики»: «Если абстрагироваться от всех определений, от всякой формы какого-нибудь нечто, то останется неопределенная материя. Материя есть нечто совершенно абстрактное. (Материю нельзя ни видеть, ни осязать и т.д. — то, что видят или осязают, — это уже определенная материя, т.е. единство материи и формы)» [\[4, с. 498\]](#). Дильтей в этой связи отмечает, что натурализм попадает в замкнутый круг: «Он стремится вывести сознание из того, что дано только как феномен сознания» [\[2, с. 239\]](#). Поэтому мы можем констатировать, что материя — такое же метафизическое понятие как «идея», «дух», «Абсолют» и др.; она не обнаруживается и не доказуема научным методом, в нее, как и в Бога, можно только верить. В материализме, порождая все из себя, она выступает в роли demiурга-творца. Так В. Виндельбанд поясняет: «В этом смысле материализм или естественнонаучный монизм такая же метафизика, как платоновское учение об идеях, ибо они тоже ведут речь о всеобщих необходимых определениях сущего» [\[5, с. 280\]](#). Тогда получается, что материализм — это тоже идеализм, но не осознающий свою идеалистичность, слепой, примитивный идеализм. Как пишет отечественный философ А. Ф. Лосев: «...материи, в смысле категории, принадлежит роль совершенно такая же, как и идеи» [\[6, с. 218\]](#). «Материализм основан на господстве отвлеченных функций человеческого рассудка, продукты которого проецируются вовне и в таком абстрактном виде абсолютизируются»; он есть «обезьяна христианства» [\[6, с. 143\]](#). Об этом также пишет К. Г. Юнг: «И вот на Западе развилась новая болезнь — конфликт между наукой и религией. Критическая философия науки стала, так сказать, негативно-метафизической — иными словами, материалистической — на основе ошибочного суждения: материю сочли реальностью, которую можно пощупать и познать. А ведь она — всецело метафизическое понятие, гипостазированное некритическими умами. Материя — это гипотеза. Говоря “материя”, мы фактически создаем символ для чего-то неизвестного, которое с тем же успехом может оказаться “духом” или чем-то еще, быть может даже Богом... [...] В действительности конфликт между наукой и религией обусловлен превратным пониманием обеих. Научный материализм лишь гипостазировал нечто новое, а это интеллектуальный грех. Он дал высшему принципу реальности другое имя и поверил, что тем самым создал нечто новое и разрушил нечто старое. Но как ни называть принцип бытия — Богом, материей, энергией или как-нибудь еще — ничего от этого не возникает, а только меняется символ» [\[7, с. 93-95\]](#). Материалист, по Юнгу, — это «метафизик поневоле» и вопреки своему желанию [\[7, с. 95\]](#).

Материализм правильнее определять не в качестве «научного» мировоззрения, а как «натуралистическую “метафизику”, ибо недоказуемое научно-эмпирически понятие материи кладется в основание всего. Конечно, это псевдо-метафизика, вульгаризированная, и, по сути, к настоящей философии не имеющая отношения, так как из ее центральной категории ничего невозможно вывести. В материю, как и во все ее последующие чудесные миросозиательные функции необходимо просто поверить. «Сущность материалистической метафизики, — пишет В. Дильтей, — в борьбе с религиозными представлениями и с спиритуалистической метафизикой» [\[2, с. 242\]](#). Представители материализма с удивительным постоянством позиционируют себя в качестве мировоззренческих атеистов, однако заметим, что собственно атеистическое мировоззрение невозможно в принципе, хотя многие люди именно так характеризуют свои взгляды. Атеизм — отрицательное понятие (др.-греч. \square «без» + $\thetaεός$ «Бог»), поэтому через него невозможно определить мировоззрение, так как указывать необходимо не то, во что человек не верит, а то, во что он верит. Правильнее будет говорить не об атеистическом, а об атеистически-материалистическом мировоззрении —

в этом случае в самом понятии указывается на положительное содержание, на тот предмет веры, который предлагается вместо отрицаемого Бога.

Сегодня зачастую понятию атеизма, в том числе и в силу его абсурдности (что Бога нет — доказать невозможно, так как для этого необходимо познать всю Вселенную и даже выйти за ее пределы; к тому же, уже необходимо знать то, что отрицается), предпочитают другое и говорят об агностицизме. Определяя себя в качестве агностика, человек хочет сказать этим, что он ни во что не верует в силу отсутствия принципиальной возможности обосновать всякий предмет веры. Однако если подумать, агностицизм так же невозможен в качестве мировоззрения, как и атеизм, ибо всякий человек все же во что-то, да верит: как проницательно сказал Ф. М. Достоевский, если человек отвергнет Бога, то обязательно поклонится идолу. В качестве кандидатов в такие идолы могут выступать: некая личность (тогда возникает «культ личности»), идеология (тоталитаризм, национализм), материальные ценности, даже собственные страсти и чувственные наслаждения. По отношению к Абсолюту все иное будет частным, идолопоклонство же и есть возведение частного в Абсолют, однако мораль и истинный гуманизм не могут иметь своим основанием что-либо частное. Согласно Ф. М. Достоевскому (а в ХХ веке об этом же писали Эрих Фромм, Мирча Элиадэ, Мартин Хайдеггер и многие другие мыслители), все люди верующие, они разнятся только объектом своей веры. То, что в религии называется верой, в философии — метафизикой. Метафизика, как пишет об этом М. Хайдеггер, «принадлежит к "природе человека". Она не есть ни раздел школьной философии, ни область прихотливых интуиций. Метафизика есть основное событие в человеческом бытии. Она и есть само человеческое бытие». А то, что мы называем философией, «есть приведение в движение метафизики, в которой философия приходит к себе самой и к своим настоящим задачам» [\[8, с. 42\]](#).

Сказанное о вере и метафизике легко можно объяснить логически. Сознание человека всегда должно быть заполнено объяснением мира, оно не терпит пустоты. Но объяснить мир только эмпирически и научно невозможно, так как он необозрим (поэтому целостное научное мировоззрение, строго говоря, невозможно). И здесь на выручку приходит философский разум и религиозная вера, которые только и способны на это. Вера входит и в философскую метафизику, является ее основой, ибо любая философская концепция основывается на неких аксиоматических предпосылках, на том, о чем уже нельзя спрашивать. Вот что пишет Аристотель по этому поводу в «Метафизике»: «...невозможны доказательства для всего... Ведь аксиомы обладают наивысшей степенью общности и суть начала всего (997а)» [\[9, с. 103\]](#). И далее: «...но ведь это невежество не знать, для чего следует искать доказательства и для чего не следует (1006а)» [\[9, с. 126\]](#).

Развитие философского и религиозного сознания во всех развитых культурах показывает неизбежность рождения понятия некоего единого умозрительного первоначала, что обнаружилось в «осевое время» — Тянь (Неба), Брахмана-Атмана, архэ, Абсолюта. По Аристотелю, если самосознание человека развивается естественным образом, оно неизбежно приходит к идее Абсолюта (*Нуса*) — единого источника всего. Так у греков философия начинается с поисков первоначала бытия — архэ, которое переводится также как «власть», «господство», «сила». И развитое религиозное сознание, и философия — монистичны: таково требование как логики, так и растущего духовного самосознания человека.

Таким образом, мы выяснили, что материалистическое мировоззрение в своей основе есть тоже «метафизическое», хотя сами материалисты отрицают метафизику, называя свои представления «научными». Г. Гегель пишет: «Основная ошибка научного

эмпиризма состоит всегда в том, что он, пользуясь метафизическими категориями — материя, сила, одно, многое, всеобщность, бесконечность и т.д. — и руководствуясь такими категориями, пользуясь формами умозаключения и исходя из них как из предпосылок, не знает при этом, что он сам содержит в себе метафизику, сам занимается ею; он, таким образом, пользуется этими категориями и их сочетаниями совершенно некритично и бессознательно» [\[10, с. 149\]](#). Устранив указанную терминологическую неадекватность, можно было бы на этом и успокоиться, однако вместе с признанием материализма встают и иные, уже смыслового, философского характера проблемы. По Гегелю, натуралистическое мировоззрение вообще нельзя назвать философским, так как оно не способно ответить на фундаментальные вопросы относительно бытия человека и мира. До постановки духовных вопросов и проблем оно вообще не дорастает, представляя собой мировоззрение обывателя буржуазного общества, общества потребления, которое ориентирует человека на эмпирическое и ограничивает его чувственными удовольствиями. Философия же по своей сути есть идеализм, ибо мыслит она идеями и направлена на постижение метафизической сущности мира. Дух для Гегеля «есть вообще настоящий идеалист»: «Философский идеализм состоит только в том, что конечное не признается истинно сущим. Всякая философия есть по своему существу идеализм или по крайней мере имеет его своим принципом, и вопрос в таком случае заключается лишь в том, насколько этот принцип действительно проведен, философия есть идеализм в той же мере, что и религия, ибо религия так же не признает конечность истинным бытием, чем-то последним, абсолютным или, иначе говоря, чем-то неположенным, несotворенным, вечным. Противопоставление идеалистической философии реалистической не имеет поэтому никакого значения. Философия, которая приписывала бы конечному наличному бытию, как таковому, истинное, последнее, абсолютное бытие, не заслуживала бы названия философии. Первоначала (*Prinzipien*) древних или новых философских учений — вода или материя или атомы — суть мысли, всеобщее, идеальное, а не вещи, как их непосредственно находят в наличии, т.е. вещи в чувственной единичности; даже Фалесова вода не такова; ибо, хотя она также и эмпирическая вода, она в то же время есть “в-себе” или сущность всех других вещей, и эти последние не самостоятельны, не имеют основы внутри себя (*in sich gegrundete*), а положены проистекающими из другого, из воды, т.е. идеальны» [\[4, с. 135-136\]](#). Спор материализма и идеализма Г. Гегель рассматривал диалектически: «...один раз идеальным оказывается конкретное, истинно сущее, другой раз — его моменты равным образом являются идеальным, снятым в нем; на самом же деле есть только конкретное целое, от которого моменты неотделимы» [\[4, с. 136\]](#). Также Гегель диалектически решал проблему соотношения формы и материи: «...материя должна принять форму, а форма должна материализоваться» [\[4, с. 409\]](#).

А. Ф. Лосев подчеркивал, что Демокрит — такой же идеалист, как и Платон, ибо атом тоже идея, тем более философское понятие атома. А. В. Семушкин в этой связи отмечал, что у Демокрита «физический и метафизический миры лежат в одной онтологической плоскости», добавляя, что «атомизм предложил принцип объяснения физических и только физических явлений...» [\[11\]](#), т.е. он отождествлял философскую идею атома с наименьшей неделимой физической частицей, а Платон разводил понятия идеи и вещи, хотя идея и представляет собой ее сущность. Именно в этом, как нам кажется, заключено различие в понимании соотношения идеи и сущего у Платона и Демокрита.

Материализм в решении философских проблем

Показав метафизическую сущность понятия материи, обратимся далее к его

характеристикам. Допустим, мы признали материю в качестве первоосновы бытия, поверили в нее (в то, что за всем многообразием воспринимаемого нами органами чувств сущего лежит некая субстанция, называемая материей), но как из нее вывести сущее? Наиболее логически разработанный, «диалектический материализм» пытается решить эту проблему при помощи диалектики, однако для нее необходимо раздвоение, необходимы парные категории. Материя же в материализме выступает в виде псевдоабсолюта и не терпит рядом ничего иного. Иными словами, она *абсолютизируется*. Выйти из этого затруднения можно, лишь признав материю Творцом, наделив ее демиургическими функциями, волей и разумом — но материалисты как раз все это отрицают. Наверное, поэтому А. Ф. Лосев отмечает, что «“диалектический материализм” есть вопиющая нелепость, полное попрание всякой диалектики и типичнейшая буржуазная абстрактная метафизика»; «особого рода мифология» и «некое специальное догматическое богословие» [\[6, с. 143\]](#). Еще Г. Лейбниц отмечал, что творение мира Богом из ничего — великое чудо, но самоорганизация мира из одной лишь материи — невиданное и немыслимое чудо, чудо из чудес, ибо это абсурдно.

Но пойдем далее и зададим вопрос: *как возможно движение, если невозможна диалектика?* Не объяснив происхождение, источник движения, невозможно построить мир. Материалисты же утверждают, что движение присуще материи. Доказать это невозможно, требуется, опять же, лишь крепко поверить. Р. Декарт в свое время заявлял: дайте мне материю и движение, и я построю из них мир, а И. Кант был еще более радикален, сказав: дайте мне одну материю, и я построю из нее мир — он полагал, что так как материи присуще притяжение и отталкивание, она порождает движение. Однако это все же будет «псевдоответом»; философское мышление ищет конечную причину и ставит вопрос: «Как и почему материи свойственно притяжение и отталкивание?» Г. Гегель с позиций диалектики раскритиковал это положение Канта, по его словам Кант «уже предполагает представление о материи и затем спрашивает, какие требуются силы для того, чтобы получить предположенные определения ее» [\[6, с. 158-159\]](#). «Кант конструировал материю из сил отталкивания и притяжения» [\[6, с. 158\]](#), а не выводил диалектически. «Эта точка зрения видит лишь обычную механику, а не имманентное и свободное движение» [\[4, с. 160\]](#), — заключает Гегель.

Ставя вопрос об источнике движения сущего, сама логика развития истории философии вынудила прийти к разделению на материальную (пассивную) и деятельную (активную) причины. Необходимо или вынести источник движения за пределы самой материи (поскольку: «Материя, то что определено как безразличное, есть пассивное в противоположность форме как тому, что деятельно...» [\[4, с. 409\]](#)), или же признать ее саму духовным существом, и тогда опять же в самой материи уже необходимо будет выявить пассивное и активное начало, «душу и тело».

Досократовская натурфилософия мыслила материю гилозистически. Так у Фалеса «все одушевлено и полно демонов» [\[12, с. 270\]](#), его вода — живая: на данной стадии натурфилософия мыслила еще «анимистически», не разделяя органическое и неорганическое. А. В. Семушкин пишет: «...ионийская натурфилософия по своей конкретно-исторической форме гилозистична» [\[13, с. 390\]](#), поэтому и сам вопрос об источнике движения в ней снимается. Живое существо само движет собой, так как у него есть душа — активное двигательное начало, и тело — пассивное. Вместе они — «гилозистическая материя» (хотя это высказывание тавтологично). В связи с этим, по оценке Аристотеля, вопрос «о движении, откуда или каким образом оно у существующего», ионийские философы «легкомысленно обошли» [\[9, с. 75\]](#).

Но уже у Демокрита гилозиистическо-мифологические представления перестают работать, единство духовного и материального распадается. Демокриту теперь необходимо было указать источник и причину движения атомов, однако он терпит фиаско: по сохранившимся высказываниям, он не дает ответа на этот вопрос. Единственная фраза, которая говорит об этом в изложении Симплиция — атомы «трясутся во всех направлениях» [\[12, с. 329\]](#); но что их «трясет» — не поясняется. Пустота же сама по себе не может быть источником движения, — для этого необходима гравитация, наличие которой тоже требует объяснения. Должно быть, это душа, как в гилозиизме, но атомизм уже не гилозиизм, требуется иное объяснение. Атомистика фактически засвидетельствовала кризис в античном мышлении, характеризующийся переходным моментом от натурфилософского гилозиистического монизма к Платоно-Аристотелевскому дуализму. Поэтому Демокрит не смог ни решить проблемы источника движения, ни, соответственно, объяснить начальный этап космогенеза, ни связать свою космологию со своей же замечательной этикой (она стоит у него особняком), так как атомистическая антропология бездуховна [\[14\]](#). Обычно философию Демокрита определяют как материалистическую, с чем, например, А. Ф. Лосев категорически не согласен. Он поясняет, что «атомисты выступали против религии, но не против богов, которые у них тоже состоят из атомов. Они не атеисты, а деисты» [\[15, с. 475\]](#); «Демокрит никакого отношения к материализму не имеет» [\[16, с. 7\]](#), так как атом представляет собой также идею, но мыслимую как мельчайший неделимый элемент бытия.

Новый путь открылся в последующем развитии античной философии: от Анаксагора, выделившего *Нус* и гомеомерии, к Платону (идея и вещь) и Аристотелю (форма и вещь). Отметим в этой связи, что ни один философ не отрицал категорию материи — без нее невозможно построить систему мира — однако данные философы-«идеалисты» не мыслили ее как Абсолют, подменяющий все иное. Она — «кормилица» у Платона и гносеологическое «ничто» у Аристотеля. По Гегелю материя — «лишенное формы тождество», «лишенное формы неопределенное», иное формы, ее субстрат [\[4, с. 408\]](#). Как поясняет Лейбниц, «материя есть нечто чисто пассивное... поэтому необходимо допустить нечто помимо материи, что было бы началом...». Это нечто у философа есть душа, и «это начало, будучи активным, в соединении с пассивным, составляет полную субстанцию» [\[17, с. 383-384\]](#). Повсюду в материи, по Лейбничу, «рассеяны первичные энтелекии», души. Полная субстанция и есть монада — так Лейбниц разрешал проблему единства духовного и материального.

Кроме неразрешимости проблемы определения источника движения, из материалистического мировоззрения невозможно вывести сознание и понять духовную жизнь человека; из него не выводима мораль, однако возможно оправдание аморализма. Это связано с невозможностью обосновать свободу. В. Дильтей пишет, что «при материалистическом понимании нет места для восприятия мира с точки зрения ценности и цели» [\[2, с. 242-243\]](#). Материалисты любят Демокрита, отталкиваются от него, но у древнегреческого философа все детерминировано и свобода, даже случай напрочь отрицаются. В Древней Греции такое еще могло быть отчасти принято, в силу языческого понятия неумолимой судьбы, перешедшего в философию, но в мире европейском, христианском, знакомом с понятием свободы, детерминизм никак не может быть принят.

Если признать материю и поверить в то, что она развивается, является источником движения, сознания и т.д., то она будет уже являться «богом», если точнее — идолом. Как поясняет А. Ф. Лосев, «в «эмпиризме» как таковом ровно нет никакой абсолютной доказательности. Нужно поверить в эмпиризм — вот в чем все дело. Но это и значит, что

европейский эмпиризм есть самая обыкновенная мифология» [\[6, с. 471\]](#). Таким образом, материализм признает «богом» исключительно материю, отрицая другие учения об Абсолюте. В итоге исторически так получилось, что материалистическое учение, реализовавшись в обществе в виде марксистско-ленинской идеологии, превратилось в «научную» псевдорелигию — марксизм-ленинизм. Однако мифология не стоит на месте, она «развивается» и в современном мире приобрела форму «либеральной демократии» — светской политической псевдорелигии (в интерпретации, например, «конца истории» Фрэнсисом Фукуямой). Идолы меняются, но суть поклонения остается прежней. Когда устраняется метафизический Абсолют, остается земная вера в построение Царства Божия на Земле, выражаясь в различных формах богочеловеческого хилиазма, который неизбежно ведет к насилию, так как реализация любой утопии требует жертв.

Заключение

Таким образом, вера и метафизика являются неизбежными в онтологическом, гносеологическом, аксиологическом и иных смыслах. Поэтому от завуалированной «материалистической метафизики» необходимо перейти к явным метафизическим концепциям, действительно пытающимся решить кардинальные философские проблемы: бытия (первоначала) всего сущего, источника движения, теодицеи, свободы и морали. Макс Шелер в работе «Философское мировоззрение» следующим образом формулирует сказанное: «У человека нет выбора — формировать или не формировать у себя метафизическую идею... человек всегда необходимо имеет такого рода идею и такое чувство. Выбор у него только в том, иметь ли ему хорошую и разумную или плохую и противную разуму идею абсолютного. Но иметь сферу абсолютного бытия перед своим мыслящим сознанием — это принадлежит сущности человека... Человек может заполнить эту сферу абсолютно сущего и высшего добра, сам того не замечая, конечными вещами и благами... Это — фетишизм и идолопоклонничество. [...] И если суждено человеку выйти из этого душевного состояния, он обязан научиться двум вещам. Он должен, во-первых, посредством самоанализа осознать своего “идола”, занявшего у него место абсолютного бытия и добра; а во-вторых, он должен разбить вдребезги этого идола, т.е. вернуть эту чрезмерно обожаемую вещь на ее *относительное* место в конечном мире. Тогда сфера абсолютного вновь появляется — и тогда только состояние духа человека позволяет ему самостоятельно философствовать об абсолютном» [\[18, с. 4-5\]](#).

Натуралистическое мировоззрение не признает Абсолюта, тем не менее, пытается представить субстанцию в виде материи. Но логика развития мышления не может остановиться на таком представлении в силу выше обозначенных причин. Развивающееся мышление с необходимостью приходит к понятию единого и абсолютного, исходя из которого можно было бы ответить на основные философские вопросы. Учение об умозрительном абсолютном можно определить как метафизику, ибо Единое по определению не может быть сведено к сущему, — так или иначе оно носит сверхсущий характер. Но понимание сверхсущего тоже может быть представлено по-разному, исторически оно выражалось в пантеистическом и трансцендентном типах философского мировоззрения, которые требуют отдельного анализа.

Библиография

1. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Что такое метафизика? М.: Академический Проект, 2007. С. 80-171.
2. Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: Антология. М.: Юрист, 1995. С. 213-255.

3. Лагунов А. А. Мировоззренческая инволюция: причины, последствия и перспективы. М.: ИНФРА-М, 2022. 195 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. СПб.: Наука, 1997. 780 с.
5. Виндельбанд В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. Т. 1. Введение в науки о духе. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 271-709.
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Изд-во «Мысль», 2001. 558 с.
7. Юнг К. Г. О психологии восточных религий и философий. Составитель В. Бакусев. М.: МЕДИУМ, 1994. 256 с.
8. Хайдеггер М. Что такое метафизика // Что такое метафизика? М.: Академический Проект, 2007. С. 24-43.
9. Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырех томах. Т. 1. Ред. В. Ф. Асмус. М.: Мысль, 1975. С. 63-368.
10. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. М.: «Мысль», 1974. 452 с.
11. Рукопись рецензии А. В. Семушкина на книгу П. П. Гайденко «Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ (М.: Наука, 1980. 566 с.).
12. Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 1. Ч. 1. М.: Мысль, 1969. 936 с.
13. Семушкин А. В. От античности к средневековью // Избранные сочинения: В 2-х тт. Т. II. М.: Изд-во РУДН, 2009. С. 385-398.
14. Нижников С. А. Проблемность атомистической метафизики // Метафизика. Научный журнал. 2019, 3 (33). С. 42-52.
15. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.
16. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
17. Лейбниц Г. В. Материя, взятая в себе // Сочинения: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С. 383-387.
18. Шелер М. Философское мировоззрение // Избранные произведения. М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 3-14.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматривается проблема типологии мировоззрений и характеризуется один из трёх типов (по классификации автора) мировоззрения. Указанная тема вряд ли может быть признана «актуальной», если под последним понимать недостаточность внимания к ней исследователей, малое количество публикаций, отсутствие научных дискуссий, и т.п. Наоборот, речь идёт об одной из самых обсуждаемых философских тем, во всяком случае, с начала прошлого века количество публикаций по философско-мировоззренческой проблематике резко выросло, и до сих пор интерес к ней исследователей не угасает. В этом случае «актуальность» должна связываться с новизной, оригинальностью, содержательностью представленных в статье взглядов, и от оценки этих сторон изложения и может только зависеть принимаемое решение. Знакомство же с текстом, на взгляд рецензента, не открывает оснований, которые могли бы побуждать рекомендовать его к печати. Остановимся только на тех его составляющих, которые в наибольшей степени разочаровывают и вызывают сомнения в целесообразности его публикации. Неудачным

является уже название: оно громоздкое («двусоставное»), и у читателя не может не возникнуть подозрения, что предоставленный материал является не реализацией оригинального замысла (а ведь именно это мы и ценим больше всего в статьях по философии), а результатом «деления» какого-то более обширного материала, который по жанру и стилю не задумывался в качестве научной статьи. К сожалению, последующее чтение только подтверждает это подозрение, поскольку стиль статьи не отражает процесса осмысливания какой-то проблемы и поиска её решения, а соответствует, скорее, системно-аналитическому характеру изложения, с которым мы часто сталкиваемся на «обобщающих» лекциях. В статье нет ни сюжета, ни живой полемики, автор «размеренно» излагает то, что ему давно известно, и в чём он ничуть не сомневается. Неудачно и начало статьи. Мировоззрение как «специфический признак», отделяющий человека от животного? Не слишком ли частный это признак? И зачем в статье на такую тему потребовались животные? Странно, но автор вообще не даёт сколь либо ясного определения понятия мировоззрения, то, что он говорит об этом во введении, трудно признать определением («мировоззрение, ... объясняя мир и положение человека в нем, ориентирует его на определенное поведение, и т.п.»). Часто по тексту статьи кажется, что автор говорит не о «типах философского мировоззрения», а о философских направлениях, а есть ли различия между ними? Если нет, то зачем тогда «мировоззрение»? (Для широкого круга читателей было бы интересно воспроизвести и историю возникновения этого понятия.) Наконец, основную часть текста составляет полемика с «материализмом», но что это за материализм? Можно ли назвать тех мыслителей, которых автор выбирает себе в «соперники» и затем без труда расправляется с ними, самыми сильными представителями того направления в философии, с которыми он решил сразиться? Странно, но в библиографии нет ни «Немецкой идеологии», ни «Людвига Фейербаха», ни «Материализма и эмпириокритицизма»... Нет ни одного упоминания о нескольких поколениях советских философов (неужели уже забыты их имена?). Да и литература историко-философского плана представлена весьма неравномерно, нет, например, современных публикаций на иностранных языках. Неудивительно, что и заключение, в которым следовало бы представить выводы, выглядит бледным и бессодержательным, более половины его объёма занимает обширная и не слишком интересная цитата. К сожалению, приходится констатировать, что представленный материал не вносит ничего нового в известные представления о «натуралистическом» мировоззрении, рекомендую его отклонить.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

В научной статье «Типология философских мировоззрений. Проблемы натуралистического мировоззрения», представленной автором в журнал «Философская мысль», дается анализ различных философских позиций или как называет их автор – мировоззрений. Предметом исследования заявлено материалистическое (натуралистическое) мировоззрение. О других типах автор упоминает вскользь (чаще он пишет об идеализме), в тех случаях, когда необходимо их противопоставить или сравнить. Опираясь на «онто-метафизические установки» автором выделяются такие разновидности философского мировоззрения как: натуралистическое, пантеистическое и трансцендентное (куда исчезает идеализм?). В выводах подчеркивается, что они

требуют отдельного анализа, это, несомненно, вызывает интерес. Как подчеркивает в своей работе автор, в перспективе целью его исследования будет установление и рассмотрение типологии всех выше перечисленных философских мировоззрений.

Актуальность поднимаемых автором статьи вопросов вполне очевидна, поскольку статус философии в современном мире меняется и требует всестороннего анализа и серьезного переосмысливания. Философское мышление, как правило, подразумевает ценностный подход, а современные цивилизационные сдвиги буквально заставляют нас пересматривать большинство вопросов через призму антропологического центрирования, где все еще важным остается поиск человеком смысла. Является ли философия наукой и что из этого следует в таком случае? И можно ли считать философию мировоззрением, имеющим свою специфику? Учитывая, что большинство учебников по философии для вузов все еще продолжают воспроизводить одни и те же стереотипные утверждения относительно взаимосвязи понятий мировоззрения и философии, то вопрос поднимаемый автором видится мне очень актуальным (даже принципиальным, если речь заходит о единой программе обучения). Восприятие философии в современном мире носит неоднозначный характер и поэтому любое обсуждение в профессиональном сообществе предназначения философии, ее ангажированности в социальном и политическом плане, уже является своевременным и даже необходимым.

Автор обеспокоен тем, что натуралистическое мировоззрение актуализируется в современном мире, «приобретая все более ярко выраженный «языческий» характер». Данное утверждение, конечно, выводимо из реалий нашего общества, но в тоже время требует пояснения, поскольку, на мой взгляд, довольно сложно ухватить какие-либо долгосрочные доминирующие тенденции в быстро меняющемся постинформационном мире.

К новизне исследования можно отнести саму постановку вопроса о принципиальной допустимости существования материалистического (натуралистического) мировоззрения как доказанного или даже научного. Автор пытается нам показать, что само понятие материи является неотъемлемой частью метафизики, более того определение материи как абсолюта только и возможно, поскольку она не терпит другого источника вне себя или наряду. Выводы, очевидно, перетекают в плоскость морально-этических суждений. Если все есть материя, то нет в жизни человека места духовности как первоисточника (блага), а значит, нет и высшей ценности и т.д. Таким образом, мораль может быть оправдана только в рамках вполне прагматических (лучше идеологических) догм и принципов. Религиозная позиция в этом вопросе более честна, поскольку изначально опирается на веру, предлагая нам самим делать вывод о необходимости или излишестве любых рассудочных доказательств, не имеющих принципиального значения для человека истинно верующего.

Мировоззрение автор связывает со свободой, которая и определяет собственно человеческое существование. Поэтому закономерно автор задает следующий вопрос: «А что определяет само мировоззрение?» Наряду с философским, религиозным, научным и обыденным автор выделяет еще и суеверное мировоззрение. Жаль, что он никак не поясняет свою классификацию. В статье специально указано: «Не будем вдаваться в пояснение каждой из этих форм...». На мой взгляд, это достаточно важный вопрос, который затрагивает содержательные элементы мировоззрения.

Главное достоинство данной статьи в том, что она оставляет желание дискутировать практически по каждой позиции автора и возникает потребность познакомиться с его дальнейшими работами, увидеть как будет реализована задуманная автором идея типологии философских мировоззрений.

Методология исследования самим автором специально не обозначена, но очевидно, что

автор не опирается на историко-генетический метод в изложении своих идей. Работа выглядит сложно структурированной, поскольку автор обращается к разным источникам и легко следует от Гегеля к Демокриту и наоборот. Анализ представленной типологии мировоззрений предлагается рассматривать, отталкиваясь от качества их ответов на кардинальные мировоззренческие вопросы. В статье большей частью – это Абсолют, остальные вопросы видимо будут представлены в последующих работах.

В статье автор обращается к известным источникам, опираясь на идеи античных мыслителей, Лейбница, Гегеля, Дильтея, Лосева, Хайдеггера и др. Однако очень не хватило современных дискуссий по данному вопросу. Надеюсь, на внимание автора в дальнейших своих исследованиях не только к авторитетам прошлого, но и к современным мыслителям. На мой взгляд, интересно было бы в концептуальном ключе обратиться к работам отечественных мыслителей, начиная с критики материализма религиозными философами конца XIX начала XX века, и затем затронуть подробнее советский период в лице М. Мамардашвили и других не менее известных философов.

Есть и другие вопросы к автору, например, не совсем понятно, почему он с такой легкостью отождествляет понятия «материализм», «научный эмпиризм», «натурализм» и «реалистическую позицию». Видимо здесь требуется пояснение по каждому конкретному упоминанию в том или ином контексте.

Название статьи соответствует содержанию.

Выводы изложены лаконично, но вполне содержательно.

Библиография отражает исследовательский материал. По тексту сделаны необходимые ссылки.

Характер и стиль изложения материала соответствуют основным требованиям, предъявляемым к научным изданиям такого рода.

Данная тема, на мой взгляд, имеет хорошие перспективы, носит дискуссионный характер и может быть интересна для широкого круга аудитории. Статья может быть рекомендована к публикации.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Звонова Е.Е. Детерминистические представления о человеке в философских работах А.Л. Чижевского: научный и религиозный аспекты // Философская мысль. 2024. № 1. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.1.69505 EDN: IZCAWI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69505

Детерминистические представления о человеке в философских работах А.Л. Чижевского: научный и религиозный аспекты

Звонова Екатерина Евгеньевна

ORCID: 0000-0001-6397-5268

кандидат философских наук

доцент, кафедра гуманитарных наук, Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет); старший научный сотрудник, Центр исследований космизма, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН)

119048, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Трубецкая, 8, стр. 2

✉ farfelushka@yandex.ru[Статья из рубрики "Философия науки"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2024.1.69505

EDN:

IZCAWI

Дата направления статьи в редакцию:

06-01-2024

Аннотация: Предметом исследования являются научный и религиозный аспекты антропологического детерминизма философских трудов А.Л. Чижевского, объектом – детерминистические воззрения космиста на человека. Автор подробно рассматривает «диалектический», совместимый со свободой человеческой воли антропологический детерминизм «Основного начала мироздания» и грубо детерминистический подход к человеку «Электронной теории и генезиса форм». Особое внимание уделяется изучению вопроса, касающегося правомерности обеих разновидностей детерминистических воззрений в контексте глобального эволюционизма, а также христианства и ведантистских представлений о «космической игре», соотнесенных с феноменом космического сознания. Цель работы – экспликация вопроса об особенностях соотношения научной и религиозной картин мира в русском космизме, базируясь на

которой можно выделить основания для продуктивного диалога науки и религии.

Использованы следующие методы: анализ текстовых источников (включая рукописи фонда 1703 Архива Академии Наук Российской Федерации), компараторный анализ, анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, исторический метод. Научная новизна статьи заключается в выявлении двух разновидностей антропологического детерминизма, характеризующих философские работы А.Л. Чижевского, и исследовании вопроса об их соответствии научным и религиозным взглядам. Основными выводами проведенного исследования являются следующие суждения: 1) «диалектический» антропологический детерминизм представляется правомерным, в отличие грубо детерминистического подхода к человеку; 2) оценка соответствия двух означенных разновидностей антропологического детерминизма научным и религиозным взглядам позволяет сделать одно и то же заключение об их правомерности. Похожее видение сложного явления в научном и религиозном дискурсах свидетельствует о наличии точек соприкосновения между ними. Сходство и различие науки и религии должны стать основой для решения актуальной проблемы построения конструктивного диалога между этими формами человеческой культуры.

Ключевые слова:

Александр Леонидович Чижевский, детерминизм, свобода воли, человек, эволюция, наука, религия, антропный принцип, синергетика, космическое сознание

Введение

Предмет данной статьи составляют научный и религиозный аспекты антропологического детерминизма выдающего мыслителя-космиста А.Л. Чижевского, отраженного в его философских трудах, объектом являются детерминистические взгляды ученого на человека [\[1\]](#).

Прежде чем перейти к основному содержанию работы, приведем дефиницию детерминизма и поясним причину, побудившие нас сделать это, хотя, казалось бы, соответствующее понятие и относится к азам философского образования.

Вполне правомерным представляется определение, данное Ю.В. Сачковым в «Новой философской энциклопедии»: «**Детерминизм** (от лат. determino – определяю) – общее учение о взаимосвязи и взаимообусловленности явлений и процессов реальности. Представления о детерминизме входят в структуру научного метода – они нацеливают исследование на анализ и раскрытие условий, причин и закономерностей, любых изменений в природе, обществе и мышлении. Основу детерминизма составляют концепции причинности и закономерностей»[\[2\]](#). Когда мы будем далее говорить об антропологическом детерминизме А.Л. Чижевского, речь будет идти о релевантном приведенному определению феномене применительно к человеку; по сути наше понимание детерминизма не противоречит «традиционному».

Однако без уточнения того, что подразумевается под детерминистическими взглядами, у читателя могли бы возникнуть сомнения в «традиционности» и даже уместности употребления термина «детерминизм» и производных от него при характеристике взглядов мыслителя. Как станет ясно из дальнейшего содержания статьи, антропологический детерминизм А.Л. Чижевского не просто сочетается с убежденностью в гармоничном устройстве мира и холистическими представлениями о реальности, но

коррелирует с ними, неотделим от них, поэтому зачастую «необязательные» для описания «детерминизма вообще» категории используются при раскрытии содержания детерминистических взглядов ученого на человека; соответственно, может возникнуть впечатление, будто мы подменяем понятие детерминизма понятиями гармонии или холизма. С нашей точки зрения, более справедливо было бы говорить не о подмене понятий, а об ограничении, конкретизации понятия детерминизма, о гармоническом и холистическом антропологическом детерминизме. Но конкретные разновидности детерминизма подпадают под его общее понятие, поэтому могут быть обозначены соответствующим термином.

Цель настоящего исследования – прояснение более глобального вопроса об особенностях соотношения научной и религиозной картин мира в русском космизме. На основании подобной экспликации представляется возможным выделить основания для продуктивного диалога науки и религии, поскольку русский космизм показывает, как эти сферы человеческой культуры могут не просто «мирно» сосуществовать, но и взаимно обогащать друг друга. При этом сложившийся в результате ряда исторических факторов миф о противостоянии научного и религиозного мировоззрений и связанных с ними философско-антропологических представлений до сих пор транслируется, что имеет ряд негативных последствий [\[3\]](#). Сказанное обуславливает актуальность данной статьи.

Научную новизну исследования составляет выявление двух разновидностей антропологического детерминизма, встречающихся в философских трудах А. Л. Чижевского, и рассмотрение вопроса об их соответствии научным и религиозным воззрениям.

Методология

При написании работы использовались следующие методы: анализ текстовых источников (включая рукописи фонда 1703 Архива Академии Наук Российской Федерации), компаративный анализ, анализ, синтез, обобщение, индукция и дедукция, исторический метод.

Результаты

Для начала обозначим детерминистические взгляды на человека, отраженные в философских работах А. Л. Чижевского [\[4\]](#), затем постараемся раскрыть соответствующие теме исследования аспекты этих воззрений.

До настоящего времени сохранились два труда ученого по философии – «Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы» [\[5, 6\]](#) и «Электронная теория и генезис форм. Проблема» (Архив РАН. 1703. Оп. 1. Д. 2. 224 л.). Оба они написаны в период с 1920 по 1921 год.

В «Основном начале» автор пытается выявить «общий фон», т.е. общий картины реальности, причем эти попытки отсылают к проблематике, связанной с детерминизмом и случайностью: «Хаос или гармония царствуют в мире – вот вопрос, который требует прежде всего определенного ответа. Управляют ли вселенной законы хаоса или случая, или ей присуща только гармония и закономерность? Или же и то и другое проявляется вместе и, как хаос, так и гармония имеют одинаковое право на их признание?» [\[5, с. 106\]](#)

Проблема, обозначенная А. Л. Чижевским, решается им в гармоническом и детерминистическом ключе. Он признает единым физическим началом мироздания электричество, а воздействующей на него, «оформляющей» первопричиной – *principium*

universale circulationis, всеобщий принцип кругообращения, проявлениями которого являются симметрия и ритм. По сути гармония и детерминизм выступают не вполне отделыми друг от друга следствиями «оформления», упорядочивающего реальность принципа: порядок обуславливает гармонию, и наличие причинно-следственных связей, законов вытекает из гармонической упорядоченности мира: недаром сам А.Л. Чижевский представляет «гармонию и закономерность» в качестве противоположности «хаосу или случаю».

Здесь приходят на ум многочисленные ассоциации с метафизическими представлениями древних греков, прежде всего, философов милетской школы, платоников и пифагорейцев (характерно, что закон мира А. Л. Чижевский называет «математическистичным») и вообще сторонников единого «оформительного», детерминирующего реальность принципа (Нуса, Логоса и т.п.). Замечателен в этом смысле также сам циклический характер общего закона – для античных мыслителей была характерна круговая модель времени. Ученый дает второе дыхание проблеме поиска первоначала и на новом уровне воспроизводит интуицию древнегреческих философов о том, что хаос становится космосом благодаря упорядочиванию, оформлению, детерминации. В этом контексте справедливым представляется суждение М. Л. Захарова: «С позиций стихийной натуралистической диалектики А. Л. Чижевского возникновение порядка из хаоса есть переход от сверхсложного порядка, законов которого наука еще не знает, к состоянию, закономерности которого уже постигнуты» [\[7, с.73\]](#).

Что касается непосредственно философско-антропологических взглядов мыслителя, отраженных в «Основном начале», их детерминистический характер связан с его холистическими представлениями о реальности. По мнению А.Л. Чижевского, человек не отделен от мира как автономная, «самозаконная» часть, но подчиняется общему для всей реальности принципу кругообращения, определяющему его посредством ритма и симметрии. Мыслитель приводит множество примеров, подтверждающих данную точку зрения (симметрия строения человеческого тела, ритмы физиологических и психических явлений, творческой жизни).

Разделяя идею единства онто- и филогенеза, ученый «подчиняет» универсальному принципу кругообращения не только отдельных представителей человеческого рода, но и сам этот род, и человечество. По мнению А.Л. Чижевского, развитие человечества ритмично, хотя повторение периодов не предполагает повторение одних и тех же событий в неизменном виде и может сочетаться с совершенствованием человечества. Говоря об эволюции человеческого рода, мыслитель склоняется к логике движения «по спирали», пытаясь объединить принцип Палигенезиса и упования на прогресс, хотя и не решается с уверенностью судить о будущем, которое наступит после завершения предполагаемого большого цикла.

Ключевая для русского космизма идея активной, направляемой человеческим разумом и волей эволюции, не развивается в «Основном начале мироздания» сколь-либо глубоко и последовательно. Тем не менее, ряд фрагментов (например, о сущностном значении человеческого разума, созданного природой для познания, о возможности восходящего развития человечества, несмотря на *principium universale circulationis*) позволяют утверждать, что А. Л. Чижевскому были близки активно-эволюционные воззрения.

В свете сказанного антропологический детерминизм ученого предстает не столь однозначным, более проблематичным, а потому более интересным. Если природа детерминирует развитие человека таким образом, чтобы он стал достаточно разумным для «расшифровки» детерминирующей программы и ее «переписывания», для

«переопределения» определяющего его природного порядка, то хотя детерминистический принцип имеет непосредственное отношение к человеческой сущности, заданной возможностью его преодоления и «обратной» детерминации, тотальный детерминизм оборачивается возможностью тотальной свободы. Парадоксальным образом метафизическая оптика А. Л. Чижевского, стремившегося рассматривать человеческое существо в качестве проявления безличного объективного порядка, объекта, «феномена», смыкается с подходом, который характерен для представителей экзистенциальной философии и психологии, обращающих внимание на «выпадение» человека из общего строя мира, на его «ноуменальность».

В «Электронной теории и генезисе форм» ученый исследует возникновение форм естества (преимущественно кристаллов) на основе электрического субстрата, сводя явления природы к движению электронов и их взаимодействию. Как и в «Основном начале», А.Л. Чижевский придерживается детерминистического мировоззрения, развивает идеи Палигенезиса, уделяет большое внимание симметрии. Принципиально же новым сюжетом, представляющим интерес для понимания антропологического детерминизма мыслителя, являются его взгляды на развитие вида *Homo sapiens*.

Так, А.Л. Чижевский пишет: «Основываясь на формуле Геккеля: онтогенезис повторяет филогенезис и дополнив ее другой формулой: старость и конец человека доказывает грядущую старость и вымирание человечества, мы придем к тому заключению, что и человечество, как в отдельных своих индивидах, так и в целом не составляет исключения из общего закона, которому, по-видимому, подчинены все мировые процессы» (Архив РАН 1703. Оп. 1. Д. 2. Л. 166). Ученый опасается не только гибели человечества, но и его вырождения.

При этом любопытно, что общечеловеческая «деменция» и смерть в «Электронной теории» обосновываются не только с помощью закона Геккеля, но и посредством принципа кругообращения, который в «Основном начале» сочетается с идеей восходящего развития *Homo sapiens* и обеспечивает бессмертие циклически обновляющегося космоса. Очевидно, по мнению А. Л. Чижевского, логика кругового процесса означает возвращение к начальной точке – небытию, причем возвращение с повторением фаз малого «отстояния» от данной точки.

Поскольку ученый сводит естественные явления, в частности, эволюцию, к изменению электронных конфигураций, а законы природы полагает нерушимыми, он вынужден признать «бесплодными» и «губительными» «попытки тех, которые полагают, что под влиянием внешних физических или моральных факторов человечество может сделать несколько шагов вперед» (Архив РАН 1703. Оп. 1. Д. 2. Л. 165).

Таким образом, особенности представлений А. Л. Чижевского о перспективах развития человеческого рода связаны со спецификой его антропологического детерминизма. В «Электронной теории» детерминистический взгляд на человека выражен более последовательно.

Впрочем, создается впечатление, что мыслитель испытывает колебания по поводу будущего человечества, поскольку, придерживаясь мнения о действии на людей единого закона, он предполагает различные пути развития для разных их общностей. А. Л. Чижевский пишет: «Что касается человечества, то в этом отношении оно может быть разделено на три части. К первой из них самой обширной принадлежит тип совершенствующийся – эволюционирующий вперед, ко второй – тип, сохраняющий равновесие, пребывающий *in status quo*, к третьему типу, сравнительно пока

малочисленному следует отнести тип вырождающийся» (Архив РАН 1703. Оп. 1. Д. 2. Л. 166).

Ученый допускает расистские суждения в связи с «вырождающимся типом» (соответствующие взгляды можно обнаружить и в «Основном начале», однако они не играют там сколь-либо значительной роли, поэтому не отмечены нами особо).

Вариант «дифференцированного» развития человечества также соотносится с антропологическим детерминизмом мыслителя. Являясь представителем классического типа научной рациональности, А.Л. Чижевский пытался не только исключить субъективность, человеческий фактор из научного познания, но и во имя создания науки о человеке лишить такового субъектности, объективировать его, «поймать в паутину детерминизма». Ради этого ученый готов пожертвовать не только свободой воли, но и «правами» нравственного порядка, которые являются по сути следствием признания «метафизического догмата о свободе воли» [\[8, с. 6\]](#): расистские заблуждения А. Л. Чижевского, по-видимому, обусловлены убежденностью в жесткой детерминированности человека «объективными» факторами (например, окружающей средой и биологической природой) и стремлением «онаучить» его.

Впрочем, антропологический детерминизм мыслителя не предполагает тотального пессимизма: он возлагает большие надежды на тех, кто принадлежит к эволюционирующему типу, на «наследующих Землю», «которым надлежит, покидая человеческую природу, перейти на новую ступень общеземной органической эволюции и трансформироваться в подлинного novo или сверхчеловека, который будет настолько же удален от нас, как мы от обезьяны» (Архив РАН 1703. Оп. 1. Д. 2. Л. 171).

Кратко рассмотрев детерминистские представления о человеке, отраженные в философских трудах А. Л. Чижевского, перейдем к раскрытию их научного и религиозного аспектов.

Научный аспект антропологического детерминизма мыслителя целесообразно рассматривать сквозь призму глобального эволюционизма – парадигмы, претендующей на роль фундамента современной научной картины мира и сформировавшейся под влиянием теории нестационарной Вселенной, синергетики и теории биологической эволюции, дополненной развитыми в рамках русского космизма концептами биосферы и ноосферы. Именно эволюционные взгляды и системный подход к реальности, предполагающий определенное понимание феномена детерминизма, характеризуют как космизм, так и глобальный эволюционизм.

По причине очевидности сразу отметим, что с развитым благодаря осмыслению теории биологической эволюции концептом ноосферы, являющейся надстройкой над биосферой, согласуется «диалектический» вариант детерминистических взглядов А. Л. Чижевского на человека, отраженный в «Основном начале мироздания», и перейдем к анализу антропологического детерминизма ученого в связи с представлениями о развитии Вселенной и синергетикой.

Распространение эволюционной точки зрения на Вселенную позволило сформировать учение о ее расширении; с 80-х годов ХХ столетия идеи космической эволюции разрабатываются в рамках теории раздувающейся Вселенной, побуждающей к принятию глобальной неоднородности и неизотропности реальности, которая разделена на «мини-вселенные», локально однородные и изотропные участки, способные отличаться по ряду показателей. Подобное переосмысление устройства мира позволило иначе взглянуть и на человеческий феномен.

Так, у человека, с одной стороны, появился повод чувствовать себя заброшенным без своей на то воли даже не во Вселенную, а в одну из множества вселенных. С другой стороны, в большинстве «мини-вселенных» высокоорганизованная жизнь невозможна, и наше существование предстает как своего рода «обыкновенное чудо», чудо, обусловленное естественными причинами, самим устройством физической реальности. Из размышлений над тем, «почему есть нечто, а не ничто», как сказал бы М. Мамардашвили, причем нечто очень сложное, на возникновение чего фактически «сработал» весь мир, рождается знаменитый антропный принцип [\[9, 10\]](#).

Б. Картером [\[11, 12\]](#) предложены «слабая» и «сильная» версии антропного принципа. Первая заключается в том, что во Вселенной можно встретить разные значения мировых констант, но более вероятно наблюдение вполне определенных значений, поскольку именно в характеризуемых ими областях реальности с максимальной вероятностью имеются наблюдатели. Согласно «сильной» версии антропного принципа, Вселенная должна обладать свойствами, которые способствуют появлению и развитию разумной жизни. Очевидно, антропный принцип согласуется с космистскими представлениями об активной эволюции, особенно если речь идет о его «сильной» формулировке.

Эволюционные воззрения современной науки и антропный принцип позволяют дать определенную оценку рассмотренным выше детерминистическим воззрениям А. Л. Чижевского на человека. Они подтверждают правомерность разновидности антропологического детерминизма, представленной в «Основном начале мироздания», поскольку мы можем наблюдать описанную ранее диалектику тотальной обусловленности человеческого существа причинно-следственными связями и его абсолютной свободы. При этом грубо детерминистический подход к человеку «Электронной теории и генезиса форм» оказывается несостоятельным.

Так, возникновение и развитие человеческого рода предопределено эволюцией Вселенной, но и Вселенная обусловлена наличием разумного наблюдателя. В контексте принципа активной эволюции это правомерно интерпретировать следующим образом: реальность свободно отдает детерминированному ей человеку свободную волю, чтобы он мог детерминировать действительность для ее же блага, а не для возвышения над ней. Современные взгляды на космическую эволюцию дают равные основания говорить и о том, что Вселенная и человек обладают свободой, и о том, что они детерминированы друг другом.

Достижения синергетики, «заточенной» под изучение эволюции и коэволюции сложных систем, позволяют прийти к аналогичным выводам о степени соответствия действительности различных версий антропологического детерминизма, представленных в философских трудах А. Л. Чижевского, а также устраниют мнимые противоречия, обусловившие ошибки мыслителя.

Детерминистический подход ученого к человеку, как мы помним, во многом был обусловлен стремлением «онаучить» человеческий феномен, существующий в его сознании антиномией «научности», соотносимой с детерминизмом, и человеческой субъективности, выступающей основанием свободы. Однако современные исследователи переосмыслили понятия детерминизма и причинности таким образом, что появляется возможность для «спасения» и «научности», и «человечности».

Так, И. Пригожин считает поведение систем в точке бифуркации случайным, и это показывает совместимость представлений о неполной детерминированности объекта

изучения с применением строгих научных методов.

Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов говорят скорее о взаимодействии факторов случайности и необходимости: «Случайность, малые флуктуации действительно могут сбить, отбросить с выбранного пути, приводят, вообще говоря, к сложным блужданиям по полю развития. Но в некотором смысле по крайней мере, на упрощенных математических моделях можно видеть все поле путей развития. Все возможные пути Дао открываются как бы с птичьего полета. Тогда становится ясным, что ветвящиеся дороги эволюции ограничены. Конечно, если работает случайность, то имеют место блуждания, но не какие угодно, а в рамках вполне определенного, детерминированного поля возможностей» [\[13\]](#).

Если А. Л. Чижевский полагал «бесплодными» и «губительными» попытки тех, кто считает возможным способствовать прогрессу, отрицая роль человеческого фактора в истории, то представители синергетики утверждают следующее: «Управление начинает основываться на соединении вмешательства человека с существом внутренних тенденций развивающихся систем. Поэтому здесь появляется в некотором смысле высший тип детерминизма, детерминизм с пониманием неоднозначности будущего и с возможностью выхода на желаемое будущее. Это детерминизм, который усиливает роль человека» [\[13\]](#).

Переходя к анализу религиозного аспекта детерминистических взглядов А. Л. Чижевского на человеческий феномен, следует отметить, что характерная для мировоззрения мыслителя антиномия между «научным» детерминизмом и субъективностью человека отсылает дискуссиям христианских авторов о соотношении свободы воли и божественной благодати [\[14, 15, 16, 17, 18\]](#). Хотя ученый не был религиозен в традиционном смысле слова, некоторые особенности его мировоззрения, по-видимому, восходят к христианским корням русского космизма, даже если сам он этого не осознавал (А. Л. Чижевский мог испытать опосредованное воздействие идей Н. Ф. Федорова через К. Э. Циолковского, лично знавшего «московского Сократа»). Возможно, подобное влияние обусловило особенности антропологического детерминизма мыслителя. Впрочем, обозначенные выше параллели могут свидетельствовать и о том, что содержание научных категорий вообще формировалось под влиянием христианской традиции. Как бы то ни было, идеалу «синергийного» взаимодействия свободы воли и божественной благодати соответствует версия антропологического детерминизма «Основного начала».

Детерминистические взгляды А. Л. Чижевского на человека можно рассматривать и в связи с концепцией космического сознания и соотнесенными с ней представлениями о космической игре, которые отсылают к индуизму. Интересно, что представители Живой Этики причисляют ученого к носителям соответствующей формы сознания и «пророкам» эволюции космоса (так, его бюст является частью скульптурной композиции «Вестники Космической Эволюции» работы А. Д. Леонова). Сам же А. Л. Чижевский упоминает книгу канадского психиатра Р.М. Бёкка «Космическое сознание. Исследование эволюции человеческого разума» [\[19\]](#) на страницах «Электронной теории и генезиса форм».

Р. М. Бёкк полагает сущностной особенностью космического сознания «сознание космоса», порядка и жизни Вселенной, утверждает, что оно настолько же превосходит самосознание, насколько последнее – простое сознание, существующее, по его мнению, и у животных. Исследователь предсказывает наступление эры космического сознания; отдельных носителей такового он видит в живших к моменту написания книги людях. Обретение высшей формы сознания Р. М. Бёкк описывает как своеобразное

мистическое состояние, сопровождающееся эмоциональным подъемом.

В связи с исследованием антропологического детерминизма А. Л. Чижевского для нас представляет интерес то, что канадский автор считает характерной особенностью космического сознания следующее: человек, переживающий подобный опыт, теряет чувство принадлежности самому себе, утрачивает ощущение автономии воли. Концепция связанной с космическим сознанием космической игры, восходящая к ведантистским представлениям о Брахма-лиле также предполагает детерминированность Атмана Браманом [20].

Если разделять мнение представителей Живой Этики об одаренности А. Л. Чижевского космическим сознанием, детерминистические, «антиволюнтаристские» взгляды на человека могут быть интерпретированы как следствие релевантного ему опыта. Впрочем, верифицировать подобную точку зрения невозможно, а потому соответствующие интерпретации являются сугубо спекулятивными. Тем не менее, отметим, что и с концепцией космической игры коррелирует «диалектическая» версия антропологического детерминизма ученого, поскольку Брахма-лила строится именно на диалектике тождества и различия Атмана и Брахмана.

Заключение

Итак, на основании анализа научного и религиозного аспектов рассмотренных детерминистических представлений А. Л. Чижевского о человеке можно сделать следующие выводы:

- 1) «диалектический» антропологический детерминизм «Основного начала мироздания» представляется правомерным, в отличие от характерного для «Электронной теории и генезиса форм» грубо детерминистического подхода к человеческому феномену;
- 2) оценка соответствия двух разновидностей антропологического детерминизма, встречающихся в философских работах мыслителя, научным и религиозным воззрениям позволяет сделать одно и то же заключение об их правомерности.

Сходное видение определенного сложного явления в разных дискурсах свидетельствует: между ними есть немало точек соприкосновения. Тем не менее, предупреждая возражения потенциальных оппонентов, подчеркнем: мы не отрицаем различий между способами получения знания, которые признаются «санкционированными» в контексте научной и религиозной картин мира. Однако эти различия не делают науку и религию мировоззренчески несовместимыми и автоматически изолированными друг от друга, а предоставляют возможности для плодотворного диалога [21]. Нам хочется верить, что данное и дальнейшие исследования будут способствовать его осуществлению.

Библиография

1. Звонова Е. Е., Наумов А. В. О ценности исследования антропологического детерминизма А.Л. Чижевского в связи с идеей активной эволюции // Социология. 2022. № 2. С. 318-323.
2. Сачков Ю.В. Детерминизм. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b45532a2c2c9ae35a140> (дата обращения: 25.12.2023).
3. Звонова Е. Е. Христианская и «прометеевская» антропологии: противоречие или сущностное тождество // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2022. № 2. С. 84-89.

4. Звонова Е. Е. Метафизика человека в философских и научных работах А. Л. Чижевского / под ред. А. Г. Гачевой, Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной. // Русский космизм: Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский. М. : Политическая энциклопедия, 2022. С. 649-661.
5. Чижевский А. Л. Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. № № 1-2. С. 105-136.
6. Чижевский А. Л. Основное начало мироздания // Духовное созерцание. 1997. № № 3-4. С. 85-113.
7. Захаров М. Л. «Бьет хаос в берег наш»: понятие «катастрофа» в философии А. Л. Чижевского / М. Л. Захаров // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2022. № 1(43). С. 71-75.
8. Чижевский А. Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга: 1-я Гостиполиграфия, 1924; репринт 1991. 72 с.
9. Ткачев В. Н. Антропный принцип в архитектуре мироздания / В. Н. Ткачев, Н. В. Данилина // Экология урбанизированных территорий. 2022. № 2. С. 81-89.
10. Walsh A. The Anthropic Principle: a Universe Built for Man. USA: Vernon Art and Science Incorporated, 2023.
11. Carter B. The anthropic principle and its implications for biological evolution, Phil. Trans. Roy. Soc. A310, 1983. P. 347-363.
12. Carter B. Anthropic Principle In Cosmology. // Contribution to Colloquium «Cosmology: Facts and problems». Collégé de France. June 2004.
13. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным. // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3-20.
14. Vicens L. Christianity and the Problem of Free Will. Cambridge University Press, 2023.
15. Лебедев А.Ю. Проблема свободы воли в восточном и западном христианстве // Вопросы теологии. 2022. Т. 4, № 4. С. 619-639.
16. Vicens, Leigh & Furlong, Peter (eds.). Theological Determinism: New Perspectives. New York, NY, USA: Cambridge University Press, 2022.
17. Brotherton, J. R. Chapter 3 The Possibility of Refusing Grace: Freedom and Predestinarianism. / Grace Abounds More: Balthasar's Eschatological Universalism in Dialogue. Leiden, The Netherlands: Brill, 2023.
18. Scardigli F., G. 't Hooft E. S. and Coda P. Determinism and Free Will: New Insights from Physics, Philosophy, and Theology. Cham, Switzerland: Springer, 2019.
19. Richard Maurice Bucke Cosmic consciousness: a study in the evolution of the human mind / edited by Richard Maurice Bucke. - New York : Cambridge University Press, 2010. - XVIII, 318 p.
20. Velmans, M. Is the Universe Conscious? Reflexive Monism and the Ground of Being. / Edward Kelly and Paul Marshall, eds. Consciousness Unbound: Liberating Mind from the Tyranny of Materialism. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2021, P. 175-228.
21. Иванов А. В. Соотношение науки и религии: новые грани старой проблемы // Философия науки и техники. 2022. Т. 27, № 1. С. 111-123.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена творчеству А.Л. Чижевского, учёного, мыслителя, поэта, личности неординарной и противоречивой. Понять людей такого склада нелегко, и уже само своеобразие духовного образа А.Л. Чижевского, воспринимавшегося и воспринимаемого по сей день, одновременно, в качестве гения и шарлатана от науки (с его именем было связано немало скандалов), побуждает судить о тех недостатках, которые обнаруживаются в статье, скорее, осторожно и снисходительно, чем решительно и бескомпромиссно. Тем не менее, целый ряд аспектов рассматриваемого материала требует критической оценки. Автор обращается к антропологическим представлениям А.Л. Чижевского и проводит мысль, что их анализ предполагает учёт как научных, так и религиозных (в самом широком смысле) составляющих. С такой постановкой вопроса трудно не согласиться, однако, рецензент должен признаться, что из текста статьи не понимает, почему эти представления определяются как «детерминистические», между тем, это определение вынесено и в название статьи, и бессчётное число раз повторяется в самом тексте. Совершенно очевидно, что ключевое понятие статьи должно быть ясно определено. Конечно, можно было бы возразить, что понятие «детерминизм» и производные от него относятся к азам философского образования, но в том-то и дело, что конкретное содержание текста не соответствует «школьному» понятию детерминизма. Поэтому возникает предположение, что автор использует его в каком-то особом смысле, и, может быть, подобное использование целесообразно в контексте данной статьи, но читателю крайне сложно понять, на что же конкретно, на какие черты представлений А.Л. Чижевского о человеке, оно в этом случае призвано указывать. Приведём несколько примеров: «Проблема, обозначенная А. Л. Чижевским, решается им в детерминистическом, «гармоническом» ключе». Позвольте, разве «гармоническое», пусть и взятое в кавычки, может пояснить базовый термин статьи? Или ещё один пример: «Антропологический детерминизм А. Л. Чижевского тесно связан с его холистическими представлениями о реальности, от которой человек не отделен как автономная, «самозаконная» часть, а также интуициями подобия микро- и макрокосма». Может быть, и вправду «тесно связан», но только ни холизм, ни другие указанные здесь смысловые характеристики никакого отношения к детерминизму снова не имеют. Следует подчеркнуть, что подобные примеры невозможно представлять просто как случаи неудачного словоупотребления, которые, признаем, могут встретиться у каждого автора, нет, по всему тексту статьи «детерминизм» и его производные никак не сочетаются с конкретными суждениями и оценками, которые приводит автор (обращаясь, в том числе, и к архивным материалам). Так что же тогда автор стремился сказать своему читателю, который на протяжении всего повествования вынужден «угадывать» значение ключевого термина? К сожалению, в статье нет ни введения, ни внятного заключения, и это обстоятельство также, по-видимому, не позволило автору выполнить обязательные требования, предъявляемые к научным публикациям. Стиль текста местами отвлекает читателя от содержания статьи, например, недопустимо часто повторяется назойливое «космист»: «два труда космиста по философии», «космист пишет», «философско-антропологические взгляды космиста», «...для космиста могла бы стать позиция В. Франкла...», и т. п. (В последнем случае, впрочем, и само сформулированное в этом предложении утверждение представляется крайне сомнительным, хочется призвать автора ещё раз вернуться к нему.) Встречаются и другие неудачные выражения («античные эллины» и т.п.), одним словом, текст нуждается и в основательной стилистической правке. Хотелось бы также пожелать автору продумать логику изложения материала, разделив его на смысловые фрагменты и прочертить переходы между ними, прояснив тем самым сюжет повествования как целого. Представляется правильным на основании сказанного заключить, что публикация рецензируемого материала в его сегодняшнем виде нецелесообразна, рекомендую отправить его на

доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Детерминистические представления о человеке в философских работах А.Л. Чижевского: научный и религиозный аспекты», представленной для публикации в журнал «Философская мысль», выступают научный и религиозный аспекты антропологического детерминизма А.Л. Чижевского, отраженного в таких его философских трудах, как «Основное начало мироздания. Система космоса. Проблемы» и «Электронная теория и генезис форм. Проблема», написанных в период с 1920 по 1921 год. Под «детерминистическими воззрениями», выступающими объектом исследования, автор подразумевает взаимосвязи и взаимообусловленности явлений и процессов реальности, что и оговаривает в самом начале работы. Цель своего исследования он видит в прояснение вопроса об особенностях соотношения научной и религиозной картин мира в русском космизме.

Методология исследования в своей основе имеет герменевтический метод, направленный на анализ текстов работ Чижевского, включая рукописи фонда 1703 Архива Академии Наук Российской Федерации. Компаративный анализ, позволяет автору сопоставить идеи рассматриваемого философа с современными естественно-научными представлениями, и религиозными посылками русского космизма и, даже, доктрины Живой Этики. Исторический метод изучения творчества Чижевского дополняется общенаучными методами анализа, синтеза, обобщения, индукции и дедукции.

Актуальность исследования автор видит в необходимости развенчания мифа о противостоянии научного и религиозного мировоззрений и связанных с ними философско-антропологических представлений. Автор считает, что представление о не сочетаемости научного и религиозного мировоззрения имеет негативные последствия и стремится на примере Чижевского показать, что это не так. Однако в тексте работы этому аспекту уделяется не так много внимания.

Научная новизна исследования заключается в выявлении двух разновидностей антропологического детерминизма - диалектического и недиалектического, встречающихся в философских трудах А. Л. Чижевского, и рассмотрение вопроса об их соответствии научным и религиозным воззрениям.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют заявленной проблеме. В начале работы автор презентирует детерминистические взгляды на человека, отраженные в философских работах А. Л. Чижевского, а затем, переходит к раскрытию их научного и религиозного аспектов. Научный аспект антропологического детерминизма мыслителя рассматривается автором статьи сквозь призму глобального эволюционизма - парадигмы, претендующей на роль фундамента современной научной картины мира и сформировавшейся под влиянием теории нестационарной Вселенной. Автор обращается к антропному принципу, показывая его присутствие в работах Чижевского. Религиозный аспект детерминизма проявляется в концепции космического сознания, согласующегося с идеями индуизма, мистическим подходом к психике Р. М. Бёкка. При том, что автор признает - мировоззрение Чижевского религиозным в традиционном смысле слова не было. Автор считает, что такие религиозно-мистические мотивы, впоследствии

положительно оценённые сторонниками Живой этики, в творчестве Чижевского появились в результате влияния идей Н. Ф. Федорова через знакомого с Чижевским К. Э. Циолковского. Характерная для мировоззрения мыслителя антиномия между «научным» детерминизмом и субъективностью человека отсылает к дискуссиям христианских авторов о соотношении свободы воли и божественной благодати. В заключении автор подчеркивает различия в детерминистических установках, демонстрируемых Чижевским в «Основных началах мироздания», где антропологический детерминизм мыслителя можно назвать «диалектическим» и «Электронной теории и генезиса форм», где детерминистический подход более прямолинеен и однозначен.

Библиография статьи включает 21 наименование работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует, включая как исследователей творчества Чижевского в целом, так и авторов, работающих в области изучения его антропологических идей.

Статья будет интересна исследователям творчества Чижевского.

Англоязычные метаданные

Actor modeling of real-time cognitive systems: ontological basis and software-mathematical implementation

Zelenskii Aleksandr Aleksandrovich

PhD in Technical Science

Leading researcher, Scientific and Production Complex "Technological Center"

124498, Russia, Moscow, Zelenograd, Shokin Square, 1, building 7

✉ zelenskyaa@gmail.com

Gribkov Andrei Armovich

Doctor of Technical Science

Senior Researcher, Scientific and Production Complex "Technological Center"

124498, Russia, Moscow, Zelenograd, Shokin Square, 1, building 7

✉ andarmo@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the problem of increasing the reliability of modeling of cognitive systems, to which the authors refer not only human intelligence, but also artificial intelligence systems, as well as intelligent control systems for production, technological processes and complex equipment. It is shown that the use of cognitive systems for solving control problems causes very high rapidity requirements for them. These requirements combined with the necessity to simplify modeling methods as the modeling object becomes more complex determine the choice of an approach to modeling cognitive systems. Models should be based on the use of simple algorithms in the form of trend detection, correlation, as well as (for solving intellectual problems) on the use of algorithms based on the application of various patterns of forms and laws. In addition, the models should be decentralized. An adequate representation of decentralized systems formed from a large number of autonomous elements can be formed within the framework of agent-based models. For cognitive systems, two models are the most elaborated: actor and reactor models. Actor models of cognitive systems have two possible realizations: as an instrumental model or as a simulation. Both implementations have the right to exist, but the possibilities of realizing a reliable description when using the tool model are higher, because it provides incommensurably higher rapidity, and also assumes variability of the modeled reality. The actor model can be realized by means of a large number of existing programming languages. The solution to the problem of creating simulative actor models is available in most languages that work with actors. Realization of instrumental actor models requires rapidity, which is unattainable in imperative programming. In this case, the optimal solution is to use actor metaprogramming. Such programming is realizable in many existing languages.

Keywords: actor, decentralization, patterns, trends, modeling, rapidity, reliability, control, cognitive system, metaprogramming

References (transliterated)

1. Filosofiya: Entsiklopedicheskii slovar' / Pod red. A.A. Ivina. M.: Gardariki, 2004. 1072 s.
2. Mikryukov A.A. Kognitivnye tekhnologii v sistemakh podderzhki prinyatiya reshenii v tsifrovoi ekonomike // Innovatsii i investitsii, 2018, №6, s. 127-131.

3. Zelenskii A.A., Gribkov A.A. Ontologicheskie aspeki problemy realizuemosti upravleniya slozhnymi sistemami // *Filosofskaya mysl'*, 2023, №12, s. 21-31.
4. Gribkov A.A. Empiriko-metafizicheskii podkhod k postroeniyu obshchei teorii sistem // *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2023, №4, s. 14-21.
5. Gribkov A.A. Opredelenie vtorichnykh zakovov i svoistv ob"ektov v obshchei teorii sistem. Chast' 1. Metodologicheskii podkhod na osnove klassifikatsii ob"ektov // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 2023, tom 12, №5-6A, s. 17-30.
6. Zade L.A. *Ponyatie lingvisticheskoi peremennoi i ego primenenie k prinyatiyu priblizhennykh reshenii*. M.: «Mir», 1976. 165 s.
7. Gribkov A.A. Opredelenie vtorichnykh zakovov i svoistv ob"ektov v obshchei teorii sistem. Chast' 2. Metodologicheskii podkhod na osnove klassifikatsii patternov // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*, 2023, tom 12, №9A, s. 5-15.
8. Malyavkina L.I., Dumchina O.A., Savvina E.V. Metody i tekhniki analiza bol'shikh dannykh (Big Data) // *Infrastruktura tsifrovogo razvitiya obrazovaniya i biznesa: Sbornik nauchnykh trudov natsional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Orel, 01-30 aprelya 2021 goda. Orel: Orlovskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i torgovli, 2021, s. 34-39.
9. Duin R.P.W. The Origin of Patterns // *Frontiers in Computer Science*, November 2021, vol. 3, article 747195.
10. Burilina M.A., Akhmadeev B.A. Analiz mnogoobraziya arkhitektur i metodov modelirovaniya detsentralizovannykh sistem na osnove agent-orientirovannogo podkhoda // *Kreativnaya ekonomika*, 2016, t. 10, №7, s. 829-848.
11. Railsback S.F., Grimm V. *Agent-Based and Individual-Based Modeling: A Practical Introduction*, Second Edition. Princeton University Press, 2019. 360 p.
12. Burgin M. *Systems, Actors and Agents: Operation in a multicomponent environment*. 2017, 28 p. URL: arXiv:1711.08319.
13. Rinaldi L., Torquati M., Mencagli G., Danelutto M., Menga T. Accelerating Actor-based Applications with Parallel Patterns // 27th Euromicro International Conference on Parallel, Distributed and Network-Based Processing. 2019, pp. 140-147.
14. Shah V., Vaz Salles M.A. Reactors: A case for predictable, virtualized actor database systems // International Conference on Management of Data. 2018, pp. 259-274.
15. Lohstroh M., Menard S., Bateni S., Lee E. Toward a Lingua Franca for Deterministic Concurrent Systems // *ACM Transactions on Embedded Computing Systems*. 2021. Vol. 20. No. 4, pp. 1-27.
16. Khoroshevskii V.G. Raspredelennye vychislitel'nye sistemy s programmiruemoi strukturoi // *Vestnik SibGUTI*, 2010, №2, s. 3-41.
17. Gribkov A.A., Zelenskii A.A. Opredelenie soznaniya, samosoznaniya i sub"ektnosti v ramkakh informatsionnoi kontseptsii // *Filosofiya i kul'tura*, 2023, №12, s. 1-14.
18. Zelenskii A.A., Ilyukhin Yu.V., Gribkov A.A. Pamyat'-tsentricheskie modeli sistem upravleniya dvizheniem promyshlennykh robotov // *Vestnik Moskovskogo aviationsionnogo instituta*, 2021, t. 28, №4, s. 245-256.
19. Fedorov A. *Kvantovye vychisleniya: ot nauki k prilozheniyam* // *Otkrytye sistemy. SUBD*, 2019, №3, s. 14.
20. Batko P., Kuta M. Actor model of Anemone functional language // *The Journal of Supercomputing*. 2018, Vol. 74, pp. 1485-1496.
21. Skripkin S.K., Vorozhtsova T.N. Sovremennye metody metaprogrammirovaniya i ikh raspredelennye sistemy tekhnologii razrabotki perspektivy // *Vestnik IrGTU*, 2006, №2

- (26), s. 90-97.
22. Neuendorffer S. Actor-Oriented Metaprogramming. PhD Thesis, University of California, Berkeley, December 21, 2004. URL:
<https://ptolemy.berkeley.edu/publications/papers/04/StevesThesis/>
23. Zelenskii A.A., Ivanovskii S.P., Ilyukhin Yu.V., Gribkov A.A. Programmirovaniye doverennoi pamyat'-tsentricheskoi sistemy upravleniya dvizheniem robototekhnicheskikh i mekhatronnykh sistem // Vestnik Moskovskogo aviationsionnogo instituta, 2022, t. 29, № 4, s. 197-210.
24. Kalyaev I., Zaborovskii V. Iskusstvennyi intellekt: ot metafory k tekhnicheskim resheniyam // Control Engineering Rossiya, 2019, № 5 (83), s. 26-31.

Political Messianism as the Basis of the Russian Imperial Myth

Tselykovskiy Aleksey Andreevich

PhD in Philosophy

Associate Professor, Department of Philosophy, Lipetsk State Technical University

398055, Russia, Lipetsk region, Lipetsk, Moskovskaya str., 30

✉ alts1085@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the content, structure, and functions of the imperial political myth. The relevance of the research topic is dictated by the current political situation. In the conditions of growing global political tension and confrontation between Russia and Western countries, accompanied by information and memorial wars, the problem of searching for spiritual and value bases of modern Russian public consciousness arises. Myth, as a social phenomenon, has a powerful meaning-forming potential. Therefore, the practical significance of analyzing the processes of myth-making is to obtain effective tools for managing social processes. The imperial myth is a stable set of political myths rooted in the national culture and largely predetermining the specifics of political traditions. The process of formation of the imperial myth was considered in its historical dynamics at different stages of the Russian state existence. For this purpose, comparative-historical analysis, interdisciplinary analysis, systemic and holistic approach, as well as the principles of the dialectical method were used. The analysis suggests that the imperial myth is based on political messianism. The phenomenon of political messianism is a set of socio-political myths that form an idea of the special position of a nation and assert the existence of its special historical mission, as well as set vectors for the development of political practice. The Messianic imperial myth played a major role in the process of formation and consolidation of the unified Russian state. Later it underwent various transformations. In modern Russian political practice the imperial messianic myth again acquires the status of one of the main elements. Understanding the specifics of modern mythmaking practice with the help of the concept "imperial myth" allows us to take a new look at the political sphere and identify its inherent tendencies.

Keywords: political messianism, messianism, symbol-archetype, symbol, imperial myth, political myth, myth-making, myth, Russian Empire, USSR

References (transliterated)

1. Meletinskii E.M. Poetika mifa. – M.: In-t mirovoi lit. RAN, 2006. – S. 407.
2. D'yakonov I.M. Arkhaicheskie mify Vostoka i Zapada. – M.: Knizhnyi dom «LIBROKOM», 2009. S. 9.

3. Eliade M. Aspekty mifa. – M.: Akademicheskii Proekt, 2010. S. 28.
4. Dzhakson T.N., Konovalova I.G., Podosinov A.V. Imagines mundi: antichnost' i srednevekov'e. – M.: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2013 – S. 424.
5. Sovremennaya politicheskaya mifologiya. M.: Iz-vo RGGU, 1996. S. 95.
6. Averintsev S.S. Sofiya-Logos. Slovar'. – Kiev: Dukh i Litera, 2006. – S. 912.
7. Il'in V.V. Teoriya poznaniya: Simvoliogiya. Teoriya simvolicheskikh form. – M.: Iz-vo Moskovskogo universiteta, 2013. – S. 384.
8. Averintsev S.S. Obraz antichnosti. – M.: Azbuka-klassika, 2004. – S. 480.
9. N.G. Shcherbinina Mifo-geroicheskoe konstruirovaniye politicheskoi real'nosti Rossii. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2011. – S. 288.
10. Suravneva I.M., Fedorov V.V. Fenomen geroizma. – M.: Izdatel'stvo LKI, 2008. – S. 170.
11. Andreeva L.A. Sakralizatsiya vlasti v istorii khristianskoi tsivilizatsii. Latinskii Zapad i pravoslavnyi Vostok. – M.: LadoMir, 2007. – S. 304.
12. Il'in V.V., Akhiezer A.S. Rossiiskaya gosudarstvennost': istoki, traditsii, perspektivy. – M.: Izd-vo MGU, 1997. – S. 384.
13. Sarkisyants M. Rossiya i messianizm. «K russkoi idee» N.A. Berdyaeva. – SPb.: Izd-vo Peterb. un-ta 2005. – S. 272.
14. Efremenko D. V., Malinova O. Yu., Miller A. I. Politika pamyati i istoricheskaya nauka // Rossiiskaya istoriya. – 2018. – № 5. – S. 128-140.

The development of the analytical philosophy of language from the problem of meaning to the theory of speech acts

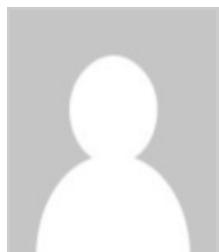
Nedorezov Vadim Georgievich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy Ave., 13, building 20, office 20-806

✉ nvad@yandex.ru

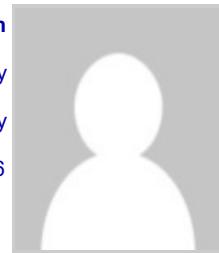
Pisarchik Leonid Yurievich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University

460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Pobedy Ave., 13, building 20, office 20-806

✉ leonidtp@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the development of the analytical philosophy of language in the twentieth century from the problem of meaning, which was central to the logic of G. Frege, in logical positivism and in the philosophy of B. Russell, to the theory of speech acts, that is, the development from semantics to pragmatics. The main attention is focused on such problems as the problem of the essence of language, the problem of meaning and reference, the nature of communication, and the theory of speech acts. The purpose of the study is to identify the features of the concepts of meaning in different representatives of analytical philosophy. A special place is given in this context to the ideas of L. Wittgenstein and H. Putnam's. It is also important to find out the reasons for the transition of analytical philosophy to communication problems. The specific features of the concepts of speech acts

by such thinkers as D. Austin and D. Searle are also considered. The article uses such research methods as historical and philosophical analysis, socio-critical, as well as comparative methods. The novelty of the research lies in identifying how philosophers followed the path of updating and deepening the problem of meaning and reference, as well as what the specifics of each solution are. The changes that took place in the philosophy of language in the twentieth century, introduced, first of all, by L. Wittgenstein during the "linguistic turn", are considered. Significant innovations introduced into the descriptive-analytical linguistic theory of speech acts related to the names of D. Austin and D. Searle are also shown. Austin's characterized and classified speech acts, D. Searle's combined the problem of speech communication with the problem of intentionality, as a fundamental ability of human consciousness. A critical flaw in the theory of speech acts is pointed out: in fact, it does not explain the nature of dialogue, since it presents a variety of monologues.

Keywords: theory of speech acts, communication, reference, meaning, mentalism, philosophy of language, language, logical positivism, analytical philosophy, intentionality

References (transliterated)

1. Analiticheskaya filosofiya / pod red. M.V. Lebedeva i A.Z. Chernyaka. M.: Izdatel'stvo RUDN, 2006. 622 s.
2. Nikonenko S.V. Analiticheskaya filosofiya. Osnovnye napravleniya. SPb.: Izdatel'stvo S.-Peterburgskogo universiteta, 2007. 546 c.
3. Gryaznov A.F. Analiticheskaya filosofiya. M.: Vysshaya shkola, 2006. 375 s.
4. Straud B. Analiticheskaya filosofiya i metafizika // Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty / sost. A.F. Gryaznov. M.: Izdatel'stvo MGU, 1993. S. 159-174.
5. Analiticheskaya filosofiya: Izbrannye teksty / sost. A.F. Gryaznov. M.: Izdatel'stvo MGU, 1993. 181 s.
6. Frege G. Mysl': logicheskoe issledovanie // Filosofiya, logika, yazyk / pod red. D.P. Gorskogo i V.V. Petrova. M.: Progress, 1987. S. 18-47.
7. Rassel B. Chelovecheskoe poznanie: ego sfera i granitsy. M.: TERRA – Knizhnyi klub; Respublika, 2000. 464 s.
8. Griffin N. Russell's Use Theory of Meaning // Journal for the History of Analytical Philosophy. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 1-18. URL: https://www.researchgate.net/publication/340218161_Russell's_Use_Theory_of_Meaning / Data obrashcheniya – 05.01.2024
9. Shvyrev V.S. Analiz nauchnogo poznaniya: osnovnye napravleniya, formy, problemy. M.: Nauka, 1988. 176 s.
10. Patnem Kh. Filosofy i chelovecheskoe ponimanie // Sovremennaya filosofiya nauki. Khrestomatiya. M.: Nauka, 1994. S. 146-163.
11. Vitgenshtein L. Logiko-filosofskii traktat // Vitgenshtein L. Filosofskie raboty. Chast' I. M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. S. 1-73.
12. Chernyak V.S. Iстория. Логика. Нauка. M.: Nauka, 1986. 372 s.
13. Nikiforov A.L. Ot formal'noi logiki k istorii nauki. M.: Nauka, 1983. 176 s.
14. Vitgenshtein L. Filosofskie issledovaniya // Vitgenshtein L. Filosofskie raboty. Chast' I. M.: Izdatel'stvo «Gnozis», 1994. S. 75-319.
15. Patnem Kh. Filosofiya soznaniya. M.: Dom intellektual'noi knigi, 1999. 240 s. URL: https://vk.com/doc5787984_353914101?hash=ucBOFQwWIZ2vkaMFw6a3zf8FrIm8xHUJv1zYxrZh9T0 / Data obrashcheniya –

04.01.2024

16. Makeeva L.B. Filosofiya Kh. Patnema. M.: IFRAN, 1996. 190 s. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/1996/Makeeva_Putnam.pdf?ysclid=lqxvt3nds3591867228 / Data obrashcheniya – 03.01.2024
17. Putnam N. Reference and Truth // Putnam N. Realism and Reason. Philosophical Papers. Vol. 3. Cambidge, 1983. URL: https://books.google.ru/books?id=HAjfSA3ir3kC&pg=PA69&num=20&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false / Data obrashcheniya – 04.01.2024
18. Rorti R. Filosofiya i zerkalo prirody. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo un-ta, 1997. 320 s.
19. Ostin Dzh.L. Performativy – konstativy // Filosofiya yazyka / pod red. Dzh. Serla. M.: Editorial URSS, 2004. S. 23-34.
20. Ostin D. Slovo kak deistvie // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. XVII. Teoriya rechevykh aktov. M.: Progress, 1986. S. 22-129. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/novoe_v_zarub/text.pdf / Data obrashcheniya: 04.01.2024
21. Serl Dzh.R. Chto takoe rechevoi akt? // Filosofiya yazyka / pod red. Dzh. Serla. M.: Editorial URSS, 2004. S. 56-74.
22. Serl' Dzh.R. Priroda intentsional'nykh sostoyanii // Filosofiya, logika, yazyk / pod red. D.P. Gorskogo i V.V. Petrova. M.: Progress, 1987. S. 96-126.
23. Medvedev V.I. Filosofiya yazyka: Ocherki istorii. SPb.: Izdatel'stvo RKhGA, 2012. 336 s.

Georg Simmel on the manifestation and restraint of emotions

Ganin Aleksandr Vladislavovich

Senior Lecturer, Department of Sociology and Cultural Studies, Bauman Moscow State Technical University

105005, Russia, Moscow, 2nd Baumanskaya str., 5, p. 1

 avg_socio@mail.ru

Abstract. One of the key issues of social philosophy of the XX-XXI centuries was the relationship of individual emotions to public life. The "classics" answered this question in different ways. In the opinion of the author of the article, the most interesting and influential approach is that of the German philosopher and sociologist Georg Simmel. The approach is ambivalent and creative. Starting from the need to take into account individual emotions, Simmel at the same time tried to show the specifics of an emotionally self-censoring modern society with its strict restrictions. In this article, based on general scientific methods, an analysis of significant works by Simmel is carried out. Strategies of emotional self-censorship or deterrence have been identified. First, the strategy of urban blasphemy or bluntness of emotions. It has been shown how this way of restraining emotions develops in conditions of cognitive overload in large cities. With the help of general scientific methods, the causes of such a phenomenon of public life, such as "self-defense" of the nervous system and social alienation have been identified. Secondly, the strategy of developing a sense of tact was analyzed. It is pointed out that, according to Zimmel, tact serves as the basis for communication and socialization and imposes a ban on the breakthrough of individual feelings into the sphere of communication. Thirdly, the article describes the strategy of monetary objectification of the emotional sphere, which is the most significant for Zimmel's creativity. Special attention in the study of this issue is paid to the analytical and critical understanding

of the philosophical and sociological ideas of the work "Philosophy of Money". The author of the article carried out an independent translation of excerpts from the book, which allowed for a more detailed study of the relationship between money, emotions and desires. The elements of the scientific novelty of the article include the identification of the specifics of "monetary cynicism" as a special variant of the objectification of the emotional sphere.

Keywords: emotions, blase attitude, a sense of tact, sociology of emotions, Philosophy of money, money, cynicism, social philosophy of emotions, Simmel, duality

References (transliterated)

1. Stets J. E. (2006). Emotions and Sentiments. Handbooks of Sociology and Social Research, 309–335.
2. Shilling, C. (2002). The Two Traditions in the Sociology of Emotions. *The Sociological Review*, 50(2_suppl), 10–32.
3. Zimmel' G. *Kak vozmozhno obshchestvo?//Georg Zimmel'*. Izbrannoe. Problemy sotsiologiiyu T. 2. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017.
4. Gerhards, J. (1986). Georg Simmel's contribution to a theory of emotions. *Social Science Information*, 25(4), 901–924.
5. Kovalev Yu.V. *Emotsii v norme i patologii: illyustrirovannoe ucheyunoe posobie*. M.: Prospekt, 2023.
6. Cerulo, M. (2021). Simmel, the Emotions and the Tragic Nature of the Love Bond. *Simmel Studies*, 25(2), 55–83.
7. Zimmel' G. *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'*. M.: Strelka Press, 2018.
8. Podvoiskii D.G. «*Ostrozhdno modern!*», ili teatr tenei sovremennosti i ego personazhi: instrumental'naya ratsional'nost' – den'gi – tekhnika (chast' 2)// *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2022. №1.
9. Barbalet J. (1998) *Emotion, Social Theory and Social Structure. A Macrosociological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Zimmel' G. *Obshchenie. Primer chistoi, ili formal'noi sotsiologii//Georg Zimmel'*. Izbrannoe. Problemy sotsiologiiyu T. 2. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017.
11. Zanfi K. *Bergson i nemetskaya filosofiya. 1907-1932*. M.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2020.
12. Simmel G. (2004). *Philosophy of money*. London: Routledge.
13. Zimmel' G. *Filosofiya deneg//Georg Zimmel'*. Izbrannoe. Problemy sotsiologiiyu T. 2. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017.
14. Veber M. *Khozyaistvo i obshchestvo: ocherki ponimayushchei sotsiologii: v 4 t. T. 1. Maks Veber; [per. s nem.]; sost., obshch. red. i predisl. L.G. Ionina; Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki»*. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016.
15. Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo: osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii / Per. s nem. D.V. Sklyadneva*. SPb.: Vladimir Dal', 2002.
16. Saido-Ramos, O. (2019). The Sociological Analysis of Shame in Georg Simmel. A Proposal to Study the Performative and Relational Character of Emotions. *Digithum*, №. 23.
17. Simmel G. Soto (translator), Andrés. (2018). On a Psychology of Shame. *Digithum*, 2018, Num. 21, pp. 67-74.
18. Zimmel' G. *Ekskurs o chuzhake // Georg Zimmel'*. Izbrannoe. Problemy sotsiologiiyu T. 2. M.; SPb.: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2017.

19. Zimmel' G. Moda // Georg Zimmel'. Izbrannoe. T. 2. Sozertsanie zhizni – M.: Yurist, 1996.
20. Simmel, Georg (1997 [1907]): Dankbarkeit. Ein soziologischer Versuch, in: Georg Simmel: Aufsätze und Abhandlungen. 1901–1908, Bd. 2, Frankfurt am Main: Suhrkamp, S. 308–316.
21. Ionin L.G. Georg Zimmel' – sotsiolog (kriticheskii ocherk) / Otv. Red. Yu.N. Davydov. M.: Nauka, 1981.

Typology of philosophical worldviews. Problems of the naturalistic worldview

Nizhnikov Sergey Anatolievich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of History of Philosophy, Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (RUDN University)

117198, Russia, Moscow, Mklukho-Maklaya str., 10/2

 nizhnikov-sa@rudn.ru

Lagunov Aleksey Aleksandrovich

Doctor of Philosophy

Professor, Department of Philosophy and Ethnology, North Caucasus Federal University

355017, Russia, Stavropol Territory, Stavropol, Pushkin str., 1

 emaillag@mail.ru

Abstract. The article proposes a typology of philosophical worldviews: naturalistic, pantheistic and transcendental. The naturalistic worldview, which includes positivism and materialism, is analyzed in detail. On the basis of historical-philosophical and epistemological consideration, the metaphysical nature of the category "matter" is determined. It is shown that in materialism this category is hypertrophied to the status of a pseudo-absolute. It is noted that the logic of historical, philosophical and spiritual development inevitably leads to the formation of the concept of the Absolute, realizing the principle of monism in the interpretation of the fundamental basis of being. This process is considered on the example of ancient hylozoism, through the crisis of atomistics going to the dualism of Plato (idea and matter) and Aristotle (form and matter), removed in the dialectic of Hegel. It is shown that if we proceed from materialistic axiomatics, it is impossible to solve such cardinal philosophical problems as an adequate definition of the ontological status of the category of matter, the establishment of the cause of movement, the creation of theodicy, the explanation of the existence of freedom, the justification of morality and humanism. The unresolved nature of these problems in materialism leads to the need to form other types of philosophical worldviews: pantheistic and transcendental, which have a pronounced metaphysical character, however, although they proceed from the concept of the Absolute, they think it fundamentally differently. In the future, the authors plan to publish articles devoted to the consideration of pantheistic and transcendental types of philosophical worldviews.

Keywords: source of movement, Absolute, metaphysics, atom, hylozoism, materialism, matter, naturalism, theodicy, worldview

References (transliterated)

1. Khaidegger M. Osnovnye ponyatiya metafiziki // Chto takoe metafizika? M.: Akademicheskii Proekt, 2007. S. 80-171.
2. Dil'tei V. Tipy mirovozzreniya i obnaruzhenie ikh v metafizicheskikh sistemakh // Kul'turologiya. XX vek: Antologiya. M.: Yurist, 1995. S. 213-255.
3. Lagunov A. A. Mirovozzrencheskaya involyutsiya: prichiny, posledstviya i perspektivy. M.: INFRA-M, 2022. 195 s.
4. Gegel' G. V. F. Nauka logiki. SPb.: Nauka, 1997. 780 s.
5. Vindel'band V. Vvedenie v nauki o dukhe. Opyt polaganiya osnov dlya izucheniya obshchestva i istorii // Sobr. soch. T. 1. Vvedenie v nauki o dukhe. M.: Dom intellektual'noi knigi, 2000. S. 271-709.
6. Losev A. F. Dialektika mifa. M.: Izd-vo «Mysl'», 2001. 558 s.
7. Yung K. G. O psikhologii vostochnykh religii i filosofii. Sostavitel' V. Bakusev. M.: MEDIUM, 1994. 256 s.
8. Khaidegger M. Chto takoe metafizika // Chto takoe metafizika? M.: Akademicheskii Proekt, 2007. S. 24-43.
9. Aristotel'. Metafizika // Sochineniya v chetyrekh tomakh. T. 1. Red. V. F. Asmus. M.: Mysl', 1975. S. 63-368.
10. Gegel' G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. T. 1. M.: «Mysl'», 1974. 452 s.
11. Rukopis' retsenzii A. V. Semushkina na knigu P. P. Gaidenko «Evolyutsiya ponyatiya nauki: Stanovlenie i razvitiye pervykh nauchnykh programm (M.: Nauka, 1980. 566 s.).
12. Antologiya mirovoi filosofii. V 4-kh t. T. 1. Ch. 1. M.: Mysl', 1969. 936 s.
13. Semushkin A. V. Ot antichnosti k srednevekov'yu // Izbrannye sochineniya: V 2-kh tt. T. II. M.: Izd-vo RUDN, 2009. S. 385-398.
14. Nizhnikov S. A. Problemnost' atomisticheskoi metafiziki // Metafizika. Nauchnyi zhurnal. 2019, 3 (33). S. 42-52.
15. Losev A. F. Iстория античной эстетики. Ранняя классика. M.: AST, 2000. 624 s.
16. Losev A. F. Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii. M.: Mysl', 1993. 959 s.
17. Leibnits G. V. Materiya, vzyataya v sebe // Sochineniya: V 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1982. S. 383-387.
18. Sheler M. Filosofskoe mirovozzrenie // Izbrannye proizvedeniya. M.: Izd-vo «Gnozis», 1994. S. 3-14.

Deterministic ideas about man in the philosophical works of A.L. Chizhevsky: scientific and religious aspects

Zvonova Ekaterina Evgen'evna

PhD in Philosophy

Associate professor, Department of Humanities, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenovskiy University); Senior Researcher, Cosmism Research Center, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES)

119048, Russia, Moscow region, Moscow, Trubetskaya str., 8, p. 2

 farfelushka@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the scientific and religious aspects of the anthropological determinism of the philosophical works of A.L. Chizhevsky, the object is the deterministic views of the cosmist on man. The author examines in detail the "dialectical" anthropological determinism compatible with the freedom of human will of the "Basic principle

of the universe" and the roughly deterministic approach to man of the "Electronic Theory and genesis of forms". Special attention is paid to the study of the question concerning the validity of both types of deterministic views in the context of global evolutionism, as well as Christianity and Vedantist ideas about the "cosmic game" correlated with the phenomenon of cosmic consciousness. The purpose of the work is to explicate the question of the peculiarities of the correlation of scientific and religious worldviews in Russian cosmism, based on which it is possible to identify the grounds for a productive dialogue between science and religion.

The following methods were used: analysis of textual sources (including manuscripts of the 1703 fund of the Archive of the Academy of Sciences of the Russian Federation), comparative analysis, analysis, synthesis, generalization, induction and deduction, historical method. The scientific novelty of the article lies in the identification of two varieties of anthropological determinism characterizing the philosophical works of A.L. Chizhevsky, and the study of their compliance with scientific and religious views. The main conclusions of the study are the following judgments: 1) "dialectical" anthropological determinism seems legitimate, in contrast to the roughly deterministic approach to man; 2) an assessment of the correspondence of the two mentioned varieties of anthropological determinism to scientific and religious views allows us to draw the same conclusion about their legality. A similar vision of a complex phenomenon in scientific and religious discourses indicates the presence of points of contact between them. The similarities and differences between science and religion should become the basis for solving the urgent problem of building a constructive dialogue between these forms of human culture.

Keywords: The anthropic principle, religion, the science, evolution, human, free will, determinism, Alexander Leonidovich Chizhevsky, synergetics, cosmic consciousness

References (transliterated)

1. Zvonova E. E., Naumov A. V. O tsennosti issledovaniya antropologicheskogo determinizma A.L. Chizhevskogo v svyazi s ideei aktivnoi evolyutsii // Sotsiologiya. 2022. № 2. S. 318-323.
2. Sachkov Yu.V. Determinizm. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0140b45532a2c2c9ae35a140> (data obrashcheniya: 25.12.2023).
3. Zvonova E. E. Khristianskaya i «prometeevskaya» antropologii: protivorechie ili sushchnostnoe tozhdestvo // Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya. 2022. № 2. S. 84-89.
4. Zvonova E. E. Metafizika cheloveka v filosofskikh i nauchnykh rabotakh A. L. Chizhevskogo / pod red. A. G. Gachevoi, B. I. Pruzhinina, T. G. Shchedrinой. // Russkii kosmizm: N. F. Fedorov, K. E. Tsiolkovskii, V. I. Vernadskii, A. L. Chizhevskii. M. : Politicheskaya entsiklopediya, 2022. S. 649-661.
5. Chizhevskii A. L. Osnovnoe nachalo mirozdaniya // Dukhovnoe sozertsanie. 1997. №№ 1-2. S. 105-136.
6. Chizhevskii A. L. Osnovnoe nachalo mirozdaniya // Dukhovnoe sozertsanie. 1997. №№ 3-4. S. 85-113.
7. Zakharov M. L. «B'et khaos v bereg nash»: ponyatie «katastrofa» v filosofii A. L. Chizhevskogo / M. L. Zakharov // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2022. № 1(43). S. 71-75.
8. Chizhevskii A. L. Fizicheskie faktory istoricheskogo protsessa. Kaluga: 1-ya Gostipolitografiya, 1924; reprint 1991. 72 s.

9. Tkachev V. N. Antropnyi printsip v arkitekture mirozdaniya / V. N. Tkachev, N. V. Danilina // Ekologiya urbanizirovannykh territorii. 2022. № 2. S. 81-89.
10. Walsh A. The Anthropic Principle: a Universe Built for Man. USA: Vernon Art and Science Incorporated, 2023.
11. Carter B. The anthropic principle and its implications for biological evolution, Phil. Trans. Roy. Soc. A310, 1983. P. 347-363.
12. Carter B. Anthropic Principle In Cosmology. // Contribution to Colloquium «Cosmology: Facts and problems». Collégé de France. June 2004.
13. Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P. Sinergetika kak novoe mirovidenie: dialog s I. Prigozhinym. // Voprosy filosofii. 1992. № 12. S. 3-20.
14. Vicens L. Christianity and the Problem of Free Will. Cambridge University Press, 2023.
15. Lebedev A.Yu. Problema svobody voli v vostochnom i zapadnom khristianstve // Voprosy teologii. 2022. T. 4, № 4. S. 619-639.
16. Vicens, Leigh & Furlong, Peter (eds.). Theological Determinism: New Perspectives. New York, NY, USA: Cambridge University Press, 2022.
17. Brotherton, J. R. Chapter 3 The Possibility of Refusing Grace: Freedom and Predestinarianism. / Grace Abounds More: Balthasar's Eschatological Universalism in Dialogue. Leiden, The Netherlands: Brill, 2023.
18. Scardigli F., G. 't Hooft E. S. and Coda P. Determinism and Free Will: New Insights from Physics, Philosophy, and Theology. Cham, Switzerland: Springer, 2019.
19. Richard Maurice Bucke Cosmic consciousness: a study in the evolution of the human mind / edited by Richard Maurice Bucke. - New York : Cambridge University Press, 2010. - XVIII, 318 p.
20. Velmans, M. Is the Universe Conscious? Reflexive Monism and the Ground of Being. / Edward Kelly and Paul Marshall, eds. Consciousness Unbound: Liberating Mind from the Tyranny of Materialism. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2021, P. 175-228.
21. Ivanov A. V. Sootnoshenie nauki i religii: novye grani staroi problemy // Filosofiya nauki i tekhniki. 2022. T. 27, № 1. S. 111-123.